

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“. Второе дополненное и исправленное издание. Составилъ <i>С. О. Грушевскій</i>	164
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Дружескіе совѣты родителямъ о воспитаніи ихъ дѣтей“. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Влнсмера.	—
Официальныя извѣщенія	—

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Судьба астрономіи въ Китаѣ. <i>К. Скачкова</i>	1
Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. <i>А. И. Артемьева</i>	32
Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. <i>Ө. Керенскаю</i>	99
Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. <i>М. Владимірскаю-Буданова</i>	136
Политическое устройство германской имперіи. <i>А. Градовскаю</i>	158 и 264
Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. <i>Ө. Леонтовича</i>	201
Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руса. <i>Н. Ламбина</i>	225
Новости иностранной ученой литературы	300

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. <i>А. М. Гезена</i>	1
Италянскіе университеты. <i>А. Кистляковскаю</i>	65

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ 1873 году	1 и 103
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшія училища и б) высшія учебныя заведенія. 55 и 83	
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Д—ра</i>	70 и 133
Латинскій языкъ въ Саксонскихъ учительскимъ семинаріяхъ. 128	

ИСТОЧНИКЪ ЛѢТОПИСНАГО СКАЗАНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ ¹⁾.

Болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ Шлецеръ впервые заговорилъ о необходимости критической разработки нашихъ лѣтописей. Вызывая на этотъ трудъ русскихъ ученыхъ, какъ дѣятелей наиболѣе компетентныхъ, онъ предлагалъ имъ приступить, вопервыхъ, къ возстановленію подлиннаго текста Несторовой лѣтописи посредствомъ дословнаго свода и критическаго сличенія всѣхъ раз-

¹⁾ Эта статья первоначально, въ краткомъ очеркѣ, входила въ составъ моего сочиненія: «Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи»; но послѣ, убѣдившись, что такого предмета, какъ начальное сказаніе нашей лѣтописи, нельзя касаться поверхностно при разсмотрѣніи другихъ вопросовъ, и что предложенные въ очеркѣ соображенія и выводы необходимо подтвердить рядомъ доказательствъ очевидныхъ и осозательныхъ, я исключилъ этотъ очеркъ изъ рукописи, уже представленной на соисканіе награды графа Уварова, и назвалъ свое сочиненіе *первою частью* «Опыта», изслѣдованіемъ «О Свѣигелдѣ и Угличахъ», объявилъ, что подробное и обстоятельное разсмотрѣніе сказанія о началѣ Руси и его древняго письменнаго источника составитъ задачу второй части моего «Опыта» (см. «Отчетъ о 14-мъ присужденіи награды графа Уварова» стр. 102). Но эта обѣщанная вторая часть не вполне еще окончена, почему и первая остается не изданною; а такъ какъ теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, въковой споръ о Варягахъ и Руси снова поднятъ въ нашей литературѣ, и даже объявлена опять новая *безпощадная* война норманнизму, то не излишнимъ будетъ напечатать пока эту, давно готовую статью, вновь пересмотрѣнную и значительно дополненную, которая, представляя первоначальный текстъ спорнаго лѣтописнаго сказанія, возстановленный изъ разночтеній, поведеть, можетъ-быть, къ окончательному рѣшенію безконечнаго спора, или сообщитъ ему, по крайней мѣрѣ, другое, болѣе плодотворное направленіе, доказавъ невозможность рѣшить его помимо свидѣтельства лѣтописи, а слѣдовательно, и необходимость выяснить смыслъ и значеніе этого свидѣтельства.

Встрѣчающіяся въ этой статьѣ сокращенія названій списковъ указаны въ примѣчаніи къ моей статьѣ «О Тмутараканской Руси», *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1874. Январь.

норѣчій возможно большаго числа списковъ, то-есть, посредствомъ, такъ-называемой *малой критики* или *критики словъ*, которую онъ объявилъ нашею первою задачею, такъ-сказать, первымъ шагомъ при разработкѣ нашей исторіи, необходимою предварительною работою, безъ которой не возможно ясное и вѣрное толкованіе фактовъ, слѣдовательно, не возможна и правдивая исторія. Мы не послушались нашего учителя, и намъ пришлось убѣдиться въ истинѣ имъ сказаннаго нашимъ собственнымъ столѣтнимъ опытомъ. Не рѣшивъ первой заданной намъ задачи, не ступивъ твердо и правильно перваго шага, а прыгнувъ какъ-то обѣими ногами прямо на второй, мы до сихъ поръ толчемся все на одномъ мѣстѣ — на первомъ фактѣ нашей исторіи, вертимъ во всѣ стороны вопросъ о началѣ нашего государства, ищемъ его основателей повсюду, выводимъ нашу Русь отъ всѣхъ племенъ и народовъ, измышляя системы и теоріи одна другой затѣйливѣе. Но отъ одной только Руси — отъ той, о которой говоритъ наша лѣтопись, мы доселѣ упорно отворачиваемся, и самое сказаніе о ней, вмѣсто того, чтобы подвернуть его всестороннему разсмотрѣнію, готовы стереть съ лица земли, потому что оно выводитъ нашу Русь изъ-за моря, отъ Варяговъ и служитъ основою норманской теоріи.

Слишкомъ сто лѣтъ уже боремся мы съ этою ненавистною намъ теоріей и все не можемъ ни уничтожить ея, ни примириться съ нею. Время отъ времени противъ нея все еще слышатся протесты, въ сущности старые, только съ новыми варіаціями. Сколько ихъ было отъ Ломоносова до нашихъ дней — сосчитать трудно; но всѣ они имѣли одинаковую участь: въ свое время каждая новая попытка замѣнить варяжскую Русь славянскою или хоть родственною съ нею литовскою, была обыкновенно встрѣчаема русскою читающею публикою съ большимъ сочувствіемъ и производила нѣкоторый шумъ, но передъ судомъ критики оказывалась несостоятельною и тѣмъ самымъ только яснѣе выставляла преимущества норманской теоріи. Отъ чего же мы не хотимъ мириться съ этою господствующею теоріей, а все еще, не смотря на неоднократно испытанныя неудачи, грозимъ ей безпощадною войною? Чтѣ мѣшаетъ намъ признать Варяговъ - Русь основателями нашего государства? Мѣшаетъ то, что наше государство, Русское по имени, оказывается по своему составу, по основнымъ элементамъ, — и притомъ, можно сказать, уже съ первыхъ дней своего существованія, государствомъ не варяжскимъ, а славянскимъ, которое отъ прочихъ славянскихъ царствъ и княжествъ отличается толь-

ко своею колоссальностію, могуществомъ, большею крѣпостію своего организма, и отъ того такою живучестію, такою полнотою и неистощимостію своихъ силъ, какихъ не проявляли другія славянскія государства. А кто же были Варяги-Русь, основатели этого громаднаго славянскаго государства? Народъ скандинавскаго племени и языка, родственнѣйшій Шведамъ, обитавшій гдѣ-то за моремъ и оттуда, вмѣстѣ съ призванными князьями, пришедшій, будто-бы, въ намъ въ полномъ составѣ, съ своимъ бытомъ семейнымъ, религіознымъ и общественнымъ. Этотъ пришлый народъ, какъ говорятъ норманисты, заселилъ у насъ сперва Новгородъ и другіе сѣверные города, а потомъ утвердился въ Кіевѣ, и подчинивъ себѣ всѣ племена славянскія и финскія, оставался въ теченіе двухъ вѣковъ, съ половины IX до половины XI, народомъ господствующимъ и единственнымъ дѣйствующимъ въ исторіи. Его отношенія къ Славянамъ г. Погодинъ въ заключительномъ выводѣ, въ концѣ III-го тома своихъ „Исслѣдованій“, изображаетъ такъ: „Варяги, въ продолженіе періода, разсмотрѣннаго нами (862—1054), были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ,—они жили вмѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, но еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію, или лучше сказать, одни составляютъ ее. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство.... Славяне платили дань, работали и только, а впрочемъ жили по прежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполнѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племени соединились въ одинъ народъ, то-есть, Варяги сдѣлались Славянами, принявъ ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ“.

Но какъ же эти иноплеменники, Варяги, живя въ продолженіе двухъ вѣковъ вмѣстѣ съ Славянами и господствуя надъ ними, не оставаясь отдѣльнымъ отъ нихъ племенемъ и не усвоивая ни ихъ языка, ни обычаевъ,—какъ они ухитрились основать государство чисто славянское, и притомъ одни, безъ всякаго участія и содѣйствія самихъ Славянъ, которые „платили дань, работали и только“? Неужели такое явленіе возможно?... И развѣ оно подтверждается исторіей, фактами? Наша лѣтопись, говоря о походахъ первыхъ князей русскихъ, обыкновенно перечисляетъ племена славянскія и финскія, какъ главныхъ въ нихъ участниковъ. Правда, во главѣ перечня она ставитъ Варяговъ, но кто эти Варяги? Иноземные наемники, прихо-

дившіе изъ за-моря, или сами по своей волѣ, или по зову князей, какъ при Игорѣ и Ярославѣ. Особаго же племени Варяговъ, осѣдло живущаго въ нашей странѣ, господствующаго надъ Славянами и исключительно, будто-бы, дѣйствующаго въ нашей исторіи, она вовсе не знаетъ; не знаетъ она у насъ и Руси, какъ народа отдѣльнаго отъ Славянъ, а самихъ Славянъ, какъ обитателей земли Русской, какъ гражданъ Русскаго государства со временъ Владимира и Ярослава, именуется Русью—Русскимъ народомъ: „Словенскій языкъ (*народъ*) и Русскій одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене“,—говоритъ лѣтописецъ (Др. 12).

Очевидно, стало быть, что ученая система норманистовъ, отправившись отъ факта прибытія къ намъ варяжскаго народа Русь, доходить въ своемъ послѣдовательномъ развитіи до выводовъ и заключеній, явно невозможныхъ,—до крайностей, рѣзко расходящихся съ историческою дѣйствительностію. И вотъ почему ею нельзя довольствоваться! Вотъ почему она вызвала и вызываетъ протесты!... Но доселѣ никто еще изъ протестовавшихъ не выступалъ противъ нея такъ рѣшительно, съ такою силою, съ такимъ запасомъ учености, какъ г. Геденовъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ“ (*Зап. Им. Ак. Н.* т. I, II и III, 1862—1863 г.). Онъ, можно сказать, разгромилъ эту побѣдоносную доселѣ теорію, созданную трудами цѣлаго ряда ученыхъ; по крайней мѣрѣ, разшаталъ ее такъ, что въ прежнемъ видѣ она уже не можетъ быть восстановлена.

Однако, что же предлагаетъ намъ г. Геденовъ въ замѣнъ прежней забракованной имъ теоріи? Какъ, по его мнѣнію, составилось Русское государство?

Отвергнувъ варяжское происхожденіе Руси, якобы *изобрѣтенное* самимъ Несторомъ, ученымъ систематикомъ, онъ ведетъ къ намъ изъ-за моря Варяжскаго только князей, съ ихъ родами и съ дружиною, но и то не отъ Норманновъ, а отъ западныхъ, поморскихъ Славянъ—отъ Вендовъ, допуская впрочемъ, что въ дружинѣ князей, вмѣстѣ съ Вендами, было также много Норманновъ, Саксонцевъ и т. д. (стр. 160), и утверждая, что всѣ эти дружинники назывались Варягами, то-есть, *мечниками*, отъ древнскаго слова *warang*—*мечъ* (производство, уже забракованное, см. замѣчанія г. А. Куника къ „Отрывкамъ о варяж. вопр.“, стр. 233). А гдѣ же Русь?—Она уже ископн-вѣковъ мирно пребывала у насъ на югѣ, въ Приднѣпровьи, и поклонялась святымъ рѣкамъ *Рось*. Это наши южные Славяне, водопоклонники

или *Росопоклонники*, и г. Геденовъ знаетъ (стр. 24) что „первобытное названіе Росопоклонниковъ восточнаго шестиплеменнаго союза было *Рось*, а не *Русь*“. Но когда и какія именно *шесть племенъ* составляли этотъ союзъ Росопоклонниковъ, и что это былъ за союзъ, политическій или религіозный,—авторъ новой теоріи не сказываетъ. О томъ же, у какихъ писателей, въ какихъ источникахъ эти шесть племенъ являются до половины IX вѣка подъ именемъ Руси или Руси,—онъ не дозволяетъ даже и спрашивать. „Никто“, говоритъ онъ (стр. 83), „не имѣетъ права требовать отъ греческихъ и арабскихъ писателей извѣстій о Руси до второй половины IX вѣка“. И это потому, что наши славянскія племена жили въ своей странѣ, въ мирной безвѣстности, и ничѣмъ—ни враждебными дѣйствіями, ни торговыми сношеніями, не заявляли другимъ народамъ о своемъ существованіи. Но если такъ, если приднѣпровскіе Славяне до второй половины IX вѣка нигдѣ и никогда не являлись подъ именемъ Руси; если и главнѣе изъ нихъ—Поляне, сами въ своихъ легендахъ (о построеніи Кіева, о хазарской дани) называли себя и своихъ предковъ не Русью, а Полянами; если только со времени прибытія варяжскихъ князей проявилась въ нашей Славянской землѣ кипучая дѣятельность, прежде невѣдомая, и начался рядъ неслыханныхъ дотошъ подвиговъ, сдѣлавшихъ имя Руси громкимъ и грознымъ повсюду,—то не въ правѣ ли былъ Несторъ заключить (положимъ, что ему нужно было прибѣгать къ умозаключеніямъ), что у насъ до второй половины IX вѣка, до прибытія князей, никакой Руси не было, что если съ этого времени земля нашихъ южныхъ Славянъ (а не сѣверная страна славяно-финскихъ племенъ, добровольно призвавшихъ князей) стала прозываться Русью, Русскою землею, такъ это отъ того, что она была покорена пришедшими изъ-за моря князьями и ихъ спутниками, которые, подобно всѣмъ завоевателямъ, считая покоренную страну своею собственностію по праву завоеваніи, назвали ее своимъ именемъ, и что имя Руси, стало быть, принадлежало первоначально тѣмъ заморскимъ Варягамъ, которые пришли къ намъ, вмѣстѣ съ своими князьями? Что же?... Развѣ изъ совершеннаго молчанія о Руси въ нашей странѣ до прибытія князей и изъ начавшейся отсель громкой извѣстности этого имени повсюду можно было прійти къ другому заключенію, болѣе законному? „Историкъ нашей эпохи не разсудилъ бы иначе“, замѣчаетъ и г. Геденовъ (стр. 51). Но почему же онъ самъ *разсудилъ иначе*? Откуда взялъ онъ исконную славянскую Русь, когда о ней до второй половины IX вѣка нигдѣ нѣтъ ни слуху ни духу, когда

и в послѣдствіи наша лѣтопись вовсе не называетъ Славянъ, ни южныхъ, ни сѣверныхъ, *Русью съ племенномъ смыслъ*, и когда Константинъ Багрянородный называетъ ихъ именно *данниками Руси*? Хотя у Константина перечислены поименно только семь славянскихъ племенъ, но изъ самыхъ его выраженій очевидно, что онъ, подъ именемъ данниковъ Руси, разумѣетъ и всѣ прочія племена восточныхъ Славянъ. Такъ, онъ говоритъ (De adm. imp. ed. Bonn. p. 74): „Славяне же, данники ихъ, Кривичи по имени, и Лучане ¹⁾ и прочія славянскія покомльнѣ“ (καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβῖνοι)...; а въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что князья Руси въ ноябрѣ мѣсяцѣ выходятъ изъ Кіева *со всею Русью* (μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς) и отправляются каждый въ свою волость въ полюдье, поясняетъ (ibid. p. 79): „то-есть, въ славянскія земли Тивьрцевъ (τὰ Βερβάνων?) и Дреговичей, и Кривичей, и Сѣверянъ (никакъ не *Сербовъ*, Σερβίων, а именно *Сѣверянъ*, потому что въ числѣ городовъ, изъ которыхъ Русь возвращается весною съ полюдья, съ собранною данью, поименованы и города Сѣверяпъ — Любечъ и Черниговъ, между тѣмъ какъ о Сербахъ какихъ-либо въ нашей странѣ нигдѣ ничего не слышно), и прочіихъ Славянъ, кои суть данники Руси (καὶ λοιπῶν Σκλαβῶν, οἵτινες εἰσι πακτιῶταν τῶν Ῥῶς)“.... Наконецъ, въ гл. 37-й о Печенѣгахъ (ibid. p. 166), онъ указываетъ, что одинъ изъ 8-ми печенѣжскихъ улусовъ или кочевьевъ (τὸ θάρμα Ἰαβ-διερτίρ) „граничитъ съ состоящими въ данничьемъ отношеніи къ Русской землѣ поселеніями Ульцевъ, и Дрвлянъ, и Лучанъ, и прочіихъ Славянъ“. Безъ сомнѣнія, Константинъ не зналъ какъ назывались, кромѣ поименованныхъ, прочія славянскія племена, платившія дань Руси; но ни одного славянскаго племени онъ не исключаетъ изъ числа данниковъ и не называетъ Русью. Подъ именемъ *Росіа* (ἢ Ῥωσία) онъ разумѣетъ, кажется, только область Кіевскую или землю Полянскую, какъ собственное владѣніе (*домэнъ*) великаго князя Руси, но и въ этой Русской землѣ какъ ἐξοχὴν у него „Витичевъ, городъ платящій дань Руси (τὸ Βιτεζέβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥῶς)“.

Итакъ, Константинъ Багрянородный вовсе не знаетъ въ нашей

¹⁾ Въ виду того, что наша лѣтопись не знаетъ въ числѣ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Русью, или живущихъ въ Русской землѣ, ни Лучанъ, ни Лепчанъ, и что въ ней только въ походѣ XI вѣка впервые упоминаются *Лучане* (подъ 1085 г.), какъ жители города Луцка, слѣдовательно, горожане, а не племя, и предложилъ бы, вмѣсто Λευζανῆνοι, читать у Константина Πολυζανῆνοι — Полотчане.

страній славянскихъ племенъ, которыя назывались бы Русью, или которыя, по крайней мѣрѣ, не были бы данниками Руси. А вѣдь его „извѣстія о Руси“, какъ совершенно справедливо замѣчаемъ и г. Геденовъ (стр. 112), — „обличаютъ славянскій источникъ“. По моему мнѣнію, они даже переведены на греческій, и не вездѣ удачно, съ славянской записки, можетъ-быть, нарочно для императора составленной въ Кіевѣ, такимъ лицомъ, которому коротко знакомы были и обичная дѣятельность Руси, и всѣ упоминаемыя мѣстности, и вообще весь ходъ излагаемаго дѣла; ибо эти извѣстія, изложенныя систематически, по обдуманному плану, представляютъ подробный и обстоятельный отчетъ о дѣятельности Руси по византійской торговлѣ съ весны до весны, за цѣлый годъ ¹⁾. Тотъ, кто самъ не пробъжалъ

¹⁾ Что 9-я глава книги Константина «О управленіи государствомъ» переведена съ славянской записки, и что переводъ не вездѣ исторически вѣренъ и логически правиленъ—вотъ тому нѣкоторыя доказательства: 1) Судя по заглавію, въ этой главѣ должна бы быть рѣчь «О Руссахъ, приходящихъ на ладіяхъ изъ Руси (ἀπό τῆς Ρωσίας) въ Константинополь»; между тѣмъ, въ ней о приходящихъ изъ Руси нѣтъ даже и помину, а говорится слѣдующее: «Ладіи, приходящія изъ-за Руси (ἀπό τῆς ἔξω Ρωσίας) въ Константинополь, частью суть изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ Святославъ, сынъ Игоря, Русскаго князя, частью же изъ города Смоленска (Μιλινίσχαν) и изъ Любеча (Τέλιούτζαν описка вм. τῆν λιούβτζαν), и Чернигова, и изъ Вышеграда». Какъ же всѣ эти города—даже и Вышгородъ, близъ Кіева, въ землѣ Полянскій—очутились не въ Руси, а въ странѣ именуемой *Зарусія* (ἡ ἔξω Ρωσία)? И отчего такая несообразность между текстомъ и заглавіемъ?—Оттого, какъ видно, что переводчикъ не понялъ значенія славянскихъ указательныхъ мѣстоименій *си* и *ти*; славянскую конструкцию чрезъ *си суть*.... *ти же суть* онъ явно неправильно передалъ греческою: «εἰσὶ μὲν.... εἰσὶ δὲ καὶ, и такимъ образомъ, вмѣсто одного Новгорода (какъ слѣдовало бы), отнесъ къ «за Руси» всѣ поименованные города. 2) Искаженіе «Μιλινίσχαν» произошло изъ славянскаго начертанія «исмѣлицьска» также по винѣ переводчика, который зналъ, что здѣсь передъ именемъ повторенъ предлогъ *изъ*, но не зная, что этотъ предлогъ уже утратилъ звукъ *з*, вслѣдствіе вліянія слѣдующаго *с*, выбросилъ *ис*, какъ повтореніе предлога, а полугласныя *з* и *с* передалъ греческою *ι*. 3) А откуда онъ взялъ, будто Святославъ при жизни Игоря, будучи еще младенцемъ, сидѣлъ, то-есть, княжилъ въ Новгородѣ? Такого показанія, исторически не вѣрнаго, въ славянской запискѣ не могло быть; но въ ней, вѣроятно, было сказано о Новгородѣ: «ниже есть столъ Святъславль...», а переводчикъ, не найдя въ греческомъ подходящаго выраженія для передачи этого понятія, посадилъ Святослава въ Новгородѣ, то-есть, сказалъ: «ἐν ᾧ Σφενδουλάδος.... καθέσει (сидитъ)». Императоръ же Константинъ, внося этотъ переводъ въ свою книгу, написанную уже по смерти Игоря, въ 949—952 годахъ (Krug. Byz. Chronol. 265, 266), когда Святославъ княжилъ въ Кіевѣ, замѣнилъ настоя-

порогами и не видѣлъ упомянутыя мѣстностей, кто лично не участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Руси по византийской торговлѣ, или по крайней мѣрѣ, не видѣлъ ихъ своими глазами, тотъ никакъ не могъ бы составить о нихъ, по чужимъ разказахъ,

щее время глагола прошедшимъ *ἐκδιέζετο*. 4) Онъ же, вѣроятно, оторвалъ начальную фразу перевода и поставилъ отдѣльно въ видѣ заглавія, ибо въ славянской запискѣ особаго заглавія, вѣроятно, не было, а изложеніе начиналось прямо словомъ «О Руся», которое служило вмѣстѣ и заглавіемъ.—Теперь, позволю себѣ, на основаніи этихъ соображеній, попытку возстановить по греческому тексту начало предполагаемой славянской записки, принявшае по возможности къ языку договора Игорева, такъ какъ переводившій этотъ договоръ съ греческаго могъ быть и авторомъ записки.

О Руси. о тѣхъ оже то приходятъ въ лодьхъ Царюгороду изъ Руси, и о тѣхъ оже то приходятъ въ лодьхъ изъ за Руси Царюгороду. ся суть изъ Новъграда, яже есть столъ Святъслава, сынъ Игоревъ Русскаго князя. ти же суть изъ града пемълинъска, и изъ Любца и Чернигова, и изъ Вышсграда.

Κεφ: θ'. περί τῶν ἀπὸ τῆς Ῥωσίας ἐρχομένων Ῥῶς μετὰ τῶν μοναζήλων ἐν Κωνσταντινουπόλει.

Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἐξ Ῥωσίας μοναζήολα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νηρογαράδας, ἐν φ' Σφενδοσθάβος ὁ υἱὸς Ἰγγωρ τοῦ ἀρχόντος Ῥωσίας ἐκδιέζετο, εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ κάστρου τῆν Μελινίσχαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγώγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγυράδῃ.

Наконецъ 5) О переводѣ, и притомъ неудачномъ, этихъ известій Константина съ славянской записки всего очевидно, свидѣтельствуетъ пресловутое прозвище Кіева *Самватасъ*, то-есть, выраженіе: «τὸ ἐπωνομαζόμενον Σαρβατάς», вызвавшее у насъ разныя толкованія. Добровскій догадывался, что это прозвище, составленное изъ шведскихъ словъ *sat* (вмѣстѣ) и *bat* (лодка, ботъ), означаетъ, будто бы, *сборное мѣсто лодокъ* (см. Исслѣд. *Погодимъ* I, стр. 5); а г. Геденовъ (стр. 107 и 115) утверждаетъ, что это венгерское прозвище *Szombai* (крѣпость), которое сохранилось у славянской Руси еще и въ X вѣкѣ, какъ дорогое воспоминаніе о венгерскомъ или угро-хазарскомъ господствѣ надъ Кіевомъ. Но если бы подобное прозвище и существовало, то развѣ здѣсь нужно было упомянуть о немъ? Съ какой стати? Напротивъ, по логическимъ соображеніямъ выходить, что здѣсь точно также требовалось указать значеніе Кіева, какъ выше указано значеніе Новгорода. Авторъ славянской записки, поименовавъ города, изъ коихъ выходитъ Русь, продолжалъ: «Си же вси идутъ по Днѣпру внизъ и събираются вкупѣ во граду Кіеву». Затѣмъ, признавъ необходимымъ объяснить, почему именно къ Кіеву, а не къ другому мѣсту, онъ прибавилъ еще фразу: «иже (или: «тѣ бо») ся имъ мати нарицаеть». Слова: *ся имъ мати*, написанныя, разумѣется, слитно, и можетъ быть, еще съ сокращеніемъ—*И* или *ИМ*, вмѣсто *имъ*, переводчикъ принялъ за одно слово, и сочинилъ небывалое прозвище Кіева *Σαρβατάς*.—Уже Карамзинъ, безъ помощи шведскихъ и венгерскихъ лексиконовъ, своимъ—можно сказать—историческимъ чутьемъ почти от-

такого яснаго и систематическаго отчета, какой, очевидно, заключался въ славянскомъ источникѣ извѣстій Константина. Слѣдовательно, въ этихъ извѣстіяхъ сама Русь, можно сказать, рѣшительно протестуетъ противъ системы г. Геденова, объявляя себя не славянскимъ племенемъ, а властительницею племенъ славянскихъ. Однако, кто же эта Русь Константина Вагрянороднаго, господствующая надъ всѣми славянскими племенами? Такъ какъ славянскій источникъ его извѣстій о Руси написанъ въ послѣдніе годы Игорева княженія, то и Русь, дѣятельность которой онъ описываетъ, должна быть та самая, и даже изъ тѣхъ самыхъ личностей состоящая, которая въ 944 году торжественною присягою утвердила договоръ Игоря съ Греками; а объ этой присягѣ наша лѣтопись говоритъ (Др. 23): „.... и ходи Игорь ротѣ [на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ] и мужи его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водипа ротѣ въ церкви святаго Ильи, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“. То-есть, присягали только „Игорь и мужи его“, которые по религіознымъ попятіямъ раздѣлялись на Русь поганую и Русь хрестеяную. Первая присягала вся, сколько ея было („елико поганыхъ Руси“), а потому надо полагать, что и изъ второй не было исключеній, — она также вся присягала. Стало быть, Русь поганая и хрестіаная вмѣстѣ составляли *всю Русь*, и эта вся Русь — мужи Игоревы, всѣ—какъ язычники, такъ и хрестіане. О послѣднихъ замѣчено, что они, по племенному происхожденію, Варязи; а къ какому племени принадлежали первые—не сказано; но изъ того, что Варязи—хрестіане въ общемъ числѣ мужей, или всей Руси, были только „мнози Варязи“, а не всѣ, нельзя не заключить, что въ числѣ всей Руси, кромѣ хрестіанскихъ Варяговъ были еще и другіе, также *многіе Варязи*, даже, можетъ-быть, множайшіе, которые были не хрестіане, а язычники, поклонники Перуна, и которыхъ потому, какъ Славянъ по вѣрѣ ихъ, вѣроятно, не отличали уже отъ Славянъ и по народности, и не называли Варягами. Итакъ, вся Русь Игорева было общество разновѣрное и разноплемен-

гадалъ происхожденіе этого прозвища; по крайней мѣрѣ, близко подошелъ къ истинѣ, замѣтивъ вопросительно (т. I, прим. 72): «Не хотѣлъ ли Константинъ написать: *сама мати*, ибо Кіевъ назывался въ древности *матерью* городовъ русскихъ?» Константинъ, безъ сомнѣнія, повторилъ только слова переводчика, но авторъ его славянскаго источника дѣйствительно подтвердилъ своею фразою показаніе нашей лѣтописи, что Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, сказалъ: «се буди мати градомъ русскимъ», то-есть, провозгласилъ Кіевъ столицею Руси.

ное, состоявшее большею частью изъ Варяговъ, частью же, безъ сомнѣнія, изъ Славянъ-туземцевъ, и вѣроятно, также изъ лицъ разныхъ другихъ народностей. Но къ этой, собственно такъ-называемой, Руси или всей Руси причислялись еще всѣ служебныя дружины русскія, также, безъ сомнѣнія, разноплеменные по своему составу; а такихъ дружинъ было много: во первыхъ, собственная дружина великаго князя, непосредственно ему подчиненная, затѣмъ дружины разныхъ членовъ его рода—князей и княгинь русскихъ, и наконецъ, дружины мужей, особенно тѣхъ, которые, называясь *болярами* или *великими болярами*—какъ въ договорѣ Олега, 911 г.—владѣли, подъ рукою великаго князя, своими волостями и городами, на правахъ феодальныхъ, и которые, потому, необходимо должны были содержать свои, болѣе или менѣе значительныя, постоянныя дружины. Эти-то служебныя дружины Константинъ Багрянородный и разумѣетъ подъ именемъ *всей Руси*, начальники же дружинъ или предводители, то-есть, великій князь и мужи его, называются у него „князи ихъ“ (οἱ ἀρχὸν ἀρχοντας), которые, говоритъ онъ,—„лишь только наступитъ ноябрь мѣсяцъ, тотчасъ выступаютъ со всею Русью (μετὰ πάντων τῶν Ῥώσ, то-есть, съ своими дружинами) изъ Кіева и отправляются *въ помодѣ*“. Только объ этой Руси, состоящей изъ властителей земли Славянской и всѣхъ подвластныхъ имъ дружинъ, и можетъ быть рѣчь у Константина, такъ какъ въ его время никакой другой Руси не было; ибо ни одно изъ племенъ славянскихъ въ X вѣкѣ—а раньше и давно—не называлось Русью ни въ какомъ смыслѣ, хотя земля Славянская, какъ подвластная Руси государственная территорія, и называлась Русью, Русскою землею.

Откуда же имя Руси для этого разноплеменнаго общества властителей, которое, съ княземъ во главѣ, какъ верховное правительство, заключаетъ и утверждаетъ мирные договоры съ Греками, господствуетъ съ помощію своихъ дружинъ надъ всѣми племенами восточныхъ Славянъ, взымаетъ съ нихъ вооруженною рукою дань мѣхами и другими естественными произведеніями и отправляетъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и самихъ данниковъ, непокорныхъ или несправныхъ, въ Царьградъ на продажу? Уже изъ того, что Вараги составляютъ большинство членовъ этой владѣтельной, военно-торговой корпорации, которая подъ именемъ Руси эксплуатируетъ Славянскую землю, слѣдуетъ заключить, что корпорация эта есть учрежденіе не славянское, а варяжское, враждебное Славянамъ, и что Варагамъ же принадлежало первоначально и имя Руси. А кто же были, въ

составѣ Игоревой Руси, „мужи его“ изъ Варяговъ? Какъ Игорь, сынъ Рюриковъ, преемникъ Олега, такъ и мужи его—преемники мужей Олеговыхъ, то-есть, потомки тѣхъ Варяговъ, съ которыми Олегъ пришелъ въ Кіевъ завоевателемъ изъ Новгорода, а слѣдовательно, и тѣхъ заморскихъ Варяговъ-Руси, отъ которыхъ союзомъ славяно-финскихъ племенъ призваны были три брата на княженіе, и которыхъ призванные князья всѣхъ привели съ собою,—„пошла по собѣ всю Русь“, какъ говоритъ лѣтописецъ. Стало быть, Несторъ ошибся только въ своемъ толкованіи значенія этой заморской Руси, сравнилъ ее съ Свѣями и другими скандинавскими народами своего времени, и выдавъ такимъ образомъ скандинавскую морскую дружину за особый народъ Варяжскаго племени. Изобрѣтать же варяжскую Русь посредствомъ той хитросплетенной системы, какую г. Геденовъ (въ IV гл. своихъ „Отрывковъ“) ему приписываетъ, онъ не имѣлъ надобности, потому что извѣстія о ея прибытіи изъ-за моря и водвореніи въ нашей странѣ нашель въ источникахъ вполне достовѣрныхъ. Утверждать, будто Несторъ не могъ имѣть объ основаніи Русскаго государства никакихъ современныхъ событію письменныхъ памятниковъ, значить упускать изъ виду фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то-есть, что у насъ въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, водворилась византійская православная миссія, съ епископомъ во главѣ, крестившая Русь Аскольда и Дира. Явились, стало быть, люди грамотные и притомъ Славяне, которые могли и даже должны были писать о Руси,—не для самой Руси, конечно, а для византійскаго правительства; епископъ, обязанный доносить патриарху о трудахъ миссіи въ распространеніи христіанства и о состояніи своей юной паствы, не могъ не сообщать и о тѣхъ политическихъ событіяхъ, которыя совершались въ землѣ восточныхъ Славянъ, особенно же въ Кіевѣ, и отъ которыхъ неизбежно зависѣла судьба и пастыря, и самой паствы. А такіа донесенія епископа и другія записки членовъ миссіи, писанныя въ послѣднемъ тридцатилѣтіи IX вѣка, развѣ не могли дойти до Нестора тѣмъ же путемъ, какъ дошли договоры Олега и Игоря, писанные въ первой половинѣ и даже въ началѣ X вѣка, и внесенные въ нашу лѣтопись, какъ видно по ихъ надписямъ (въ коняхъ „равно“—*τὸ ἴσον, конія*), съ официальныхъ копій, выданныхъ отъ византійскаго правительства?... Что Несторъ, кромѣ хроники Георгія Амартола и другихъ извѣстныхъ сочиненій ¹⁾, имѣлъ и свои,

¹⁾ См. М. Н. Сухомлинова: «О древней Русской лѣтописи», стр. 52. А г.

домашніе письменные источники, даже для перваго похода Руси на Царьградъ, видно уже изъ того, что повѣствованіе объ этомъ походѣ, списанное съ болгарскаго перевода продолженнаго Георгія Амартола, гдѣ годъ событія вовсе не указанъ, совершенно вѣрно помѣщено въ нашей лѣтописи подъ 6374 мартовскимъ годомъ отъ С. М. Доселѣ походъ Аскольда и Дира, вслѣдствіе неправильнаго переложенія Несторова лѣтосчисленія на современное, январское отъ Р. Х., обыкновенно относили къ 866 году, и только теперь, благодаря объясненіямъ А. А. Куника, мы узнаемъ, что ни въ 866, ни въ 864 году этому походу нѣтъ мѣста, и что онъ долженъ быть отнесенъ непременно къ лѣту 865 январскаго, или 6373 сентябрскаго года ¹⁾. А именно къ тому же самому лѣту относилъ его уже Несторъ; у него въ этомъ показаніи нѣтъ ни малѣйшей ошибки, ибо его мартовскій 6374 годъ идетъ съ 1-го марта сентябрскаго 6373 года до 28-го февраля слѣдующаго 6374 сентябрскаго же года, и заключаетъ въ себѣ 10 мѣсяцевъ—съ 1-го марта по 31-е декабря—январскаго 865 года и только 2 мѣсяца, январь и февраль, слѣдующаго 866 январскаго года ²⁾. Не на угадъ же отнесъ онъ этотъ походъ именно

Гедеоновъ полагаетъ (стр. 50), будто для Нестора «вся классическая литература сосредоточивалась въ Георгіѣ Амартолѣ»!

¹⁾ *Записки Имп. Акад. Н.*, т. VI, прилож. М. Поюдина. «Г. Гедеоновъ и его система о происхожд. Варяговъ и Руси». Замѣчанія А. Куника, стр. 72.

²⁾ Таково повсюду отношеніе мартовскихъ годовъ Нестора къ сентябрскимъ и январскимъ; а потому, перелагая ихъ на нынѣшнее январское лѣтосчисленіе, слѣдуетъ вычитать изъ мартовскаго года 5509, и въ тѣхъ только случаяхъ 5508, когда событіе относится къ январю или февралю мартовскаго года. Такъ, кончина Ярослава, въ мартовскомъ (въ сентябрскомъ тоже) 6562 году «въ субботу 1 постя святаго Феодора», т. е., 19-го февраля, приходится по январскому счисленію въ 1054 году, и къ тому же январскому году должны принадлежать событія (занятіе смявьями Ярослава назначенныхъ имъ удѣловъ, побѣда Весволода надъ Торками и миръ его съ Половцами), помѣщенные въ лѣтописи подъ 6563 мартовскимъ годомъ (только въ нѣкоторыхъ спискахъ *Лер.*, *Рдз.*, *Три.*—годъ, очевидно, пропущенъ), который, начавшись черезъ 9 дней по смерти Ярослава, обнимаетъ (по 31-е декабря) наибольшую часть январскаго 1054 года.—Отношеніе мартовскихъ годовъ къ сентябрскимъ, или къ годамъ индиктовъ, совершенно ясно указано въ самой лѣтописи подъ 6604 годомъ, гдѣ повѣствованіе оканчивается слѣдующею замѣткою: «се же бысть исходящу лѣту 6604, индикта 4 на полѣ.» Этотъ мартовскій годъ, кончившійся въ половинѣ 4-го индикта, или въ половинѣ 6604 сентябрскаго года, начался, конечно, въ половинѣ 3-го индикта, т. е., съ 1-го марта 6603 сент. года, и слѣдовательно, заключетъ въ себѣ послѣднюю половину 3-го и первую половину 4-го индиктовъ,

къ 6374 году, пояснивъ притомъ (чего также нѣтъ въ его византійско-болгарскомъ источникѣ), что это походъ Аскольда и Диры, которые пришли „въ 14-е лѣто Михаила царя“, что также совершенно вѣрно, если принять, согласно съ Несторомъ, за начало царствованія Михаила исходъ 6360 мартовскаго года. Ясно, что Несторъ долженъ былъ имѣть источники современные, письменные, такъ какъ хронологическія данныя о событіяхъ второй половины IX вѣка никакъ не могли дойти до него въ устной передачѣ. Безъ такихъ хронологическихъ данныхъ не могъ онъ также сказать, что „отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Ольгова, русскаго князя лѣтъ 29“. А вѣдь этихъ данныхъ, даже 6360 года, въ значеніи перваго лѣта Михайлова, нѣтъ у византійскихъ писателей. Да и самое мартовское лѣтосчисленіе у нихъ не было въ употребленіи, и нашею церковью оно также не употреблялось: нашъ церковный годъ, уже со времени крещенія Владиміра, начинался съ 1-го сентября, какъ и у Грековъ. Откуда же мартовское лѣтосчисленіе, господствующее въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, и вообще вѣрное, кромѣ нѣкоторыхъ годовъ? Оно принадлежало первоначально тѣмъ древнимъ, собственно-русскимъ источникамъ, тѣмъ современнымъ историческимъ замѣткамъ о событіяхъ, какъ русскихъ, такъ и византійскихъ и болгарскихъ, которыя со времени крещенія Аскольдовой Руси велись у насъ въ Кіевѣ и которыя, очевидно, служили основаніемъ Несторовой хронологіи. Если же Несторъ по такимъ замѣткамъ современниковъ и очевидцевъ, слѣдовательно, совершенно вѣрнымъ, опредѣляетъ время событій, случившихся во второй половинѣ IX вѣка, если онъ говорить положительно, что въ 6360 году, индикта 15-го—„нача ся прозываети Русская земля“, что въ 6374 году Русь ходила на Грековъ, что въ 6390 Олегъ овладѣлъ Кіевомъ и т. д., то можно ли, въ виду такихъ вѣрныхъ хронологическихъ указаній, отвергать безъ суда, безъ критики его свидѣтельство о варяжскомъ происхожденіи Руси? И позволительно ли, помимо этого единственнаго письменнаго сви-

вторая же половина 4-го индикта — съ 1-го марта по 31-е авг.—принадлежитъ уже 6605 мартовск. году; а какъ этотъ годъ съ 1-го марта по 31-е декабря совпадаетъ съ январскимъ 1096 годомъ, то очевидно, что сдвѣдъ въ Любечъ и ослѣпленіе Василька, описанные въ лѣтописи подъ 6605 мартовскимъ годомъ, приходятся по январскому счисленію въ 1096 году, а не въ 1097, къ которому ихъ явно ошибочно относятъ, вслѣдствіе неправильнаго переложенія мартовскаго лѣтосчисленія на январское.

дѣтельства, рѣшать вопросъ о началѣ Руси по своимъ собственнымъ домысламъ и соображеніямъ?... Послѣ вѣковнхъ усилій рѣшить этотъ вопросъ на основаніи догадокъ и предположеній, превратно толкуя или игнорируя лѣтописное сказаніе, послѣ цѣлаго ряда произвольныхъ теорій, порожденныхъ такими усиліями и почти тотчасъ преданныхъ забвенію, кажется пора бы уже убѣдиться въ томъ, что безъ помощи Нестора, никакой исторической геній, будь онъ хоть семи пидей во лбу, не смекнетъ своимъ умомъ, какъ за тысячу лѣтъ до нашего времени зародилось Русское государство.—Съ другой стороны, и самыя сказанія Нестора, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ нашихъ не тронутыхъ критикою спискахъ, также не представляютъ надежнаго основанія для рѣшенія этой задачи, чему яснымъ доказательствомъ служитъ несостоятельность норманской теоріи, построенной на свидѣтельствѣ такъ-называемыхъ списковъ Нестора. Стало быть, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о началѣ Руси, необходимо, и настоятельно необходимо, чтобы критика возстановила подлинный текстъ сказаній Нестора (дѣло, по моему убѣжденію, не невозможное); чтобъ она указала, по возможности, въ самыхъ его сказаніяхъ, очищенныхъ отъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій, слѣды тѣхъ первоначальныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и объяснила, какъ онъ пользовался ими, то-есть, не перетолковалъ ли онъ, яко человекъ, по невѣдѣнію, то или другое ихъ показаніе ¹⁾). Тогда только можно приступить къ рѣшенію собственно-исторической задачи, тогда можно будетъ уже съ увѣренностію сказать: кто были Варяги и Русь, и какое значеніе имѣли они въ дѣлѣ основанія нашего государства. И тогда несомнѣнно окажется, что первый строитель громаднаго зданія, названнаго по имени его *Русью*, Русскимъ государствомъ, дѣйствительно былъ Варягъ, иноплеменникъ, пришедшій изъ-за моря, или вѣрнѣе—съ моря Варяжскаго; но зданіе онъ заложилъ на славянской почвѣ, изъ славянскихъ матеріаловъ и преимущественно руками славянскихъ рабочихъ, и прежде чѣмъ успѣлъ вывести его фундаментъ, самъ ославянился и Славяниномъ сошелъ въ могилу, передавъ дѣло другимъ зодчимъ; а эти новые зодчіе—нашъ ласковый князь Володимерь, Красное-Солнышко, и сынъ его Ярославъ, были уже прирожденные Славяне. Вотъ почему они,

¹⁾ Образчикъ того, какъ Несторъ иногда распоряжался съ своими источниками, представляемъ въ моей замѣткѣ: «Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?» См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* іюль, 1873.

на готовомъ широкомъ фундаментѣ, возвели зданіе не въ готическомъ, а въ славянскомъ стилѣ! И вотъ почему наше государство Славянское.

Въ настоящее время, особенно послѣ ударовъ, нанесенныхъ норманской теоріи г. Гедеоновымъ, едва ли могутъ оказаться еще такіе ярые норманисты, которые рѣшились бы отстаивать существованіе гдѣ-то за моремъ, въ IX вѣкѣ, и переселеніе къ намъ, вмѣстѣ съ призванными князьями, какого-то варяжскаго народа Русь; а потому, если вѣковой споръ о Варягахъ и Руси будетъ у насъ продолжаться еще, — спорный вопросъ можетъ быть постановленъ со стороны норманистовъ не иначе, какъ только въ слѣдующей формѣ: Призваніе князей союзомъ нашихъ сѣверныхъ племенъ изъ - за моря, отъ Варяговъ, и прибытіе съ ними варяжской дружины Русь, состоявшей преимущественно изъ Шведовъ, историческій ли фактъ, или легенда?—Я утверждаю, что это фактъ несомнѣнно историческій, засвидѣтельствованный современнымъ, официальнымъ памятникомъ, написаннымъ въ Кіевѣ въ исходѣ IX вѣка и дошедшимъ до лѣтописца въ томъ самомъ видѣ (разумѣю его логическое содержаніе и форму изложенія, а не формы языка), въ какомъ онъ представленъ въ настоящей статьѣ.

Всказывая такую, совершенно новую, неслыханную доселѣ гипотезу, которая, упраздняя и мнѣнія крайнихъ норманистовъ, и мнѣнія ихъ противниковъ, имѣетъ въ виду проложить новый путь къ окончательному рѣшенію варяжскаго вопроса, я ожидаю возраженій. Въ интересѣ науки и истины, для меня было бы даже весьма желательно вызвать предлагаемою статьею серьезные возраженія и замѣчанія компетентныхъ ученыхъ; ибо, какъ говорили древніе: de controversiis opinionum nascitur veritas. А всѣ мы, труженики науки, различными путями стремимся къ истинѣ, и каждый, разумѣется, считаетъ свой путь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ. Оттуда споры и препирательства, весьма полезные для науки и потому всегда желательные, но, къ сожалѣнію, часто задѣвающие наше мелочное самолюбіе, и вотъ—*inde itae*.

Разбирая хронологическія показанія начальной лѣтописи, профессоръ Соловьевъ (т. III, 124—125) между прочимъ замѣчаетъ: „Здѣсь очень любопытенъ также сплошной разказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздачѣ

городовъ, объ отпускѣ Асколда и Дира на югъ". Къ этимъ строкамъ авторъ прибавляетъ въ дополненіяхъ къ VIII тому, стр. 482: „Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утверженіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: „Рюрику же князю въ Новѣгородѣ— въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки... и проч.“ Эта мысль, впервые печатно высказанная авторомъ „Исторіи Россіи“, безъ сомнѣнія, представлялась каждому, кто не механически, а съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочитывалъ начальныя хронологическія извѣстія лѣтописца. Что разказъ о началѣ Руси и хронологія его не ладятъ между собою, что они написаны не за-разъ, не въ одно время и не однимъ лицомъ, а разными, что годы поставлены послѣ въ разказѣ уже написанномъ, готовомъ и вовсе не согласованномъ съ годами, которые стоятъ сами по себѣ, особнякомъ, и только затрудняютъ пониманіе смысла и связи,—все это очевидно для каждаго. Спрашивается: когда же и какъ появились въ этомъ разказѣ годы? Разумѣется, не прежде, какъ при внесеніи его въ ту лѣтопись, въ которой событія излагались по годамъ: прежде въ нихъ не было надобности. Слѣдовательно, они поставлены тѣмъ лѣтописцемъ, который назвалъ свой трудъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, то-есть, разказомъ о событіяхъ въ непрерывномъ послѣдовательномъ порядкѣ годовъ, или погодною повѣстію, и который, отнеся къ 6360 году начало царствованія Михаила и начало имени Русской земли, говоритъ: „тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ“, и затѣмъ, кончивъ свою хронологическую таблицу, снова повторяетъ: „яко же прежде почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа“.—А этотъ лѣтописецъ-числопологатель, назвавшій самъ себя въ заглавіи своей „Повѣсти“ черноризцемъ Теодосьева монастыря Печерскаго, былъ Несторъ. Стало бытъ, извѣстія о Варягахъ, о призваніи князей, о дѣлахъ Рюрика, Аскольда и Дира, о началѣ княженія Олега принадлежатъ не Нестору, то-есть, написаны впервые не имъ, а раньше его, и дошли до него уже въ готовомъ письменномъ памятникѣ, въ сплошной статьѣ, которую онъ разбилъ на части и отдѣльными частями вставилъ въ хронологическую рамку своей „Повѣсти“ въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. А какъ онъ сначала разказываетъ безъ хронологіи и только съ перваго помина о Русской землѣ начинается

ставить числа, то надо полагать, что въ этой дошедшей до него статьѣ о Руси заключались какія-то данныя, на основаніи которыхъ онъ принялъ 6360 годъ за исходную точку своей хронологіи, и что и самая статья о Руси должна была заключаться въ его „Повѣсти“ отдѣльными кусками между 6360-мъ годомъ и 6393, подъ которымъ разказъ о дѣлахъ Олега внезапно прерывается словами: „а съ Ульци и Тивьрьци имяше рать“.

Изъ этихъ соображеній рождается вопросъ: не сохранились ли еще и въ нашихъ спискахъ между означенными годами, если не цѣльные куски того сочиненія, которое служило Нестору источникомъ сказанія о началѣ Руси, то хоть какіе нибудь искаженные обрывки его, по которымъ можно было бы, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, когда, гдѣ, съ какою цѣлію или по какому поводу оно первоначально было написано? Сознвая важность рѣшенія этого вопроса, я съ ревностію принялся за дословное сличеніе и разборъ указаннаго мѣста нашей лѣтописи по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ. Для этого, принявъ за основу чтеніе *Радзивиловскаго* и *Троицкаго* (въ новомъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи переименованъ въ *Академическій*) списковъ, въ данномъ мѣстѣ вполне сходныхъ между собою, и подведя къ каждой фразѣ, къ каждому слову этой основы варианты изъ всѣхъ прочихъ списковъ, то-есть, указавъ что въ каждомъ изъ нихъ или переименовано, или прибавлено, или пропущено сравнительно съ основнымъ чтеніемъ, я составилъ, во первыхъ *сводный текстъ*, въ которомъ, какъ въ протоколѣ слѣдователя, записалъ и сопоставилъ, по каждому выраженію отдѣльно, всѣ разнорѣчивыя показанія списковъ, какъ единственныхъ свидѣтелей, и затѣмъ приступилъ къ логическому разбору ихъ разнорѣчій или вариантовъ, то-есть, къ разсмотрѣнію: какъ и отчего они могли производти, почему такое-то мѣсто въ однихъ спискахъ читается такъ, а въ другихъ иначе, и какое изъ разныхъ его чтеній было первоначальное; такъ какъ всѣ они, при всемъ ихъ разногласіи, очевидно, происходятъ изъ одного общаго источника—изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, или по крайней мѣрѣ, вызваны этимъ источникомъ. Не дозволяя себѣ при этомъ ни малѣйшаго произвола въ умозаключеніяхъ и признавая за первоначальное всегда то чтеніе, которое логически необходимо въ данномъ мѣстѣ, по отношенію къ предыдущему или къ слѣдующему изложенію, и отъ котораго притомъ всего проще и естественнѣе могли производти всѣ прочія соотвѣтствующія ему чтенія, я добылъ такимъ образомъ *очищенный текстъ*, который по ло-

гическимъ законамъ долженъ быть признанъ за подлинный текстъ Нестора, восстановленный изъ разночтеній всѣхъ извѣстныхъ списковъ. Наконецъ, чтобы въ этомъ текстѣ найти слѣды того сплошнаго разказа безъ годовъ, который служилъ источникомъ лѣтописнаго связанія о началѣ Руси, я выключилъ изъ него: во первыхъ, всѣ годы съ 6360 до 6393 включительно, во вторыхъ, то, что подъ 6360, годомъ несомнѣнно принадлежитъ самому Нестору, то-есть, его объясненіе: „о семъ бо увѣдахомъ, яко“... и т. д. вмѣстѣ съ хронологическою таблицей и ея заключеніемъ, и третьихъ, тексты подъ годами 6366, 6374, 6376 и 6377, выписанные, очевидно, изъ другихъ источниковъ и не имѣющіе никакого отношенія къ искомой статьѣ. Такимъ образомъ въ остаткѣ оказались отрывки текста, совершенно однородные по содержанію и даже соединенные между собою внутреннею логическою связію, такъ что ихъ не возможно не признать довольно хорошо сохранившимися частями одного логическаго цѣлаго, одной связанной статьи, которая только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утратила соединительныя выраженія или словесныя указанія времени, замѣненные въ лѣтописи годами отъ С. М., а въ другихъ—въ весьма не многихъ мѣстахъ—получила незначительныя чуждыя наросты, легко отпадающіе подъ ножомъ критики.

Подробное, всестороннее разсмотрѣніе этой замѣчательной статьи, скрывавшейся доселѣ въ нашихъ спискахъ подъ толстымъ слоемъ всевозможныхъ искаженій, накопленныхъ вѣками, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ или положеніямъ.

1) Статья эта вовсе не лѣтописное сказаніе о происхожденіи Руси, составленное по устнымъ преданіямъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а древняя официальная реляція или донесеніе о Кіевской катастрофѣ 6390 (881) года, то-есть, о убіеніи Аскольда и Дира и утвержденіи Олега въ Кіевѣ,—донесеніе, посланное византійскому правительству отъ его духовной—а вмѣстѣ и политической—миссіи, которая, съ епископомъ во главѣ, какъ извѣстно, находилась въ Кіевѣ со времени крещенія Аскольдовой Руси, и которая необходимо должна была сообщить своему правительству о случившемся переворотѣ, опасномъ по своимъ послѣдствіямъ и для миссіи, и для самой Греціи.

2) Авторъ донесенія или тотъ, со словъ котораго оно написано, по всей вѣроятности, былъ крещеный Варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, современникъ и очевидецъ не только совершившагося въ Кіевѣ переворота, но и событій предшествовавшихъ, которыхъ онъ, однако же, касается только въ той мѣрѣ, на сколько это необходимо

для его цѣли, то-есть, для объясненія отношеній Аскольда и Дира къ Рюрику и Олегу. Отъ того краткость и сжатость его извѣстій о Рюрикѣ и сѣверныхъ событіяхъ, и болѣе подробное изложеніе дѣлъ и судьбы первыхъ варяжскихъ властителей Кіева, однако съ умолчаніемъ о томъ—объ ихъ походѣ на Царьградъ и крещеніи,—что Грекамъ и безъ того было хорошо извѣстно.

3) Начавъ свое донесеніе не разказомъ о покореніи племенъ сѣверныхъ Варягами и южныхъ Хазарами, а указаніемъ на положеніе тѣхъ и другихъ въ началѣ царствованія Михаила, какъ на слѣдствіе ихъ покоренія (начало явно не лѣтописное), онъ окончилъ его словами: „и обладаетъ Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Ульци и Тивьрьци имать рать“. А какъ слова эти, прѣсколько измѣненныя, помѣщены въ лѣтописи подъ 6393 (884) годомъ, то необходимо заключить, что и самое донесеніе было написано въ томъ же году, то-есть, при началѣ войны Олега съ черноморскими Славянами, и было, можетъ-быть, даже вызвано запросомъ византійскаго правительства, встревоженнаго появленіемъ новыхъ враговъ на Черномъ морѣ.

4) При внесеніи въ лѣтопись, этотъ древній памятникъ, насильственно втиснутый въ несвойственную ему хронологическую рамку, необходимо долженъ былъ пострадать больше или меньше. Однако изъ того, что части лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси вовсе не согласованы съ поставленными передъ ними годами, что, напри- мѣръ, разказъ подъ 6367 годомъ—„имаху дань Варязи“... и т. д.— не идетъ ни къ этому, ни къ другому какому-либо году и видимо лишень своего логическаго начала, которое (—„наченшию Михаилу царствовати, и начася прозывати Руская земля“), стоя одиноко и не кстати подъ 6360 г., въ свою очередь нуждается въ этомъ разказѣ, какъ въ своемъ естественномъ продолженіи, удовлетворительно объясняющемъ: какая страна и вслѣдствіе какого явленія стала называться Русскою землею въ началѣ Махилова царствованія; что подъ 6370 годомъ идетъ сплошное повѣствованіе о цѣлой массѣ послѣдовательныхъ событій, совершеніе которыхъ на самомъ дѣлѣ въ теченіе одного года не мыслимо; что въ этомъ повѣствованіи удержано даже выраженіе „по двю же лѣту“, соотвѣтствующій которому 6372 годъ стоитъ ниже въ ряду пустыхъ годовъ, и что, наконецъ, два извѣстія—о рожденіи Игоря и о смерти Рюрика, хотя и раздѣленныя цѣлымъ рядомъ годовъ, съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ, представляютъ, однако, по своей внутренней связи

одно логическое цѣлое, — изъ всего этого, говоримъ, нельзя не заключить, что лѣтописецъ, зная цѣну своему источнику, дорожилъ не только его содержаніемъ, но и самою формою, которую передавалъ съ религіозною точностію, подлинными словами, что онъ хотя и разбилъ его, согласно съ своею хронологическою системою, на отдѣльныя части, однако нигдѣ не нарушилъ логической связи между его частями; такъ что части эти, освобожденные отъ годовъ и отъ извѣстій, внесенныхъ изъ другихъ источниковъ, равно какъ и отъ нѣкоторыхъ вставокъ позднѣйшихъ компиляторовъ, представляютъ по восстановленному тексту лѣтописнаго сказанія одно стройное цѣлое, одну связную статью, въ которой только въ трехъ мѣстахъ замѣтны собственныя пояснительныя вставки лѣтописца, а въ другихъ трехъ не достаетъ для связи словесныхъ указаній времени, замѣненныхъ въ лѣтописи годами.

Все это, разумѣется, необходимо подкрѣпить доводами, подробнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ не только лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, но и всего состава начальной лѣтописи до исхода X вѣка, особенно по отношенію къ ея хронологіи. Это и составляетъ задачу второй части моего сочиненія, изъ которой въ настоящей статьѣ сгруппированы только главные результаты, то-есть, приведенъ восстановленный, подлинный текстъ лѣтописнаго сказанія, но безъ вариантовъ и безъ подробнаго изложенія той процедуры, съ помощію которой онъ восстановленъ. Въ текстѣ включены въ скобкахъ какъ поставленные Несторомъ годы и пояснительныя вставки, такъ и общія всѣмъ спискамъ вставки компиляторовъ, которыя отличены курсивомъ. Кромѣ того, три фразы, поставленныя въ текстѣ гадательно для связи, также отличены курсивомъ. Такимъ образомъ, изъ этого текста, по выключеніи всего стоящаго въ скобкахъ, ясно выдѣляется та сплошная статья, которую Несторъ отдѣльными сегментами включилъ въ свою „Повѣсть“ между 6360 и 6393 годами, и которую по самому ея содержанію нельзя не признать за древнюю официальную реляцію о Кіевской катастрофѣ, уцѣлѣвшую, вѣроятно, въ черновой или въ копіи до временъ Нестора въ архивѣ византійской миссіи въ Кіевѣ. Подъ цифрами, поставленными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, приведены вслѣдъ за текстомъ въ примѣчаніяхъ: а) соображенія и доводы, на основаніи которыхъ указанныя мѣста призваны или позднѣйшими вставками, подлежащими исключенію изъ текста, или вставками самого Нестора, или наконецъ такими, которыя въ др. спискахъ сокращены или вовсе пропущены, и которыя,

потому, надлежало дополнить по чтенію другихъ списковъ, позднѣйшихъ, и b) доказательства древности и официальнойности памятника, который служилъ Нестору источникомъ сказанія о Руси и который былъ для него уже не вполне понятенъ, почему мѣстами и пострадалъ въ его передачѣ, что въ особенности замѣтно по именамъ *Варяги*, *Русь* и *Русская земля*, которыя имѣли уже совершенно другое значеніе для Нестора, чѣмъ для древняго автора его источника. Вотъ этотъ древній источникъ:

(Въ лѣто 6360, индикта 15), наченшию Михаилу царствовати, и нача ся прозывати Руская земля; (въ лѣто 6367) *въ се бо время имаху дань Варязи* ¹⁾, приходяще изъ заморья, на Чюди и на Словѣнѣхъ, на Мери и на Веси и Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверянѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма. (Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370). *По трехъ же лѣтъхъ* ²⁾, бывшемъ паки Варягомъ изъ заморья ³⁾, и вѣсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и Веси и Мери на Варяги, и извгнаша я за море, и не даша имъ дани; и почаша сами въ себѣ володѣти и города ставити ⁴⁾; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣстародъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами собѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по праву“. И идоша за море къ Варягомъ къ Руси (сице бо тѣи звахуся Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свіе, друзіи же Урѣмане, Ангѣляне, друзіи Гѣте, тако и си) ⁵⁾, и рѣша Руси Чюдь, и Словѣни, и Кривичи и Веси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣти нами“. И избрашася 3 братья съ роды своими, и поаша по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣномъ первое, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ, а другій, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Руская земля. (*Новгородци: ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжска, преже бо быша Словѣне*) ⁶⁾.

По двою же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва ѿ Новгородъ, и сѣде ту княжа, и раздая волости мужемъ своимъ и города рубити: овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первіи насельници въ Новгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, въ Бѣлѣозерѣ Веси, въ Муромѣ Муромы. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ ⁷⁾.

И бяста у него два мужа Аскольдъ и Диръ, не племени его, ни боярина; и та испросиста ся ко Царю-городу съ родъмъ своимъ. И поидоста по Диѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ, и въспрошаста ркуче: „чій се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть тріе братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже съдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родъмъ ихъ Козаромъ“. Аскольдъ же и Диръ ооста въ градѣ семъ, и многы Варягы съвокуписта и начаста владѣти Полянскою землею, и бѣша ратни съ Древляны и съ Углицы ⁹⁾....

Рюрику же князю въ Новѣгородѣ, и роди сынъ и нарече имя ему Игорь ⁹⁾; умершю же Рюрикови, и предасть княженъе свое Ольгови, отъ рода ему сущю, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми. (Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389. Въ лѣто 6390). *На третіе же лѣто* ¹⁰⁾ поиде Олегъ поимъ воя многи: Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи, и приде къ Смоленску въ Кривичи, и прія градъ и посади мужъ свой; отътуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свой. И придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжита, похорони воя въ лодьяхъ, а другыя назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И пришу (*подъ Угорское*) ¹¹⁾, похоронивъ воя своя, и присла ¹²⁾ ко Асколду и Дирови глаголя: „яко гости есмы, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ“. Аскольдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа“ — вынесоша Игоря, — „а се естъ сынъ Рюриковъ“. И убиша Аскольда и Диру, и несоша на гору, и погребоша ѿ на горѣ, (еже ся нынѣ зоветъ Угорское кѣдѣ нынѣ Ольгинъ дворъ ¹³⁾; *на той моциль поставиль (?) церковь святого Николу, а Дирова моцила за святою Ориною*). И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ“. И бѣша у него Варязи, и Словѣне и прочи, и прозѣвашася Русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, и Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля (*еже и до смерти Ярославъ далше Варягомъ*) ¹⁴⁾.

(Въ лѣто 6391) ¹⁵⁾ поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ ѿ, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ. (Въ лѣто 6392) иде Олегъ на Сѣверяны, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легкку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ печему“. (Въ лѣто 6393). И посла къ Радимичемъ, рѣка:

„кому дань даете?“. Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“. И въдаша Ольгови по щялягу, якоже и Козаромъ даяху. *И обладаетъ* (=и бѣ обладая) Олегъ Поляны, и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи, а съ Ульци и Тивьрѣци *имать* (=имаше) рать ¹⁶).

Объясненія текста и пригѣчанія.

1.

Выше было уже замѣчено, что первая фраза подѣ 6360 годомъ и разказъ подѣ 6367 годомъ, сами, такъ сказать, притягиваются другъ къ другу, какъ части однородныя, взаимно необходимы одна для другой, которыя только при внесеніи разказа въ лѣтопись утратили внѣшнюю связь, почему мы и связали ихъ выраженіемъ *съ се бо время*. Обстоятельнѣе объ этой связи и о причинахъ, побудившихъ лѣтописца разорвать ее, будетъ сказано ниже, по объясненіи происхожденія и значенія имени *Варязи*.

2.

Здѣсь, по выключеніи годовъ, связь между частями разказа еще очевиднѣе; даже и соединительнаго выраженія: *по трехъ же мѣсяцъ*, почти не нужно.

3 и 4.

Рѣшительно можно сказать, что ни одно мѣсто „Повѣсти“ Нестора не пострадало столько отъ всевозможныхъ искаженій, какъ этотъ разказъ подѣ 6370 годомъ, обнимающій рядъ событій отъ возстанія данниковъ и изгнанія Варяговъ до рожденія Игоря включительно. Въ нашихъ Др. спис. онъ въ особенности изобилуетъ явно умысленными пропусками и сокращеніями, что и побудило меня уже въ 1-й части „Опыта“, при разсмотрѣніи извѣстій объ Угличахъ, приступить къ восстановленію первоначальнаго текста Нестора посредствомъ дополненія пропусковъ выраженіями, уцѣлѣвшими въ другихъ, позднѣйшихъ спискахъ. Посему, предложенные тамъ доводы и соображенія, приведены здѣсь безъ перемѣны, въ томъ же порядкѣ, то-есть, начиная не съ изгнанія Варяговъ, а съ выраженія: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“.

Карамзинъ, довѣрившій только древнѣйшимъ спискамъ и потому назвавшій Угличей народомъ *мнимымъ*, усомнился, разумѣется, и въ достовѣрности извѣстія о войнѣ Аскольда и Дира съ Древлянами и Угличами, которое потому и доселѣ продолжаютъ у насъ игнориро-

вать, единственно только изъ уваженія къ авторитету Карамзина; хотя онъ, впрочемъ, выразилъ свое сомнѣніе весьма осторожно и нерѣшительно, замѣтивъ только (I, прим. 289), что „въ харатейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Нестора нѣтъ сего обстоятельства“. Но мы уже видѣли, что наши *Др.* списки, къ которымъ принадлежатъ и бывшіе въ особомъ почетѣ у Карамзина *харатейные* — Лаврентьевскій и сгорѣвшій Троицкій, не вездѣ, по крайней мѣрѣ, оказываются *вѣрными*, а ниже несомнѣнно будетъ доказано, что названіе *вѣрныхъ списковъ Нестора* столь же мало приличествуетъ имъ, какъ и прочимъ нашимъ спискамъ, что въ нихъ встрѣчаются и явно-умышленные передѣлки сказаній Нестора, и пропуски даже цѣлыхъ сказаній, и вставки отдѣльныхъ фразъ и выраженій, очевидно, Нестору не принадлежащихъ, не говоря о неумышленныхъ опискахъ и искаженіяхъ. Посему, одно только отсутствіе въ нихъ упомянутаго извѣстія не даетъ еще никакого права ни сомнѣваться въ его достовѣрности, ни отвергать его принадлежность Нестору, особенно когда оно ни въ чемъ не противорѣчитъ прочимъ его извѣстіямъ и не представляетъ ни въ историческомъ, ни въ логическомъ отношеніяхъ ничего сомнительнаго, никакихъ признаковъ позднѣйшей вставки. Конечно, слова: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличы“ — въ данномъ мѣстѣ не связаны съ предыдущими или съ послѣдующими внутреннею связью и не оказываются здѣсь настоятельно необходимыми, такъ какъ отъ отсутствія ихъ общій логическій смыслъ нисколько не страдаетъ; однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они здѣсь лишнія. Напротивъ, можно утверждать, что они поставлены совершенно кстати и на своемъ мѣстѣ: лѣтописецъ, сказавъ выше, что Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали къ себѣ много Варяговъ и начали владѣть Полянскою землею, тотчасъ затѣмъ, по естественному процессу мышленія, переходить къ сужденію о томъ, какъ они владѣли или *что* дѣлали, владѣя этою землею, и говорить, что они вели войну съ Древлянами и Угличами, то-есть, обороняли Полянскую землю отъ враждебныхъ и хищныхъ сосѣдей, которые прежде, какъ въ другомъ мѣстѣ говорить тотъ же лѣтописецъ (*Др.* 7), обижали миролюбивыхъ Полянъ. Слѣдовательно, слова эти, выражая сужденіе, прямо вытекающее изъ предыдущаго, представляютъ совершенно естественное окончаніе разказа о водвореніи Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Выдумать и такъ кстати приставить эту фразу къ сказанію Нестора позднѣйшій компиляторъ не могъ имѣть никакой надобности, никакихъ побужденій и даже не имѣлъ къ тому и возможности, такъ какъ ему не откуда было

взять имя Уличи, которое въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора не упоминается, и которое, вслѣдствіе переселенія этого народа въ другую мѣстность, исчезло уже въ началѣ X вѣка, и слѣдовательно, не могло дойти въ устномъ преданіи даже и до исхода XI вѣка, то есть, до времени Нестора, повѣствующаго о дѣлахъ Аскольда и Дира и вообще о началѣ Руси, безъ сомнѣнія, на основаніи письменнаго памятника.

Но скажутъ, можетъ быть, что и позднѣйшій компиляторъ также могъ пользоваться письменными источниками, только другими, неизвѣстными Нестору. Это можно бы допустить въ такомъ только случаѣ, еслибы между *Др. стт.* съ одной, и *Сф. Ср.* и прочими позднѣйшими, съ другой стороны, существовала въ повѣствованіи о началѣ Руси, и особенно, объ Аскольдѣ и Дирѣ болѣе значительная разность по количеству фактовъ и по способу ихъ изложенія; напри- мѣръ, хоть такая, какая оказывается между *Др. стт.* и списками Никоновскаго сборника или Патріаршими, въ которыхъ ничего не говорится о происхожденіи Аскольда и Дира и объ ихъ прибытіи въ Кіевъ, а встрѣчаются, напротивъ, такого рода извѣстія: „въ лѣто 6372. Убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ“. — „Того же лѣта (6373) воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сѣвориша“. — „Того же лѣта (6375) избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ“ (Полн. собр. лѣт. IX, 9). Еслибъ извѣстіе о рати Аскольда и Дира съ Древлянами и Угличами помѣщено было въ числѣ подобныхъ извѣстій, явно не принадлежащихъ Нестору, то его, конечно, надлежало бы признать или выдуманнѣмъ, или заимствованнѣмъ не изъ Нестора, а изъ какого-то другаго источника; но коль скоро оно находится въ такихъ спискахъ, въ которыхъ всѣ прочія извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ очевидно заимствованы изъ Нестора, и притомъ, помѣщено въ нихъ не отдѣльно, а въ связи съ прочими, въ одномъ цѣломъ сказаніи, то и слѣдуетъ заключить, что оно непременно принадлежитъ къ тому же сказанію Нестора, и что самое сказаніе это, стало быть, вѣрнѣе и исправнѣе передано въ позднѣйшихъ спискахъ, чѣмъ въ древнихъ, въ которыхъ слова: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“ — очевидно, пропущены.

Не трудно, кажется, угадать и причину ихъ пропуска. Составитель южнаго лѣтописнаго сборника, отъ котораго происходятъ наши *Др. стт.*, встрѣтивъ у Нестора подъ 6370 годомъ порядочно длинный рядъ послѣдовательныхъ событій и сомнѣваясь — и не безъ основанія — въ возможности совершенія ихъ въ продолженіе одного года,

вѣроятно, заключилъ, что послѣднее изъ этихъ событій—пришествіе князей изъ-за моря, могло случиться въ этомъ году никакъ не раньше осени. Посему и смерть Синеуса и Трувора, и перенесеніе резиденціи Рюрика въ Новгородъ, какъ событія, случившіяся два года спустя („по двюу же лѣту“) послѣ прибытія князей, онъ долженъ былъ, разумѣется, отнести также къ осени 6372 года, и къ той же осени отнесъ онъ, безъ сомнѣнія, и начало отдѣльной дѣятельности Аскольда и Дира, принявъ (какъ и у насъ доселѣ дѣлаютъ) порядокъ изложенія, очевидно искусственный, за хронологическій порядокъ самыхъ событій. Такимъ образомъ, по его разчетамъ и соображеніямъ оказалось (особенно, если онъ считалъ, какъ вѣроятно, по мартовскимъ годамъ), что Аскольдъ и Диръ, достигнувъ Кіева уже поздною осенью, передъ самымъ рѣкоставомъ, должны были отложить до весны дальнѣйшія приписываемыя имъ дѣйствія; тѣмъ болѣе, что первое изъ нихъ—усиленіе своей дружины толпами Варяговъ; заморскихъ выходцевъ, которыхъ въ Кіевѣ не было, требовало отправленія пословъ, если не за море для созыва Варяговъ, то по крайней мѣрѣ, въ Новгородъ, и слѣдовательно, могло быть начато только по вскрытіи водъ, то-есть, весною слѣдующаго 6373 мартовскаго года. Далѣе, соображая, что посланнымъ пришлось подождать нѣсколько времени въ Новгородѣ, пока Варяги успѣли собраться въ достаточномъ числѣ, и что Варягамъ также нужно было время, чтобы добраться до Кіева, онъ долженъ былъ заключить, что Аскольдъ и Диръ, при помощи собравшихся къ нимъ Варяговъ, могли въ теченіе 6373 года развѣ только утвердить свою власть надъ Полянскою землею, и что имъ, стало быть, до похода на Грековъ, предуринятаго въ слѣдующемъ 6374 году, рѣшительно некогда было *быть ратными*, то-есть, вести войну, имѣть нѣсколько—не менѣе двухъ по крайней мѣрѣ—враждебныхъ столкновеній съ Древліанами, да еще съ *какими-то* Угличами, самое имя которыхъ, какъ народа уже неизвѣстнаго, могло показаться ему также сомнительнымъ, какъ показалось оно и Карамзину. Вотъ почему составитель древняго сборника, по всей вѣроятности и почелъ себя въ правѣ выключить изъ сказанія Нестора слова: „и бѣша ратни съ Древліны и съ Угличи“.

Въ параллель къ этому пропуску и для доказательства, что *Др. списки* не имѣютъ никакого права на названіе *сприныхъ списковъ Нестора*, укажемъ здѣсь изъ того же сказанія о началѣ Руси еще два мѣста, гдѣ въ этихъ спискахъ пропускъ выраженій Нестора осязательно обличается и логикою, и граматикою.

1) Въ „Поли. собр. лѣт.“ (т. I, стр. 9) напечатано: „и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же князю въ Новгородѣ.“

Въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на Греки“... и проч. Такъ читали это мѣсто и издатель Нестора по Кенигсбергскому списку (въ „Библиот. Росс. историч.“, ч. 1-я), и Тимковскій въ своемъ „Несторѣ по списку мниха Лаврентіа“, и Карамзинъ, и другіе, то-есть, всѣ они соединяли придаточное „*Рюрику же князю въ Новгородѣ*“ съ слѣдующимъ за нимъ главнымъ предложеніемъ *иде Аскольдъ и Диръ на Греки*. Но вѣдь въ такомъ случаѣ и годы, стоящіе между этими предложеніями, должны быть также неразрывно связаны съ ними. Ни одиъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ пустымъ или голымъ годовымъ числомъ,—годомъ, въ которомъ ничего не случилось, но который поставленъ только для счету, по обычаю; всѣ они должны имѣть уже опредѣленное значеніе, должны представлять и начальныя годы Рюрикова княженія въ Новгородѣ, и годы похода на Грековъ. Но допустить первое не возможно потому, что Рюрикъ, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ *Др. списковъ*, кромѣ *Лер.*, сперва сѣлъ на княженіе въ Ладогѣ, и только спустя два года, по смерти младшихъ братьевъ, перешелъ въ Новгородъ, слѣдовательно, никакъ не раньше 6372 года; стало быть, 6371 годъ никакимъ образомъ не можетъ принадлежать къ годамъ Рюрикова княженія въ Новгородѣ. Но если даже и положимъ, что лѣтописецъ считалъ Рюрика уже съ самаго его прибытія къ намъ княземъ Славянъ Новгородскихъ, хотя и сидѣвшимъ сначала въ Ладогѣ, и потому выставилъ четыре первые годы его княженія, то какое же отношеніе имѣютъ эти годы къ походу Аскольда и Дира? Или лѣтописецъ не зналъ, въ которомъ именно изъ этихъ годовъ былъ предпринятъ походъ? Если онъ, принявъ, конечно ошибочно, исходъ 6360 мартовскаго года за начало царствованія Михаила, говорить: „иде Аскольдъ и Диръ на Греки, и придоша въ 14-е лѣто Михаила царя“, то очевидно, онъ относилъ походъ именно къ лѣту 6374 мартовскаго года, какъ къ 14-му году Михайлову. Слѣдовательно, три предыдущіе года не имѣютъ ничего общаго съ походомъ, а потому и согласовать стоящее передъ ними придаточное предложеніе съ слѣдующимъ главнымъ *иде Аскольдъ и Диръ на Греки* рѣшительно невозможно, немислимо.

Шлецеръ („Nestor“ II, 215) полагалъ, что въ спискахъ *Ип.* и *Рдз.* это придаточное соединено съ предыдущимъ главнымъ предложеніемъ, и потому перевелъ его такъ: „während dessen als Rurik in Novgorod

regite", то-есть, Аскольдъ и Диръ начали владѣть Полянскою землею, между тѣмъ какъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ. Но славянскій дательный независимый, указывающій время событія и разлагаемый посредствомъ нарѣчія когда (когда), обыкновенно ставится впереди своего главнаго предложенія. Посему „Рюрику же княжащу въ Новгородѣ“, значить буквально: когда же Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ (*случилось то-то*). Правда, этотъ дательный иногда стоитъ и позади своего главнаго предложенія, напримѣръ: „не очютиша ихъ Половци, Богу съхрапшю ихъ“. — „И придоша въ монастырь Печерскій, намъ сунцимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени“.. (*Др.* стр. 98, 99). Но при подобной конструкціи лѣтописецъ не имѣлъ бы никакой надобности въ союзѣ *же*, а написалъ бы, вѣроятно, такъ: „и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику Новгородѣ княжащу“. Слѣдовательно, союзъ *же*, который находится здѣсь рѣшительно во всѣхъ спискахъ, ясно указываетъ, что этотъ дательный независимый относится не къ предыдущему, а къ послѣдующему главному предложенію, что имъ начинается новая рѣчь, новый періодъ. Но съ предложеніемъ „иде Аскольдъ и Диръ на Греки“, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ не можетъ имѣть ни малѣйшей связи. Стало быть, это придаточное ни къ чему не придается, оно стоитъ совершенно одиноко и не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія. И это, очевидно, отъ того, что главное предложеніе, съ которымъ оно было соединено въ текстѣ Нестора, пропущено въ нашихъ мнимо вѣрныхъ *Др.* спискахъ. Въ спискахъ *Сф.*, *Ср.* и другихъ оно уцѣлѣло, и даже съ наростомъ повѣйшей формаціи, а именно въ *Сф.* спискахъ читаемъ (Полп. собр. лѣт. V, 88): „Рюрику же княжащу въ Новгородѣ, и роди сынъ и нарече имя ему Игорь. *Възрастшю же Игорю, и бысть храборъ и мудръ, и бысть у него восвода, именемъ Олесь, мужъ мудръ и храборъ*“. Что этотъ похвальный отзывъ объ Игорѣ, здѣсь подчеркнутый, какъ явно несогласный со всѣми послѣдующими извѣстіями лѣтописца объ Олегѣ и Игорѣ, представляетъ позднѣйшую вставку—это само собою очевидно и не требуетъ доказательства. Извѣстіе же о рожденіи Игоря, начало котораго находится и въ *Др. ст.*, несомнѣнно принадлежитъ къ подлинному Несторову тексту, изъ котораго слова: „и роди сынъ и нарече имя ему Игорь“ — явно пропущены составителемъ древняго сборника, вслѣдствіе хронологическихъ соображеній. Видно, что онъ, написавъ первую фразу, остановился какъ бы въ недоумѣніи, и не рѣшился напи-

сать вторую, рассудивъ, что здѣсь, подъ 6370 или 6372 годомъ, не мѣсто упоминать о рожденіи Игоря, который въ годъ смерти своего отца, въ 6387, былъ еще „дѣтескъ велми“. Къ счастью еще, что этотъ компиляторъ не зачеркнулъ написанной уже фразы, которая, оставшись въ нашихъ *Др. стт.* одинокою, безъ всякой связи, ясно обличаетъ пропускъ и даетъ право возстановить слова Нестора, уцѣлѣвшія въ спискахъ позднѣйшихъ.

2) Вотъ другое мѣсто, въ которомъ текстъ Нестора въ *Др. стт.* сравнительно съ позднѣйшими, очевидно, пострадалъ отъ сокращеній. Подъ 6370 годомъ въ *Др. стт.* (стр. 8) читаемъ: „Изъгнаша Варяги за море“, а въ *Сф.* и во всѣхъ прочихъ, кромѣ *Др.* и *ПС.*, даже и въ *Ист.*, вообще сходномъ съ древними списками, сказано: „Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша я за море“... Спрашивается, въ которомъ изъ этихъ двухъ чтеній уцѣлѣлъ подлинный текстъ Нестора? Неужели въ первомъ?!... По вѣдь „изъгнаша Варяги за море“ и цѣлый рядъ слѣдующихъ затѣмъ выражений представляютъ одни только сказуемые безъ подлежащихъ, дѣйствія безъ указанія дѣйствователей; не видно, кто „изъгнаша“, кто „не даша дани“, кто „почаша сами въ собѣ володѣти“ и проч. По правиламъ синтаксиса, при этихъ сказуемыхъ надлежало бы подразумевать подлежащее предыдущаго предложенія, а предыдущее предложеніе „Козаре имаху“... и проч. Такъ неужели же Хазары изгнали Варяговъ?!... Можетъ-быть, намъ замѣтить, что мы напрасно придираемся къ словамъ, что здѣсь по общему смыслу сказанія очевидно, кого разумѣлъ Несторъ, что онъ для краткости могъ не поименовать здѣсь уже прежде поименованныхъ данниковъ, и допустилъ, такимъ образомъ, нѣкоторую неточность и небрежность выраженія, довольствуясь тѣмъ, что мысль его понятна читателю. Пожалуй, скажутъ, какъ обыкновенно говорятъ, что „отъ Нестора — монаха XI вѣка, нельзя требовать ученой обдуманности, отчетливости“ и проч. Но соглашаясь съ этимъ, прійдется допустить, что составитель Софійскаго сборника или другой неизвѣстный компиляторъ, замѣтивъ здѣсь неточность и неясность выраженія, исправилъ и дополнилъ Нестора. Только съ чего же вздумалось этому поправщику присочинить здѣсь цѣлое предложеніе и говорить въ немъ объ общемъ возстаніи всѣхъ данниковъ, и притомъ съ такою правдивостію, выставляя финскія племена на ряду съ Славянами и ставя на первомъ планѣ, во главѣ возставшихъ, не Славянъ-Новгородцевъ, а Кривичей? Мы видимъ, что составитель лѣтописца Переяславле-Суздальскаго дѣйствительно испра-

вилъ недостатокъ своего оригинала, принадлежавшаго къ разряду древнихъ списковъ, только онъ написалъ просто: „изгнаша Словѣне Варягъ за море“. Такъ, безъ сомнѣнія, исправилъ бы и другой компиляторъ, замѣтившій недостатокъ подлежащаго при *изгнаша*. Написать же: „Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и *Весь* и Меря на Варяги, и изгнаша я за море“ — могъ только Несторъ, и притомо не иначе, какъ на основаніи древняго письменнаго памятника; и въ устномъ преданіи никакъ не могла бы въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ сохраниться съ такою очевидною правдою память о совокупномъ участіи всѣхъ племенъ въ изгнаніи Варяговъ; честь изгнанія непременно была бы приписана или исключительно, или по преимуществу Славянамъ Новгородскимъ, какъ это и сдѣлано въ Никоновскомъ сборникѣ, составитель котораго хотя и списывалъ съ „Повѣсти“ Нестора, однако переставилъ имена племенъ, то-есть, написалъ: „Въсташа Словене, рекше Новгородци, и Меря и Кривичи на Варяги, и изгнаша ихъ за море“ (Полн. собр. лѣт. IX, 8). Очевидно, стало быть, что и здѣсь составитель южнаго сборника также сократилъ Нестора, текстъ котораго исправитѣ сохранился въ Софійскихъ и другихъ позднѣйшихъ спискахъ.

Но и чтеніе Софійскихъ списковъ нельзя признать за полный, первоначальный текстъ Нестора. Передъ „въсташа Кривичи“ у него должна была стоять еще какая-то фраза, которою начинался разказъ подъ 6370 годомъ, и искаженные слѣды которой уцѣлѣли, сколько доселѣ извѣстно, въ одномъ только *Рдз.* спискѣ. Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ“ (Гл. II, 166) читаетъ ее такъ: „Быша Варяги за морья, и не да имъ дани („*Byvsza Variagy za morja, i ne da im dani*); а въ такъ-называемомъ „Несторѣ“ по Кенигсбергскому списку она является гадательно исправленною: „Быша Варяги изъ заморья, и не даша имъ дани“. Но странно, что объ этомъ искаженіи ни слова не сказано въ „Полн. Собр. Лѣт.“,—какъ будто оно въ рукописи вовсе не существуетъ (во второмъ изданіи 1872 г. оно указано въ выноскахъ)! Посему, чтобы разгадать его происхожденіе и значеніе, необходимо было обратиться въ подлинной рукописи, и только по внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ особенностей почерка, мнѣ удалось, наконецъ, напасть на слѣдующія примѣты, послужившія основаніемъ для дальнѣйшихъ соображеній: а) въ словѣ „быша“ буква *в* блѣднѣе и тоньше, такъ-сказать, нѣжнѣе прочихъ, вѣроятно отъ того, что писецъ, какъ бы колеблясь въ нерѣшимости, начерталъ ее менѣе твердымъ почеркомъ; б) послѣ „быша“ оставленъ

небольшой пробѣлъ, на которомъ можно помѣстить двѣ не широкія буквы того же почерка, или одну, состоящую изъ трехъ вертикальныхъ черточекъ, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, примѣрно букву *ш*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ оригиналѣ, съ котораго, вѣроятно, скопирована эта фраза, здѣсь было что-то написано, чего переписчикъ не могъ разобрать, и потому оставилъ пробѣлъ; с) надъ *ѣ* въ имени „варагы“ и надъ *а* въ „не да“ видны, хотя и съ трудомъ, сѣроватыя пятна, которыя можно бы признать произшедшими отъ запачканія рукописи въ этихъ мѣстахъ, если бы чтеніе прочихъ списковъ „не даша“, соотвѣтствующее чтенію „не да“ *Рдз.* рукописи, не указывало, что пятно надъ *а* есть остатокъ надстрочной буквы *ш*, почти совершенно стершейся отъ времени, посему и пятно надъ *ѣ* также должно быть остаткомъ какой-либо надстрочной буквы или знака. Все это ведетъ къ заключенію, что въ томъ древнемъ изводѣ, который служилъ оригиналомъ писцу или составителю *Рдз.* рукописи, вмѣсто искаженія: „бывша Варягы заморья“, должна была находиться фраза, написанная сокращенно, съ надстрочными буквами, и выражавшая первоначально какое-то логически-необходимое сужденіе о заморскихъ Варягахъ, но сдѣлавшаяся непонятною вполнѣ, когда мелкія надстрочія стерлись отъ времени, почему она только механически скопирована, и вѣроятно, еще болѣе испорчена въ *Рдз.* рукописи. Чтò же должно было, или чтò можно было сказать о Варягахъ въ этомъ мѣстѣ, въ связи съ тѣмъ, чтò говорится о нихъ выше и ниже? Ниже, какъ мы уже видѣли, въ подлинной рукописи Нестора говорилось о возстаніи на Варяговъ и объ изгнаніи ихъ, а выше одни списки (*Ин.*, *Хл.*, *ПС.*, *ПН.*, *ПШл.* и *Гсм*) говорятъ; „Имаху дань Варязи, приходяще изъ заморья на Чуди“.... и пр., другіе же (*Лвр.*, *Рдз.*, *Три.*, *Сф.*, *Ср.*, *Тв.* и *Лва.*): „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди“.... и пр. Это послѣднее чтеніе отличается отъ предыдущаго только отсутствіемъ причастія *приходяще*, которое, конечно, легче было пропустить, какъ лишнее, чѣмъ вставить послѣ, какъ необходимое. Лишнимъ оно могло показаться уже по тому соображенію, что если Варяги изъ заморья, то-есть, Варяги заморскіе, жившіе за моремъ, брали дань съ племенъ, жившихъ по сю сторону моря, то само собою уже разумѣется, что это они могли дѣлать не иначе, какъ приходя или пріѣзжая къ нимъ изъ заморья. Но такъ какъ и Варяговъ, пришедшихъ изъ заморья и поселившихся въ странѣ своихъ данниковъ, также можно, по ихъ происхожденію, назвать Варягами изъ заморья, то выходитъ, что *приходяще* въ дан-

ной фразѣ вовсе не лишнее: оно точнѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ мысль, указывая, что Варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, *приходя* къ нимъ для этого изъ заморья, "а у нихъ постоянного пребыванія не имѣли. А если такъ, то и открывшееся впоследствии возстаніе на Варяговъ и ихъ изгнаніе могли имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, *когда Варяги снова* (паки) *пришли за данью изъ заморья*. Итакъ, вотъ та мысль, которая, по связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, логически необходима въ началѣ разказа подъ 6370 годомъ, и которую, еслибъ она не была здѣсь выражена, надлежало бы непременно подразумѣвать. Но искаженіе, уцѣлѣвшее въ *Рдз. списокѣ*, ясно указываетъ, что мысль эта дѣйствительно была выражена у Нестора, и притомъ въ весьма обыкновенной грамматической формѣ, общеупотребительной при указаніи времени событія, а именно дательнымъ независимымъ, написаннымъ съ обычными сокращеніями, т. е., *бывшем паки варягомъ изъ заморья*. Естественно, что эта фраза, написанная сплошнымъ письмомъ, утративъ стершіяся отъ времени, надстрочныя буквы и другія мелкія черты, сдѣлалась непонятною и потому подверглась искаженію въ *Рдз. списокѣ*, то-есть, изъ *бывше*, съ присоединеніемъ первой вертикальной полоски отъ слѣдующаго *и*, легко могло составиться *бывша*, вслѣдствіе чего вторая часть *и* и буква *а*, какъ не имѣющія смысла, были пропущены съ оставленіемъ пробѣла; а изъ *варягомъ* и слѣдующаго затѣмъ *и* еще легче могло выйти *варягъ*, почему послѣднее сокращеніе этой фразы *изъ заморья* (т. е., изъ заморья), утративъ начальное *и*, обратилось въ *заморья*.

Итакъ, начало сказанія Нестора подъ 6370 годомъ не сохранилось въ цѣлости ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ; первое предложеніе, и то искаженное, уцѣлѣло въ одномъ только *Рдз. списокѣ*, въ которомъ за то два слѣдующія предложенія пропущены, и первое соединено съ четвертымъ, то-есть, „бывшемъ паки Варягомъ изъ заморья, и не даша имъ дани“. Въ другихъ же *Др. стт.* изъ этихъ четырехъ начальныхъ предложеній, пропущены два первые и удержаны третье и четвертое, то-есть, „изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани“. Кромѣ того, во всѣхъ этихъ спискахъ пропущены еще извѣстія: о строеніи городовъ, о рати Аскольда и Дира съ Древлянами и Уличами и о рожденіи Игоря. И все это, очевидно, не случайныя пропуски, а преднамѣренныя сокращенія первоначальнаго

текста, вызванныя хронологіей Нестора. Внося въ свою „Повѣсть“ разказъ о Руси, вѣроятно дословный, изъ древняго письменнаго памятника и вставляя среди этого разказа, въ томъ или въ другомъ мѣстѣ по усмотрѣнію, годы „по ряду“, Несторъ здѣсь никакъ не могъ связывать имъ самымъ произвольно разрозненныхъ частей разказа, съ поставленными впереди ихъ годами. Въ его рукописи годы, по всей вѣроятности, стояли сами по себѣ, отдѣльно отъ повѣствованія о Руси, по крайней мѣрѣ, годы 6368, 6369 и 6370 должны были стоять въ особой строкѣ, ясно отдѣленные какими-либо знаками отъ слѣдующаго за ними повѣствованія, которое начиналось съ новой строки, заглавною буквою; точно также и годы 6371, 6372 и 6373, безъ сомнѣнія, составляли особую группу, отдѣленную отъ 6374 года, который стоялъ въ началѣ строки передъ разказомъ о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ. Эти двѣ группы годовъ, очевидно, поставлены только для счета времени, и съ помѣщеннымъ между ними сплошнымъ повѣствованіемъ о цѣлой массѣ фактовъ не имѣютъ ни малѣйшей связи. Но составитель южнаго лѣтописнаго сборника, отъ котораго происходятъ наши *Др.* списки, сохранивъ хронологическую рамку Нестора, рѣшился втиснуть въ нее и самое повѣствованіе; а такъ какъ рамка оказалась слишкомъ тѣсною, то онъ обрѣзалъ картину, то-есть, выключилъ изъ текста извѣстія о тѣхъ событіяхъ, которыя, по его соображенію, не могли помѣститься на данномъ пространствѣ времени. Иначе распорядился составитель другаго, сѣвернаго сборника, служившаго родоначальникомъ *Сф.* и другихъ позднѣйшихъ списковъ: выбравъ всѣ пустые годы, въ которые ничего изъ описаннаго подъ другими годами, будто бы, не случилось, и расширивъ такимъ образомъ хронологическую рамку Нестора, онъ призналъ возможнымъ сохранить его повѣствованіе вполнѣ, безъ пропусковъ, потому что не имѣлъ надобности ограничивать дѣйствительное совершеніе всѣхъ событій предѣлами одного только года, подъ которымъ они описаны. Такъ, помѣстивъ подъ 6370 годомъ длинный рядъ послѣдовательныхъ событій, онъ могъ полагать начало ихъ уже въ предыдущихъ годахъ, къ этому же году, вѣроятно, относилъ только посольство къ Варягамъ и прибытіе князей; а слѣдующія затѣмъ событія, начиная отъ словъ „по двои же лѣту“, онъ, безъ сомнѣнія, считалъ событіями, хотя и послѣдовательными, но неопредѣленными хронологически,—и для того, можетъ-быть, и прибавилъ къ извѣстію о рожденіи Игоря свой отзывъ объ этомъ князѣ, чтобъ яснѣе показать, что это извѣстіе, хотя и поставленное передъ 6374

годомъ, не относится ни къ какому опредѣленному году, что это фактъ не хронологическій.

Но пропускъ фразы: „бывшемъ пакн Варягомъ изъ заморья“ во всѣхъ спискахъ, кромѣ *Рдэ.*, равно какъ и пропускъ въ большинствѣ списковъ причастія „приходяще“ въ первомъ извѣстіи о Варягахъ, вызваны не хронологическими затрудненіями, а другими ошибочными соображеніями. Изъ показанія, что племена, по изгнаніи Варяговъ, „почаша сами въ собѣ володѣти“, составители сборниковъ могли вывести точно такое же заключеніе, къ какому пришелъ и проф. Соловьевъ (*Ист. Росс. I, 87*), то-есть, что до изгнанія „Варяги не только брали дань съ сѣверныхъ племенъ, но и владѣли у нихъ“; а отсюда неизбѣжно вытекало новое заключеніе, что Варяги, владѣвшіе племенами, должны были и жить среди ихъ. Вслѣдствіе этого, выраженія древняго лѣтописца, указывавшія на Варяговъ, какъ приходившихъ изъ-за моря только для сбора дани, должны были показаться логическою несообразностію, и потому подвергнуться исключенію изъ текста. Но изъ словъ: „почаша сами въ собѣ володѣти“—вовсе нельзя вывести того заключенія, будто Варяги, до ихъ изгнанія, владѣли, то-есть, управляли пятью сѣверными племенами: господство Варяговъ, какъ и русскихъ князей въ первое время, ограничивалось только сборомъ дани; во внутреннія дѣла своихъ данниковъ, въ ихъ взаимныя отношенія, въ ихъ судъ и расправу они не вмѣшивались и никакого верховнаго правительства надъ ними не учредили. Каждое племя и каждое отдѣльное поколѣніе обширнаго племени, разумѣется, и при Варягахъ, и прежде, и послѣ нихъ пользовалось самоуправленіемъ, распоряжалось свободно своими внутренними, домашними дѣлами; но никакихъ общихъ дѣлъ и взаимныхъ обязанностей, а слѣдовательно—и общей верховной власти, у этихъ племенъ, до изгнанія Варяговъ, еще не было, и не могло быть, такъ какъ они жили отдѣльно другъ отъ друга. Только подъ владычествомъ Варяговъ, принужденные, какъ говорится, таяуть одну лямку, они, вѣроятно, впервые ознакомились и сблизились между собой; а потому съ этого времени, не смотря на ихъ разнородность, между ними начались уже болѣе тѣсныя связи и сношенія, слѣдствіемъ которыхъ было, наконецъ, общее ихъ возстаніе, кончившееся изгнаніемъ Варяговъ за море. Но свергнувъ варяжское иго и сдѣлавшись по прежнему свободными, они не могли уже возвратиться къ прежней разрозненной жизни, если не хотѣли снова утратить своей независимости, только что возстановленной совокупными усиліями. Посему,

съ изгнаніемъ Варяговъ, въ положеніи пяти сѣверныхъ племенъ должна была произойти важная переимѣна: временный союзъ, вызванный общою ненавистію ихъ къ приходившимъ изъ-за моря грабителямъ, обратился въ постоянный—въ федерацію, и изъ выборныхъ отъ каждаго племени составилось верховное правительство для завѣдыванія всѣми общими дѣлами союза; значитъ, теперь только, въ лицѣ своихъ выборныхъ, всѣ пять племенъ вмѣстѣ (чего прежде не было) „почаша сами въ собѣ володѣти“, и вопервыхъ, „города ставити“, то-есть, строить укрѣпленія, преимущественно въ землѣ Чудской, вдоль морскаго берега и при устьяхъ рѣкъ, для охраненія союзной территоріи отъ новаго вторженія изгнанныхъ Варяговъ. Но уже при выполненіи этой первой общей повинности между членами союза, вслѣдствіе столкновенія частныхъ интересовъ съ общими, обнаружались распри и несогласія; не стало у нихъ правды, охранять которую союзная власть оказалась безсильною, и союзъ рушился среди междоусобій; Меря отдѣлилась, а другія четыре племени вѣрили свою судьбу князьямъ иноплеменнымъ. Таковъ общій смыслъ сказанія, записаннаго подъ 6370 годомъ,—сказанія, несомнѣнно древняго и вполне достовѣрнаго, но до крайности искаженнаго въ нашихъ спискахъ.

5.

Это толкованіе значенія Варяжской Руси, обитавшей за моремъ, никакъ не могло быть написано ни въ исходѣ IX, ни даже въ первой половинѣ X вѣка, то-есть, въ то время, когда эта самая Русь, пришедшая къ намъ изъ-за моря, еще существовала и дѣйствовала въ нашей странѣ и была всѣмъ извѣстна, и когда, слѣдовательно, никому, особенно же автору, который самъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ Руси, не могло и въ голову придти толковать ея значеніе, да къ тому же еще говорить о ней въ прошедшемъ времени „снче бо тѣи звахуся“, когда она еще такъ называлась. Стало быть, толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нигдѣ уже не было, когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились, и утративъ свое отдѣльное существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя *Русь* получило уже совершенно другое значеніе,—стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій, Русское государство. Тогда, разумѣется, и слова: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“ должны были сдѣлаться уже непонят-

ными, требующими объясненія, а потому лѣтописецъ, жившій въ исходѣ XI вѣка, и почелъ своею обязанностію присовокупить къ нимъ свое толкованіе. Но онъ, какъ видно, и самъ не ясно понималъ уже первоначальное значеніе имени Русь. По его понятію, Русь—особый народъ или поколѣніе Варяжскаго племени, что выражено уже въ его этнографическихъ извѣстіяхъ (Др. стр. 2): „Афетово бо колѣно то Варязи: Свеи, Урмане, Готе Русь, Англяне“. То же самое толкуетъ онъ и здѣсь: „такъ назывались тогда, въ IX вѣкѣ, тѣ Варязи Русью, какъ вотъ и теперь, въ наше время, другіе Варязи называются Свеями, другіе Уръминами (Норвежцами), Англянами и еще другіе Готами“. Но то ли самое разумѣлъ подъ именемъ Руси древній авторъ, въ сочиненіе котораго, очевидно, вставлено это толкованіе? Еслибъ онъ подъ именемъ Руси разумѣлъ народъ, то могъ ли онъ сказать, что князья „поиша по собѣ всю Русь?“ Развѣ такой фактъ возможенъ? Развѣ можно себѣ представить, чтобы весь народъ Русь—народъ не кочевой (какихъ за Варяжскимъ моремъ никогда не было), а осѣдлый—рѣшился, безъ крайней необходимости, нигдѣмъ и ничѣмъ не гонимый, покинуть свою исконную родину, и вслѣдъ за своими князьями, какъ пчелы за маткою, переселиться, съ старцами, съ женами, съ дѣтьми, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, за море, въ страну чуждую и неизвѣстную, единственно только потому, что князьямъ его захотѣлось княжить въ этой чуждой странѣ, надъ чужими племенами?!...

И опять, съ другой стороны, развѣ возможно допустить, чтобы племена, нуждавшіяся въ князьяхъ, и можетъ-быть, въ ихъ дружинахъ для восстановленія наряда и внѣшней безопасности, согласились добровольно, для того только, чтобы имѣть князей, принять имѣсть съ князьями къ себѣ на жительство еще цѣлый иноплеменный народъ, хотя бы и самый не многочисленный? Какъ ни была бы „велика и обильна“ земля ихъ, все же подѣлиться ею съ чуждыми пришельцами, и притомъ, предоставить у себя послѣднимъ первенствующее положеніе и даже принять отъ нихъ имя для себя и для страны своей,—это явленіе рѣшительно невозможное, немислимое. Наконецъ, еслибъ случилось такое необычайное событіе, то почему же современный авторъ, повѣствующій о немъ, не только не указываетъ, гдѣ поселился у насъ этотъ заморскій народъ, гдѣ возникли въ нашей странѣ русскія колоніи, но даже во все княженіе Рюрика ни разу не упоминаетъ имени Русь, которое появляется у него только при Олегѣ въ Кіевѣ, гдѣ Русью прозываются уже и

Варяги, и Славяне, и прочіе, которые по племени *не Русь*? Не предположить ли, что онъ, можетъ-быть, разумѣетъ Русь, со времени ея прибытія къ намъ, подъ общимъ племеннымъ именемъ Варяговъ и поселяетъ ее подъ этимъ именемъ въ тѣхъ городахъ, которые Рюрикъ раздалъ мужамъ своимъ? Но, во первыхъ, по самому смыслу сказанія, раздача городовъ и волостей начата была Рюрикомъ только по водвореніи его въ Новгородъ, то-есть, спустя два года послѣ его прибытія изъ-за моря, и произведена была, безъ сомнѣнія, не вдругъ, а продолжалась во все время его княженія, возобновляясь и повторяясь неоднократно, по мѣрѣ приобрѣтенія новыхъ владѣній для раздачи. Чтобъ отдать кому либо во владѣніе Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ и поселить тамъ Русь подъ именемъ Варяговъ, надо было, разумѣется, сперва покорить эти города, обитатели которыхъ въ призваніи князей не участвовали. Неужели же пришедшій изъ за-моря народъ Русь оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на бивуакахъ, въ ожиданіи, пока приобрѣтены были удобныя мѣста для его поселенія? И въ вторыхъ, о Варягахъ въ означенныхъ городахъ говорится, что они тамъ „суть находницы“, то-есть, пришельцы, временные постояльцы, не имѣющіе прочной осѣдлости. Слѣдовательно, никакихъ колоній, ни варяжскихъ, ни русскихъ, они тамъ не основали. Но если бы, принявъ слово *находницы* въ значеніи новыхъ всельниковъ, мы и допустили, что Русь, дѣйствительно была, подъ общимъ именемъ Варяговъ, поселена въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, то откуда же и какъ появилась она на югъ, въ Кіевъ? Туда отъ Рюрика пошли два мужа, Аскольдъ и Диръ, съ родомъ своимъ только, тамъ собрали къ себѣ Варяговъ, а не Русь; потомъ двинулся туда Олегъ, „поимъ воя многи: Варягы, Чудь, Словѣни“ и проч.; никакого народа, ни Руси, ни Варяговъ, онъ не повелъ съ собою, ибо бывшіе съ нимъ Варяги не народъ, не племя: они составляли часть его воевъ; а между тѣмъ имя Руси слышится въ Кіевѣ уже со временъ Аскольда Дири, и вслѣдствіе ихъ похода на Царьградъ, становится извѣстнымъ и грознымъ для Грековъ. Откуда же ввлялась эта Русь, которой нѣтъ тамъ, куда она пришла, и которая является тамъ, куда не приходила? Что это за таинственный народъ?.. Никакого народа Русь нигдѣ и никогда не бывало, и ни откуда къ намъ не приходило, а пришли къ намъ изъ-за моря князья, три брата „съ роды своими“, и привели съ собою „всю Русь“, то-есть, всю дружину, называвшуюся Русью (Róds), какъ назывался и самый родъ княжескій. Такъ понимали и компиляторы нашихъ позднѣйшихъ

лѣтописныхъ сборниковъ выраженіе „поша по себѣ всю Русь“, которое они совершенно вѣрно передали словами: „поша съ собою дружину многу“. Уже прежде, по поводу толковъ о Литовской Руси, поднятыхъ г. Костомаровымъ, я высказывалъ мнѣніе, заявленное впервые, кажется, Арцыбашевымъ, что Варяги-Русь не пародъ, а дружина (см. мою брошюру 1860 г. „Объясненіе скаваній Нестора о началѣ Руси“), и полагалъ притомъ, что и Несторъ „подъ именемъ Руси, въ выраженіи „поша по себѣ всю Русь“, долженъ былъ также разумѣть дружину; но теперь, глубже вникнувъ въ смыслъ его сказанія, нахожу, что онъ, согласно съ своею этнографическою системою, дѣйствительно считалъ Русь такимъ же особымъ народомъ варяжскимъ IX вѣка, какими въ его время были Шведы, Норвежцы, Англи и Готы. Эта невольная ошибка лѣтописца, ничего, разумѣется, не знавшаго о бытѣ Скандинавовъ IX вѣка, объ ихъ морскихъ дружинахъ и морскихъ короляхъ, отуманила и снутала всѣхъ изслѣдователей нашей начальной исторіи, заставивъ ихъ повсюду искать мнимаго народа Русь, который будто бы проживалъ гдѣ-то за моремъ и оттуда пришелъ къ намъ, вѣстѣ съ князьями, но котораго, однакоже, до сихъ поръ ни за моремъ не отыскали, ни у насъ на жительство нигдѣ не оказалось. Оказались же у насъ, со времени прибытія князей (и даже раньше, какъ ниже увидимъ) названія *Русь*, *Русская земля* и *русскіе города* и даже съ *матерью*; но первое означало дружину, съ династією, стоявшей во главѣ ея, а второе и третье—всѣ страны и города, покоренные оружіемъ князей и дружины, а вовсе не ту страну, обитатели которой (Чудь, Славяне, Изборскіе Кривичи и Веси) призвали къ себѣ князей добровольно, и разумѣется, на извѣстныхъ условіяхъ, по договору. Что имя *Русь* означало у насъ въ первое время только дружину, а не пародъ, не племя,—яснымъ доказательствомъ тому служатъ слѣдующія слова древнѣйшаго памятника, вѣрно списанныя Несторомъ, хотя и противорѣчащія его собственному толкованію и потому, какъ видно, имъ не понятія: „и бѣша у него (Олега) Варязи, и Словѣне и прочи, и прозвашася Русью“. Эти слова и у насъ доселѣ толкуютъ неправильно, полагая, вслѣдъ за Шлецеровъ (Nestor III, 72), будто здѣсь говорится о распространеніи русскаго имени на племена, подвластныя Олегу. Нѣтъ, здѣсь рѣчь не о племенахъ, а объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ разныхъ племенъ, изъ Варяговъ, изъ Славянъ, изъ Чуди, изъ Кривичей и проч., которыя были у него (Олега), то-есть, въ его дружинѣ, и которыя потому прозвались Русью. „Бѣша у него“ имѣеть здѣсь совер-

шенно тотъ же смыслъ, какъ выше „быста у него (Рюрика) два мужа“. Эти *два мужа*, Аскольдъ и Дирь, принадлежали къ дружинѣ Рюрика, къ Руси, слѣдовательно, они и сами, и родъ ихъ назывались Русью. И вотъ почему и въ Кіевѣ, когда они тамъ утвердились, послышалось уже имя Руси, которое вскорѣ узнали и Греки. Потомъ за этою передовою Русью, явился въ Кіевѣ Олегъ, уже *со всею Русью*, имя которой, какъ дружины, неразлучной съ княземъ, разумѣется, при этомъ случаѣ не было надобности и упоминать. Провозгласивъ Кіевъ столицей Руси, матерью городовъ русскихъ, Олегъ пополнилъ свою дружину новыми членами, которые всѣ также „прозвашася Русью“. Замѣчательно, что кто-то изъ послѣдующихъ компиляторовъ, какъ видно, довольно вѣрно понялъ непонятныя для Нестора вышеприведенныя слова, которыя въ позднѣйшихъ спискахъ читаются такъ: „и бѣша у него *мужи* Варязи и Словѣни и оттодѣ прозвашася и прочіи (= прочіи прозвашася) Русью“. Но еще вѣрнѣе передано ихъ значеніе въ списокѣ *Льв*: „Быша у него *въ службу* Варязи. Словяны и прочіе, иже прозвашася Русь“. Дѣйствительно, имя Русь исключительно *служебное*; племеннымъ оно никогда не было, по крайней мѣрѣ, въ нашей странѣ. У насъ оно, впрочемъ, довольно рано стало означать: 1) территорию, подвластную князю и дружинѣ Русь, то-есть, Русскую землю, и 2) народы, населяющіе эту территорию, и преимущественно славянскія народности, но не въ племенномъ, а въ государственномъ смыслѣ; впоследствии же оно сдѣлалось уже общимъ наименованіемъ всѣхъ разноплеменныхъ обитателей Руси, Русскаго государства.

Н. Ламбинъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЮЛЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ .

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ (Продолженіе).

Правительственныя распоряженія.

О преміяхъ Императора Петра Великаго: I. Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ на преміи Императора Петра Великаго за «Исторію Россіи для народа». — II. Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей трудъ г. Р. Фохта, удостоенный преміи Императора Петра Великаго при первомъ присужденіи ея въ 1874 году.

Казанскія гимназій въ XVIII столѣтіи
(Продолженіе) А. И. Артемьева.

Источникъ лѣтониснаго сказанія о происхожденіи Русей (Окончаніе) Н. И. Лавина.

Задружно - общинный характеръ политическаго быта древней Россіи (Продолженіе). Θ. И. Леонтовича.

Италіанскіе университеты (Продолженіе). . . А. Θ. Кистяковскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки.)

ИСТОЧНИКЪ ЛѢТОПИСНАГО СКАЗАНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ ¹⁾.

6.

Это—вторая вставка, которая, впрочемъ, находится не во всѣхъ спискахъ и принадлежитъ не Нестору, а позднѣйшимъ компиляторамъ, или вѣрнѣе, переписчикамъ, внесшимъ въ текстъ нелѣпую приписку съ поля рукописи. Начало вставки, то-есть, этимологически невозможное имя страны *Новугородци* (*Лер.*), которое, вмѣстѣ съ его вариантами *Новгородъ* (*Рдз. Три.*) и *Новугородье* (*Пс.*), принадлежитъ только четыремъ спискамъ, вызвано, какъ видно, недоразумѣніемъ стариннаго книжника, читателя рукописи, которому предыдущая фраза казалась не вполне ясною: полагая, будто въ ней слѣдовало указать, какая именно земля прозвалась отъ Варяговъ Русскою землею, онъ по догадкѣ дополнилъ ее припискою на полѣ рукописи: „Новугородьца“, не дописавъ, вѣроятно, окончанія, по недостатку мѣста, почему послѣдующіе переписчики, при внесеніи этой замѣтки въ текстъ, и должны были придумывать къ ней свои окончанія. Но трудно угадать, откуда взялась и что значитъ слѣдующая затѣмъ фраза, которая кишитъ вариантами въ нашихъ спискахъ и ни въ одномъ изъ нихъ не имѣетъ человѣческаго смысла. Есть ли какой-нибудь смыслъ на примѣръ, хоть въ этомъ чтеніи, самомъ толковомъ изъ всѣхъ существующихъ: „ти суть людье Новугородьци отъ рода варяжска, преже бо бѣша Словѣне“?!... Кто эти „ти“, то-есть, *тѣ, вышеупомянутые*? Пришедшіе ли съ князьями Варяги, Варяги Русь?... Но нужно ли было толковать, что *тѣ* Варяги *суть отъ рода варяжскаго*? и можно ли было сказать, что *тѣ* Варяги, только-что пришедшіе изъ за-моря, и по смыслу сказанія, еще не видавшіе Новгорода, *суть люди Новугородцы*? Можно ли было провозгласить такую нелѣпность: „*тѣ* Варяги

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв., июнь 1874 года.

Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли пужду,—все есть, и все дешево“¹⁾).

Изъ Симбирска, 8-го іюня, государыня отправила сухопутно, чрезъ Алатырь, Арзамасъ и Муромъ въ Москву. Ея галера „Тверь“ отведена была въ Казань и оставлена тамъ въ адмиралтействѣ. Она сохраняется и доселѣ въ особомъ зданіи. Галера эта окрашена зеленою краскою; по бортамъ сдѣланы рѣзные изображенія статуй. Въ кормовой части галеры каюты расположены въ два этажа: нижній изъ 8 комнатъ назначался для прислуги, а верхній—состоящій изъ 7 комнатъ и довольно обширной залы—занимала сама императрица; эти комнаты обиты сукномъ и другими матеріями. Въ носовой части галеры устроены двѣ комнаты, гдѣ помещалась кухня. До 1804 года въ Казани же хранились еще четыре галеры, только меньшихъ размѣровъ, но онѣ по Высочайшему повелѣнію разобраны²⁾).

Въ заключеніе всего прибавимъ, что отъ многихъ волжскихъ бурлаковъ и прибрежныхъ жителей намъ случалось слышать, будто именно Екатериной установлены „перемѣны“ или „гребецкія стапціи“, которыя соблюдаются и нынѣшними иловцами, когда идутъ по Волгѣ на веслахъ.

Возвращаясь къ продолженію нашей гимназической лѣтописи.

Слѣдующій за отъѣздомъ государыни изъ Казани годъ (1768) замѣчательнъ по особому расширенію правъ командира гимназій. Орденомъ директора университета М. М. Хераскова, 10-го января 1768 года, предписано, чтобы „Казанскихъ гимназій главный командиръ информаторамъ и прочимъ членамъ за непослушаніе и грубые поступки предписывалъ по своему разсужденію штрафъ, а университету только репортовать“; чтобы „никто изъ гимназическихъ чиповъ о своихъ нуждахъ, мимо команды своей, никакихъ прошеній въ главную команду подавать и присылать не отваживались“, и чтобы „информаторы безъ вѣдома и позволенія командира въ партикулярныхъ домахъ приватно учить не дерзали“. Надобно сказать, что такого результата добился Капиць во время личнаго посѣщенія Москвы. Изъ самой сущности этого ордера можно видѣть, что онъ имѣлъ цѣлю дать большій авторитетъ командиру гимназій и полнѣе подчинить ему учителей, ко-

¹⁾ Письма къ графу Н. И. Панину, стр. 27, 28.

²⁾ *Рыбушкина*, Исторія Казани, I, 129.—О галерѣ Тверь, см. *Тверскія губ. езд.* 1864 г., № 24.

торые — надобно сказать правду — держали себя не всегда прилично своему званію, а самостоятельность и независимость свою выражали только ссорами съ директоромъ и инспекторомъ и ябедами другъ на друга.

Возвратившись въ Казань, Каницъ въ полномъ собраніи учителей и учениковъ 18-го февраля объявилъ эти распоряженія и „въ слушаніи и непремѣнномъ исполненіи по онымъ“ взялъ подписку. Французъ Монженъ однако заявилъ скромный протестъ противъ запрещенія давать приватныя уроки.

По въ эту самую пору, когда Каницъ пріобрѣлъ такое значеніе между своими подчиненными, у него произошло непріятное столкновение съ мѣстною высшею властію въ Казани. Мы видѣли, что и предмѣстники Каница не всегда ладили съ губерпскимъ начальствомъ, которое такъ или иначе нарушало привилегіи гимназій. Съ начала своего прибытія въ Казань, Каницъ имѣлъ пріязненные отношенія къ губернатору Квашнину-Самарину; но затѣмъ между ними возникли неудовольствія, едва ли не изъ-за того, что Каницъ, какъ сказано было выше, хлопоталъ, по примѣру Веревкина, о званіи члена губерпской канцеляріи. Эти неудовольствія были причиною, что Каницъ прекратилъ сценическіе спектакли въ гимназіяхъ, о возобновленіи которыхъ, какъ мы видѣли, императрица Екатерина посовѣтовала Квашнину-Самарину озаботиться. Конечно, какъ пи мягко выражень былъ императрицей этотъ совѣтъ, губернаторъ не могъ его не принять за изъявленіе высочайшаго неудовольствія и, можетъ быть, считалъ его слѣдствіемъ интригъ Каница, а новое расширеніе правъ директора гимназіи окончательпо вооружило губернатора противъ него. Начались различныя мелочныя притязанія въ гимназіи, учителямъ, ученикамъ; наконецъ, Квашнинъ-Самаринъ послалъ въ Московскій университетъ допросъ, что въ гимназіи происходятъ большіе безпорядки, что въ ней учителей больше нежели учениковъ, и что денежная казна едва ли вполне сохранна. Университетъ отправилъ въ Казань ревизора (ассессора Гипцеля), который нашелъ гимназіи въ порядкѣ, а дѣйствія Каница совершенно безупречными. По ходатайству университета состоялся даже сенатскій указъ, которымъ различныя притязанія губернатора признаны неосновательными. Тѣмъ не менѣе Квашнинъ-Самаринъ, съ своей стороны, настаивалъ, что единственно вѣрнымъ ручательствомъ за благосостояніе гимназій можетъ послужить полное подчиненіе ихъ главному надзору губернатора, и добился того, что указомъ сената 12-го февраля 1769 года было предо-

ставлено губернатору получать ежемѣсячные и полугодовые рапорты о состояніи гимназій, безъ всякаго впрочемъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія ихъ командира.

Состояніе гимназій, однако, вообще находилось въ какомъ-то неопредѣленномъ, можно даже сказать, шаткомъ положеніи. Съ одной стороны гимназіи какъ будто дѣлали успѣхи въ расширеніи и улучшеніи своемъ, съ другой же—чувствовалась воіющая крайность въ ихъ содержаніи и проч. Такъ, съ 12-го мая 1769 года въ кругъ гимназическаго преподаванія введенъ былъ татарскій языкъ, преподавателемъ котораго опредѣленъ „Старой и Новой татарской слободъ депутатъ (то-есть, въ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія) и Адмиралтейской копторы переводчикъ Сагитъ Хальфинъ“¹⁾ и въ

¹⁾ Званіе учителя татарскаго языка въ гимназіи сдѣлалось наследственнымъ въ родѣ Хальфиныхъ въ продолженіе 60 лѣтъ. Это обстоятельство даетъ право на сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей о Хальфиныхъ.—*Сагитъ Хальфинъ*, толмачъ и депутатъ (см. Списокъ депутатовъ, напечатанный *М. П. Лоншиновымъ* въ приложеніи къ *Русскому Вѣстнику* 1861 г. № 12), — при опредѣленіи на должность учителя въ гимназіи былъ пожалованъ «въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ губернскаго переводчика», а вмѣстѣ съ тѣмъ исключенъ со всѣмъ семействомъ изъ податнаго оклада, «дабы онъ съ своей стороны къ обнвию ему порученнымъ должностямъ прилежаніе, а дѣти его къ изученію себя впредь годными къ службѣ надежно одобреніе имѣть могли». Впослѣдствіи Сагитъ Хальфинъ былъ также переводчикомъ въ слѣдственной комиссіи по Пугачевскому бунту. Онъ составилъ татарскую азбуку, которая, по распоряженію Мелиссино, была отпечатана на счетъ Московскаго университета (*Сопикозъ*, Опытъ, № 1891) и прислана въ гимназію для руководства въ концѣ 1774 года. Сагитъ былъ учителемъ до 1785 года, и отказался отъ преподаванія по старости лѣтъ. — Преемникомъ ему былъ его сынъ *Искакъ Хальфинъ*, извѣстный какъ участникъ въ переводѣ «Учрежденія о губерніяхъ» и «Устава управы благочинія» съ русскаго на татарскій языкъ, за что получилъ чинъ губернскаго секретаря и 1.000 руб. деньгами. — Во время отсутствія Искака Хальфина въ С.-Петербургѣ для участія въ упомянутыхъ переводахъ временно преподавалъ татарскій языкъ его братъ *Измаилъ*. — По смерти Искака, съ 1800 по 1828 годъ, былъ учителемъ его родной сынъ *Ибрагимъ Хальфинъ*, впослѣдствіи считавшійся и адъюнктомъ при Казанскомъ университетѣ. Онъ извѣстенъ какъ издатель «Азбуки» и «Грамматики татарскаго языка» и въ особенности «Жизни Джингызъ-Хана и Аксакъ-Тимура»—служившей долгое время единственною татарскою хрестоматіею. — Кроме того онъ же для графа Н. П. Румянцова, по указанію знаменитаго Х. Д. Френа (*И. С. Савельева*, О жизни и учен. трудахъ Френа, стр. 87 и 38), занимался изданіемъ текста извѣстной «исторіи Монголовъ и Татаръ» сочиненной въ XVII столѣтіи Хивинскимъ ханомъ Абулъ-Гази-Багадуръ-ханомъ (*Abulghazi Bahadur-chani Historia Mongolorum et Tatarorum, nunc primum*

то же время, по распоряженію куратора Адаурова, велѣно давать при гимназіяхъ театральныя представленія; а между тѣмъ число казеннокоштныхъ учениковъ, по недостатку средствъ, опять положено уменьшить и вмѣсто 80 содержать только 60.—Замѣтимъ здѣсь, что Казанскій директоръ въ 1769 году представилъ въ университетъ наблюденія, произведенныя надъ прохожденіемъ Венеры черезъ солнце и они были напечатаны въ прибавленіи къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* № 146 ¹⁾).

Всего лучше состояніе гимназій, въ отношеніяхъ учебномъ и хозяйственномъ, можно видѣть изъ рапорта фонъ-Канница 16-го іюня 1771 года, писаннаго вслѣдствіе officialнаго требованія университетскимъ начальствомъ (ордеръ 16-го марта) о доставленіи обстоятельнѣйшихъ свѣдѣній объ ученикахъ, достойныхъ перевода въ университетъ, и о недостаткахъ и неисправностяхъ гимназическихъ.

Рапортъ этотъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему смѣтами и разчетами, въ оригиналѣ составляетъ 32 полулиста ²⁾). Существеннѣйшее въ немъ состоитъ въ слѣдующемъ.

tatarice edita, etc. Kazani, 1825, folio. О переводахъ произведеніи Абуль-Гази на русскій языкъ, а потомъ на нѣмецкій и французскій и съ этого вновь на русскій, сообщены подробности въ *Библиографическія Записки* 1861 г. стр. 361 и въ «Энциклопед. Лексиконѣ» т. I, 49—51; см. также Русскій Архивъ, 1869, стр. 623). Ибрагимъ Хальфинъ умеръ въ 1828 г.—Преподаваніе Хальфинныхъ, по отзыву одного изъ компетентныхъ судей въ подобномъ дѣлѣ, было вполне удовлетворительно: «изъ ихъ школы вышли многіе знатоки, которые на разныхъ ступеняхъ государственной службы оправдывали ожиданія правительства» (см. *Г. М. Ковалевскаго*, Обзорніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ, Казань, 1843.—Ср. *К. К. Фойта*, Отчетъ Казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, 1827—1844, Казань, 1844, стр. 17 и 47). Въ «Исторической Запискѣ о первой Казанской гимназіи» *Владимірова* (ч. I, стр. 39—77) изложено, къ сожалѣнію, не совсемъ у мѣста и очень сбивчиво, очеркъ хода преподаванія восточныхъ языковъ въ гимназіи съ 1769 по 1854 годъ.

¹⁾ *Шевырева*, Исторія Московск. университета, стр. 162. — Прохожденіе Венеры черезъ солнце въ предѣлахъ Россійской имперіи наблюдаемо было въ прошедшемъ столѣтіи въ 1761 году въ Селегинскѣ, а въ 1769 году въ Колѣ-астровомъ академіи наукъ С. И. Румовскимъ (Подробности объ этомъ у *И. И. Пекарскаго*, Исторія Акад. Наукъ, II, 696, 723, 749, 868 и др.), который потомъ былъ первымъ попечителемъ Казанскаго университета съ 1805 по 1812 г. Квадрантъ, которымъ были производимы наблюденія, хранится нынѣ въ астрономической обсерваторіи Казанскаго университета (См. Прогулки по Казани, стр. 92—94, 233).

²⁾ См. Столпъ дѣламъ 1771 года.

Желая изобразить полную картину быта учениковъ, Капицъ сообщаетъ, что одни изъ нихъ живутъ въ домахъ родителей и родственниковъ, другіе—въ наемныхъ квартирахъ. „Съ самаго вступленія въ должность“, говоритъ онъ, „придагалъ я стараніе объ улучшеніи состоянія гимназій; но какъ ученики жили не въ гимназіи, а занимали квартиры гдѣ случалось, и чрезъ то-они виѣ классовъ совсѣмъ находились свободными, имѣя сверхъ того безпрестанно предъ глазами негодные поступки своихъ подлыхъ хозяевъ; иногда принуждены были имѣ въ ихъ домашнихъ надобностяхъ чинить вспоможеніе, дабы чрезъ то квартиру и содержаніе дешевле получать могли, такъ что иные до того доведены были, что въ тѣ часы, въ которые имѣ въ гимназіяхъ быть надлежало, по рынкамъ скитаясь, всякими ислочами торговали. Строжайшія наказанія и отвратительныя увѣщанія удержатъ ихъ отъ сего хорошему воспитанію столь вредительнаго зла ни мало были не сильны, для того, что бѣдность и нужда гораздо сильнѣе, нежели всѣ припуждающіе способы надъ ними дѣйствовали“. Прибавимъ къ этому, что и самые учителя, по недостатку содержанія, были вынуждены исполнять разныя обязанности, не совсѣмъ сообразныя съ званіемъ педагоговъ. Въ числѣ бумагъ этого 1771 года находится жалоба учителя Краута на Царевкокошайскаго воеводу Веригина, требовавшаго съ него деньги, якобы должныя его брату. Краутъ объяснилъ: „Гимназіямъ не безвѣстно, что онъ (то-есть, братъ Веригина) съ меня за тотъ постой денегъ не требуетъ, потому что я у него въ домѣ имѣлъ нѣкоторые исправленія, а наче въ саду“.

Главною причиною крайней нужды, терпимой учениками, была дороговизна на всѣ предметы потребленія и на квартиры, постоянно увеличивающаяся отъ неоднократныхъ въ Казани пожаровъ, особенно же отъ бывшихъ въ 1749 и 1757 годахъ. Цѣна на хлѣбъ въ теченіе этого времени поднималась иногда почти вчетверо и вообще утроилась противъ прежняго. Хотя правительствомъ и выданы были немаловажныя ссуды погорѣвшимъ на возобновленіе домовъ, однако городъ отстраивался не быстро, да къ тому же и съ новыми домами цѣнность квартиръ почти не понижалась. Если въ 1767 году (см. выше), послѣ посѣщенія Казани императрицею, и разрѣшено увеличить жалованье ученикамъ, то это не оказало важной перемѣны въ положеніи учениковъ. „И хотя при сихъ худыхъ обстоятельствахъ“, говоритъ Капицъ, „прилежаніе въ ученіи при гимназіяхъ весьма наблюдало было, однако, время отъ времени убавлялось число какъ

казеннаго содержанія, такъ и прочихъ учениковъ; ибо бѣдные не записывали дѣтей своихъ въ гимназіи, вида худое содержаніе учениковъ казеннаго кошту и недостатокъ въ пропитаніи. А богатые не хотѣли допустить дѣтей своихъ въ сообщеніе такихъ учениковъ, которые изъ скудости чрезъ презрительные способы пропитаніе себѣ сами искать принуждены были. Для того бѣльшая часть своихъ дѣтей, какими они ни были невѣжами, лучше въ службу въ здѣшніе батальоны записывали ¹⁾, или въ гарнизонную службу отдавали, гдѣбы они провіантъ, квартиру и платье получать могли, а такимъ образомъ отнимали у отечества, можетъ статься, многихъ способными и полезными быть имѣющихъ членами“.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Каницъ прибѣгалъ къ различнымъ мѣрамъ. Такъ, онъ обращался къ общественной благотворительности и уговаривалъ жителей помогать ученикамъ одеждою, квартирою и проч. Чтобъ отвлечь учениковъ „отъ подлости“ и дать имъ средства къ содержанію; заведены были театральныя представленія, при чемъ „для славы гимназій, непристойно показалось цѣну положить зрителямъ, но всякъ, при вступленіи своемъ, на свѣчи и музыку дать могъ сколько хотѣлъ: опія деньги каждый разъ между учениками казеннаго содержанія съ точною справедливостію были раздѣляемы, что имъ въ ихъ содержаніи гораздо помогало, хотя представленія и не часты были“. Чтобы привлечь общество къ гимназіямъ, Каницъ положилъ дважды или единожды въ годъ производить торжественныя собранія съ произнесеніемъ рѣчей, и экземпляры этихъ рѣчей раздавать посѣтителямъ. Затѣмъ, въ самомъ преподаваніи введены нѣкоторые предметы, совершенно новые, наиболѣе могущіе вліять нравственно на учениковъ и публику; таковы были, между прочимъ, классы: а) правилъ о приведеніи сердець и поступокъ въ порядокъ и б) какъ удобнѣе и съ плодомъ читать полезныя книги. Эти прибавочные классы не стоили казнѣ ничего, потому что преподаваніе производилось тѣми же учителями и безъ особаго вознагражденія. Между тѣмъ все это, по словамъ Каница, оказывало видимое благопріятное дѣйствіе на публику, потому что число казенныхъ учениковъ стало увеличиваться: при вступленіи его въ должность ихъ было только 24 (дворянъ 11 и разночинцевъ 13), а потомъ увеличилось до 40; а общее число учащихся, по прежнему, воз-

¹⁾ Надобно замѣтить, что ученики гимназій встрѣчаются дѣтъ довольно солидныхъ, какъ наприимѣръ, въ эту самую пору были даже 24-лѣтніе.

*суть люди Новгородци отъ рода варяжскаго, ибо (бо союзъ показывающій причину) они прежде были Словяне?!... Или не соединить ли это ти съ слѣдующимъ именит. надежемъ, то-есть, „ти людье Новгородьци суть“ и проч.? Но можно ли было говорить здѣсь о какихъ-то тѣхъ людяхъ Новгородскихъ, когда выше ни о Новгородцахъ какихъ-либо, ни о самомъ Новгородѣ еще и рѣчи не было? И можно ли, притомъ, утверждать, будто *тѣ люди Новгородци суть отъ рода варяжскаго, потому что* (опять бо) *они прежде были Словяне?!..* Что за логика, что за метаморфоза!... Развѣ можно по произволу принадлежать къ тому или другому роду, племени, то-есть, быть сегодня Славяниномъ, а завтра Варягомъ!... Впрочемъ, намъ придется еще возвратиться къ этой бессмыслицѣ, тѣмъ болѣе, что Шлецеръ, Кругъ и другіе ученые находили въ ней не только смыслъ какой-то, но даже положительное свидѣтельство преобладанія въ Новгородѣ норманскаго элемента надъ славянскимъ при Рюрикѣ.*

7.

Очевидно, что это извѣстіе о составѣ населенія городовъ, подвластныхъ Рюрику, написано въ то время, когда пришедшіе съ князьями Варяги или Варяги-Русь еще рѣзко отличались у насъ отъ прочаго населенія, когда они дѣйствительно были только *находниками*, то-есть, бродили съ оружіемъ въ рукахъ по городкамъ и селеніямъ, вымогая дани и наказывая непокорныхъ, или стояли отдѣльными отрядами, въ видѣ гарнизоновъ, въ Новгородѣ и другихъ значительнѣйшихъ пунктахъ для предупрежденія возстаній и для поддержанія княжеской власти, внутренняго порядка и спокойствія. А этотъ бытъ и эти отношенія пришельцевъ къ туземцамъ, возникшія при Рюрикѣ, существовали послѣ него только при Олегѣ и Игорѣ; при Святославѣ они начали уже терять свою силу и окончательно, исчезли при Владимірѣ св.; слѣдовательно, не только въ эпоху Нестора но даже и при Святославѣ нельзя уже было сказать: „по тѣмъ городамъ суть находници Варязи“, потому что это находничество должно было, по всей вѣроятности, прекратиться уже вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій Ольги, имѣвшихъ цѣлю установить повсюду дань опредѣленную и ввести при ея сборѣ лучшій, болѣе правильный порядокъ. Посему показаніе, что въ городахъ, которыми *обладалъ* Рюрикъ, „*суть* находници Варязи“, служить для насъ ясною примѣтою того, что сказаніе о началѣ Руси взято Несторомъ почти буквально изъ древнѣйшаго письменнаго памятника, который могъ

быть составленъ только при Олегѣ или Игорѣ, и составленъ именно, какъ показываютъ другіе признаки, въ началѣ княженія Олега, то-есть, въ исходѣ IX вѣка. А если это показаніе о составѣ населенія сѣверныхъ городовъ принадлежитъ къ подлинному тексту древнѣйшаго письменнаго памятника, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то не возможно сомнѣваться также и въ томъ, что явно не согласный съ этимъ яснымъ и вѣрнымъ показаніемъ вышеуказанный бредъ о людяхъ Новгородцахъ отъ рода варяжскаго, бывшихъ прежде Славянами, есть позднѣйшая вставка, къ тому же еще испорченная переносчикомъ или временемъ, которое стерло изъ сокращенія тѣм и надстрочную букву, отчего „тѣм и“ (потому-то) обратилось въ „тѣ и“, потомъ въ „ти и“, и наконецъ, въ „ти“. Уже во второй половинѣ XII вѣка могла появиться на полѣ рукописи такая сентенція: „тѣмъ и суть людье Новгородци отъ рода варяжска, преже бо бѣша Словѣне“, то-есть, потому-то (что съ Рюрикомъ въ Новгородѣ поселились Варяги) Новгородцы теперь, подобно Варягамъ, буйны и своевольны, изголяютъ и безчестятъ князей своихъ; преже же и они были такіе же добрые и покорныя Славяне, какъ и прочіе. Такъ, повидимому, понявъ эту фразу и тотъ позднѣйшій порицатель Новгородцевъ, который еще усилилъ ее, сказавъ, что Новгородцы „и до днешнего дни отъ рода варяжска“.

8.

Хотя въ официальной реляціи о Кіевской катастрофѣ, написанной вѣроятно, по запросу греческаго правительства, не было надобности говорить о томъ, что Грекамъ и безъ того было извѣстно; однако можно съ вѣроятностію полагать, что въ ней извѣстіе, выше (см. Объясн. 3-е и 4-е) уже разсмотрѣнное, о рати Аскольда и Дира съ Древланами и Угличами неволью вызвало краткую замѣтку и о походѣ ихъ на Грековъ, выраженную такъ примѣрно: „въ 14-е же лѣто и на Греки придоша, якоже вѣдомо есть“. Но Несторъ при внесеніи реляціи въ свою лѣтопись пропустилъ эту замѣтку, найдя въ болгарскомъ переводѣ продолженнаго Георгія Амартола другое болѣе подробное извѣстіе о томъ же походѣ, которое онъ и вписалъ буквально подъ 6374 годомъ (Ср. „Пол. Собр. Лѣт.“ I, 9, и Прилож. стр. 246, столб. 2), прибавивъ только въ началѣ, вѣроятно, на основаніи пропущенной имъ замѣтки, слова: „придоша въ 14-е лѣто Михаила царя“, которыхъ нѣтъ у Амартола, и которыхъ Несторъ не могъ найти ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ источникахъ; такъ какъ годъ этого похода не будетъ

14-й ни отъ вступленія на престолъ Михаила III въ 842 (6350) г., ни отъ начала его единодержавія, то-есть, съ 856 (6364) г., а только отъ Несторова *перваго года* Михаила царства, то-есть, съ осени 6360 (851) года, *лѣто* 6374 (865) г., въ которое предпринять былъ этотъ походъ, выходить какъ разъ „14-е лѣто“.

9.

Внеся въ текстъ, на основаніи уже представленныхъ (въ Объясн. 3-мъ и 4-мъ) соображеній, уцѣлѣвшее въ позднѣйшихъ спискахъ извѣстіе о рожденіи Игоря, и выбросивъ явную вставку тѣхъ же списковъ, мы пропускаемъ здѣсь также и рядъ годовъ съ 6371 до 6387 включительно, вмѣстѣ съ записанными подъ нѣкоторыми изъ нихъ извѣстіями, которыя заимствованы Несторомъ изъ другихъ источниковъ и явно разрываютъ связь между двумя частями предложенія, принадлежащаго къ древней реляціи. Замѣтимъ еще, что и частица *же*, въ фразѣ „умершу же Рюрикови“, необходимая въ первоначальномъ источникѣ, но лишняя въ лѣтописи, вслѣдствіе расторгенія связи съ предыдущимъ, и потому пропущенная почти во всѣхъ спискахъ, вѣроятно, была удержана въ подлинной рукописи Нестора, ибо сохранилась еще въ *Ип.* и *Хл.* спискахъ.

10.

Вмѣсто этихъ годовъ, принадлежащихъ, разумѣется, Нестору, въ его древнемъ источникѣ могло быть сказано: *на третіе же лѣто*... Впрочемъ, и самый годъ занятія Кіева Олегомъ, по всей вѣроятности, былъ достовѣрно извѣстенъ Нестору, такъ какъ онъ въ своей хронологической таблицѣ (*Др.* стр. 8) съ увѣренностію говоритъ: „а отъ перваго лѣта Олгова, *понемъ же сѣде съ Кіевъ*“... Можетъ быть, этотъ годъ оказался въ текстѣ его древняго источника, именно въ слѣдующемъ мѣстѣ: „И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, *съ лѣто созданія мѣра 6390-е*, и рече Олегъ“; Несторъ же, выставляя числа лѣтъ всегда въ началѣ повѣствованія „по ряду“, вѣроятно, исключилъ это число изъ своего текста. По крайней мѣрѣ въ данномъ мѣстѣ его источника показаніе времени весьма кстати и почти необходимо: еслибъ его не было между двумя указанными предложеніями, то въ послѣднемъ изъ нихъ не было бъ особенной надобности повторять подлежащее *Олегу*. Да и не возможно, кажется, допустить, чтобы въ современномъ письменномъ памятникѣ, имѣющемъ цѣлю описать переселеніе, случившійся въ Кіевѣ, не былъ указанъ годъ переселенія.

11.

Здѣсь въ древнемъ памятникѣ могло быть сказано: „и приплу ко брѣгу“, или: „подъ градъ“, какъ въ *сп. ПС*. Но въ исходѣ XI вѣка въ Кіевѣ, можетъ быть, еще помнили мѣсто трагической смерти и погребенія Аскольда и Дира, называвшееся *Угорскимъ* или горою Угорскою, почему Несторъ, вѣроятно, и замѣнилъ выраженіе своего источника общезвѣстнымъ въ его время названіемъ этого мѣста. Но всего вѣроятнѣе, что здѣсь въ его источникѣ вовсе не было указано—куда именно приплылъ Олегъ, а было сказано только: „и приплу, похоронивъ воя своя“. Въ связи съ предыдущимъ, выраженіе это совершенно ясно и понятно и не требуетъ никакого поясненія сказуемаго „приплу“, такъ какъ выше сказано уже: „придоста (то-есть, Олегъ и Игорь) къ горамъ къ Кіевскимъ“. Въ такомъ случаѣ это лишнее поясненіе „подъ Угорское“ принадлежитъ не Нестору, а явилось послѣ него въ какой-то древней рукописи, въ видѣ приписки на полѣ, внесенной потомъ въ текстъ переписчиками, изъ которыхъ нѣмь, не понимая—куда это слово должно относиться, поставили его, измѣнивъ окончаніе, послѣ „яко гость есмь“; вслѣдствіе чего и вышло въ нашихъ позднѣйшихъ спискахъ, будто Олегъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „яко гость есмь подѣ угорскою (=подъугорскій,—кой)... да придета къ намъ къ родомъ своимъ“. Такое нелѣпное чтеніе не могло бы возникнуть, если бы „подѣ Угорское“ было самимъ Несторомъ поставлено прямо въ текстѣ послѣ „приплу“, какъ въ *Др. спискахъ*. Да и составитель списка *ПС*. („Лѣтописецъ Переяславле-Суздальскій“) не имѣлъ бы надобности сказать: „припли подѣ градъ“, если бы въ его оригиналѣ стояло: „приплу подѣ Угорское“. Слѣдовательно, „подѣ Угорское“ очевидно вставка, внесенная съ поля рукописи.

12.

По выраженію „присла“ можно отчасти заключить, что неизвѣстный авторъ этой реляціи, внесенной въ лѣтопись, былъ не только житель Кіева, но и сторонникъ Аскольда и Дира: онъ какъ будто говоритъ, что Олегъ *прислалъ* сюда, къ намъ и къ нашимъ князьямъ. Позднѣйшій лѣтописецъ, хотя бы и житель Кіева, едва ли могъ бы употребить здѣсь „присла“, а вѣроятно, ставъ мысленно на сторонѣ Олега, сказалъ бы: „*посла* къ Аскольду и Дирови“, какъ дѣйствительно и сказано, кромѣ *Лер.* и сгорѣвшаго *Три.*, во всѣхъ прочихъ спискахъ.

13.

Все это мѣсто, включенное въ скобкахъ, конечно, не принадлежитъ къ первоначальному тексту древняго памятника. Начало его (до курсива), по всей вѣроятности, прибавлено Несторомъ: это видно изъ того, что въ немъ дважды употреблено *нынѣ*, которое всегда и вездѣ указываетъ на что-либо существующее въ то время, *когда* говорится, но не существовавшее еще въ то время, *о которомъ* говорится. Мѣсто погребенія Аскольда и Дира „еже ся нынѣ (теперь, въ моментъ повѣствованія о событіи) зоветъ Угорьское“, не называлось еще такъ во время ихъ погребенія, и тамъ, „гдѣ нынѣ (при насъ) Ольминъ дворъ“, въ то время Ольмина двора еще не было. Вотъ что выражаетъ здѣсь частица *нынѣ*. Очевидно, что авторъ-современникъ, писавшій свое донесеніе никакъ не позже пяти лѣтъ послѣ событія, не имѣлъ ни надобности, ни возможности сказать: „еже ея нынѣ зоветъ Угорьское“, во первыхъ, потому, что въ отношеніи къ нему моментъ погребенія убитыхъ князей былъ также *нынѣ*, какъ и моментъ повѣствованія объ ихъ смерти и погребеніи; и воторыхъ, потому, что въ его время гора, на которой они были погребены, не называлась еще *Угорьскою*; ибо названіе это, безъ сомнѣнія, возникло впоследствии и напоминаетъ собою Угровъ, которые, проходя мимо Кіева (по счету лѣтописца въ 898 году), стояли вѣжами на этой горѣ... Нужно ли упоминать здѣсь о предположеніи Эверса (Krit. Vorarb. 237), возобновленномъ недавно авторомъ „Отрывковъ о варяжскомъ вопросѣ“ (*Зап. Импер. Акад. Наукъ*. Т. III. Прилож., стр. 243—248), предположеніи, будто Аскольдъ и Диръ сами были Угорцы, то-есть, Венгерцы, и будто гора — мѣсто ихъ погребенія — прозвалась Угорьскою уже со времени, и именно вслѣдствіе ихъ погребенія на ней? Какъ это, такъ и многія другія, подобныя предположенія, которыми особенно изобилуетъ начало нашей исторіи, возможны доселѣ, благодаря, во первыхъ, общепринятому, хотя и не доказанному ни кѣмъ и ни чѣмъ, и ни на чемъ не основанному мнѣнію, будто Несторъ, жившій слишкомъ два вѣка спустя послѣ основанія государства, говоритъ объ этомъ событіи единственно только по дошедшимъ до него смутнымъ, темнымъ и невѣрнымъ устнымъ преданіямъ, и воторыхъ, благодаря чрезвычайному разнорѣчію самаго сказанія о началѣ Руси въ нашихъ, не тронутыхъ критикою, спискахъ — разнорѣчію, которое даетъ возможность, какъ говорится, въ мутной водѣ рыбу ловить, то-есть, находить не въ томъ, такъ въ другомъ или въ третьемъ, десятомъ

спискѣ, выбранномъ по произволу, якобы подлинныя слова Нестора и при нѣкоторой ловкости въ толкованіи, подкрѣплять ими какое угодно предположеніе. Но всѣ эти предположенія, мнѣнія и толки должны сами собою рухнуть и разлетѣться прахомъ, когда, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ разнорѣчій списковъ возстановленъ будетъ одинъ, первоначальный, подлинный текстъ сказанія о началѣ Руси, и когда окажется (а рано или поздно, оно непременно должно оказаться), что это сказаніе почти буквально списано Несторомъ изъ современнаго событію, официальнаго памятника, которому, слѣдовательно, не возможно не вѣрить, и показанія котораго нельзя уже отвергать въ угоду какой-либо предвзятой мысли и воздвигнутой на ней фантастической теоріи. Если современникъ, и вѣроятно, сподвижникъ Аскольда и Дира положительно и ясно говорить, что они были мужи Рюрика, то-есть, члены его дружины, называвшейся Русью и вмѣстѣ съ нимъ пришедшей къ намъ изъ-за моря, и что они отпросились у него въ Константинополь (не извѣстно только—когда и откуда, но, по всѣмъ соображеніямъ, еще изъ-за моря, въ 851 году) и сѣли въ Кіевѣ, куда и принесли съ собою имя Руси; и если, стало быть, на ихъ венгерское происхожденіе ни у современнаго автора, ни у Нестора нѣтъ даже и намёка, то почему же они Венгерцы? Развѣ потому, что у какого-то народа—Турецкаго, какъ полагаютъ, былъ подобоименникъ Аскольду, *Askel*, а у Венгровъ былъ *Malescoldus*, да еще у нихъ же (какъ будто только у нихъ однихъ) слышатся въ нѣкоторыхъ именахъ звуки *olt, old*? Или потому они Угорцы, что какой-то переписчикъ, внеся въ текстъ съ поля рукописи позднѣйшую приписку „подъ угорское“, составилъ нелѣпное чтеніе, дающее поводъ къ превратному толкованію, будто Олегъ, обманывая ихъ, назвался Подугорскимъ купцомъ? Или потому, наконецъ, что въ исходѣ XI вѣка мѣсто ихъ погребенія называлось *Угорское*!... Если бы въ спискахъ было, по крайней мѣрѣ, сказано: „еже ся нынѣ и зоветъ Угорское“, или: „еже ся изоветъ оттодѣ Угорское“ то можно бы, пожалуй, допустить, что тутъ есть какой-то намёкъ на угорское происхожденіе Аскольда и Дира, то-есть, что мѣсто названо Угорскимъ со времени и по причинѣ ихъ погребенія на немъ ¹⁾. Но ни Нестору (о древнѣйшемъ

¹⁾ Въ одномъ только *Полет. см.* (Schlöz. II, II, 49) сказано: „еже и нынѣ нарицається Угорское“. Но и это чтеніе, на которое особенно напираетъ г. Геденовъ (стр. 246), указываетъ только, что мѣсто погребенія и тогда, когда хоронили князей, уже называлось Угорскимъ, а не отъ погребенія на немъ мнѣ-

авторѣ и говорить нечего), ни его компиляторамъ, какъ видно, и въ голову не приходило подозрѣвать въ Аскольдѣ и Дирѣ Венгерцевъ. Несторъ только подтвердилъ и пояснилъ слова древняго письменнаго памятника указаніемъ на памятникъ вещественный, — на всѣмъ извѣстную въ его время могилу убитыхъ князей, на горѣ Угорской, на Ольминомъ дворѣ. Но какъ эту общую ихъ могилу, вѣроятно, называли обыкновенно, для краткости, *Аскольдовою могилою*, то отсюда естественно возникъ вопросъ: „гдѣ же могила Дира?“ На это народная молва послѣ Нестора, а можетъ быть, уже и въ его время, отвѣчала указаніемъ на какую-то древнюю могилу за св. Ириной, какъ на могилу Дирову. И такимъ образомъ Аскольдъ и Диръ, неразлучные при жизни, неразлучные въ часъ смерти, и безъ сомнѣнія, погребенные вмѣстѣ, въ одной могилѣ, разлучены по смерти распространившимися въ народѣ ложнымъ слухомъ, который, вѣроятно, уже вскорѣ послѣ Нестора появился и въ древнѣйшемъ спискѣ его „Повѣсти“, или можетъ быть, даже въ подлинной его рукописи въ видѣ приписки на полѣ, внесенной потомъ въ текстъ всѣхъ послѣдующихъ списковъ. Что это показаніе о двухъ отдѣльныхъ могилахъ, включенное здѣсь въ скобкахъ курсивомъ, вставлено послѣ Нестора, — видно уже изъ противорѣчія его съ предидущими словами Нестора и его древняго источника, ясно указывающими на одну только могилу, общую для Аскольда и Дира. То же подтверждаютъ и чтенія нашихъ списковъ, а именно въ *Ип.* и *Хл.* сначала было: „на той могилѣ поставилъ божницу“... и т. д. Въ послѣднемъ изъ нихъ это чтеніе и осталось, а въ первомъ слово *божницу* зачеркнуто и сверху другою рукою написано: „Олма церковь“. Это исправленное чтеніе *Ип. ст.*: „поставилъ Олма церковь“ повторилось во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ (*Сф. Ср. ПН. ПШ. Арх. Тв.*), но съ нѣкоторыми поправками: „поставиша (=постави) олма (=алма=олга) церковь (=божницу)“. Въ прочихъ же (кромѣ *Ип.* и *Хл.*) 4-хъ *Др.* спискахъ читаемъ: „на той могилѣ поставилъ церковь“... то-есть, безъ имени *Олма*. Наконецъ, этого имени нѣтъ и въ трехъ компиляціяхъ или передѣлкахъ (*ШС. Гст. Льв.*), вообще сходныхъ съ *Др.* списками, коихъ чтенія суть: „и на той могилѣ поставиша церковь“... „по семъ на томъ мѣстѣ соз-

ныхъ Угорцевъ впервые получило свое названіе. Ни одинъ изъ прочихъ списковъ не уклоняется по смыслу, по крайней мѣрѣ, — хотя въ словахъ и есть разница — отъ первоначальнаго чтенія *Др.* списковъ: «еже сѣдѣмъ зоветь Угорское».

дана бысть церковь "... на той могилѣ поставлена церковь". Очевидно, что и въ томъ древнемъ изводѣ, отъ котораго произошли всѣ эти чтенія, также было *поставилъ* — позднѣйшая, нынѣшняя форма прошедшаго времени, нигдѣ въ лѣтописяхъ не встрѣчающаяся, и не было при *поставилъ* существенно необходимаго имени *Олма*, которое впервые появилось только въ *Ип.* спискѣ, вслѣдствіе поправки. Все это ведетъ къ неизбѣжному заключенію, что слова, отличенныя въ нашемъ текстѣ курсивомъ въ скобкахъ, — чуждая вставка, вызванная предыдущею вставкою Нестора, въ которой вставщикъ надъ словомъ *Олминъ*, вѣроятно, поставилъ знакъ выноски и подъ тѣмъ же знакомъ на полѣ, или внизу страницы древней, можетъ быть, даже подлинной рукописи Нестора приписалъ: „на той могилѣ постави съ (=сей, то-есть, Олма) божицю святаго Николы, а Дирова могила за святою Ориною“. Переписчикъ же, внесшій эту приписку въ текстъ своего списка, вмѣсто *постави съ* написалъ *поставилъ*. Вотъ исторія этой вставки, изъ которой видно, что божица св. Николы построена уже послѣ Нестора, слѣдовательно, не ранѣе начала XII вѣка. А если такъ, то что же становится съ такъ-называемою „Іоакимовскою лѣтописью“, которая, очевидно, повторяетъ эту позднѣйшую вставку нашихъ списковъ, говоря (Татищ. I, 35): „Блаженный же Осколдъ... погребенъ на горѣ, *идѣже стояла церковь святаю Николаю*“? Развѣ это не осязательное доказательство ея подложности?

14.

Эта фраза, включенная въ скобкахъ, разумѣется, не можетъ принадлежать къ реляціи, писанной въ исходѣ IX вѣка. Она прибавлена послѣ, уже по смерти Ярослава; но кѣмъ, — Несторомъ, или его компиляторомъ? Для этого надо сперва разсмотрѣть другой вопросъ: о какой дани здѣсь говорится и какимъ Варягамъ она давалась? — Г. Погодинъ (Иссл., зам. и лекц. III, 81—86) доказываетъ, что здѣсь „должно разумѣть Варяговъ заморскихъ, то-есть, тѣхъ самыхъ, которые въ 859 году имаху дань изъ-за моря на Чуди, на Словенахъ“... и проч.; а г. Соловьевъ полагаетъ, будто „Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ Варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія“ (Ист. Росс. I, 104). — Но за что же, за какіе грѣхи одни только Новгородцы должны были терпѣть такіа напасти?! Плати вмѣстѣ съ прочими дань князю, они, несчастные, осуждены еще, по одному мнѣнію — платить постыдную дань изгнаннымъ, заморскимъ

Варягамъ, а по другому—тратиться „особо“ на содержаніе наемной дружины для защиты, не самихъ себя, а всѣхъ сѣверныхъ владѣній, принадлежавшихъ не имъ—не Новгородцамъ, а князю и его мужамъ, которые сидѣли въ Полотскѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ и въ другихъ мѣстахъ!... Иѣтъ, не наемнымъ защитникамъ сѣверныхъ владѣній, и не заморскимъ Варягамъ давалась эта дань, а давалась она тѣмъ Варягамъ, которые сидѣли въ самомъ Новгородѣ, то-есть, въ томъ городкѣ, который Рюрикъ срубилъ надъ Волховомъ, гдѣ нынѣ городище, и назвалъ Новгородомъ. Эти Варяги составляли собственную дружину князя Новгородскаго, были его спутниками и тѣлохранителями, поддерживали власть его, наказывая непокорныхъ, охраняя порядокъ и спокойствіе. Служа собственно князю, они, разумѣется, отъ князя же должны были получать и жалованье за свою службу, и, безъ сомнѣнія, такъ и было первоначально, при Рюрикѣ, который самъ получалъ всю слѣдовавшую ему дань съ своихъ владѣній и изъ этой дани содержалъ свою дружину. При немъ, кромѣ дани князю, Новгородъ никакой дани Варягамъ не давалъ, да и послѣ него не давалъ никакой особенной дани, сверхъ прежней, а только въ распредѣленіи этой прежней Новгородской дани, по смерти его, должна была произойти перемѣна, когда малолѣтній сынъ его Игорь, законный, наследственный князь Новгородскій, (какъ увидимъ) увезенъ былъ своимъ опекуномъ на югъ и сталъ жить въ Киевѣ. Какъ опекунъ Игоря, Олегъ не могъ, не имѣлъ права покинуть его отчиму на произволь судьбы; онъ испреимпо долженъ былъ оставить, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ прежнюю княжескую дружину съ воеводой, необходимую здѣсь теперь также, какъ и прежде, — не столько, разумѣется, для защиты отъ враговъ внѣшнихъ, сколько для поддержанія внутренняго мира, для отвращенія бунтовъ и возстаній противъ княжеской власти. Но дружина должна была, какъ и прежде, получать свое жалованье, а князь жилъ теперь далеко, и вотъ потому-то Олегъ и распорядился именемъ Игоря, чтобы самъ Новгородъ изъ той дани, какая слѣдовала отъ него князю, выдавалъ ежегодно 300 гривенъ Варягамъ „мира дѣля“, то-есть, для того, чтобы Варяги, обезпеченные въ своемъ содержаніи опредѣленнымъ жалованьемъ, могли жить въ мирѣ съ Новгородцами, чтобы они, исполняя свои обязанности, не были вынуждены прибѣгать къ самовольнымъ поборамъ съ жителей, къ грабежу и насилію. Итакъ, дань *Варягамъ* составляла часть всей дани князю отъ Новгорода, и выдавалась на содержаніе княжеской дружины самими Новгородцами въ то время, когда въ Нов-

городъ не было князя. Это распоряженіе Олега оставалось въ своей силѣ еще и въ XI вѣкѣ, что видно изъ словъ лѣтописца подъ 1014 годомъ (Др. 56): „Ярославу сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако дѣяху вси посадници Новгородьстїи, а Ярославъ сего не даяше отцу своему“. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о той же дани, которую Новгородъ, по установленію Олега, долженъ былъ давать своему князю и его дружинѣ, называвшейся теперь уже не Варягами, а *тридами*, — именемъ, которое, какъ извѣстно, означало дружину тѣлохранителей княжескихъ или дворцовую стражу, собиравшуюся въ *тридници* (особый покой во дворцѣ); откуда слѣдуетъ, что такую же служебную дружину княжескую въ Новгородѣ составляли прежде и Варяги. Отсюда же можно съ вѣроятностію заключить, что вся дань съ Новгорода въ IX вѣкѣ составляла 900 гривенъ, изъ которыхъ двѣ части (600 гр.) шли князю, а третья (300 грив.) его дружинѣ; въ XI же вѣкѣ Новгородъ, конечно, былъ уже гораздо обширнѣе, многочисленнѣе и богаче, чѣмъ въ IX вѣкѣ, а потому больше платилъ и дани, которая однако же распредѣлялась по прежнему: двѣ части — князю, третья — дружинѣ.

Но дѣйствительно ли Новгородъ выдавалъ эту дань, или собственно жалованье княжеской дружинѣ только „до смерти Ярослава“, какъ говорится въ большинствѣ нашихъ списковъ? — Ни откуда не видно, чтобы кончина Ярослава, бѣдственная по своимъ послѣдствіямъ для Русской земли, произвела какую-либо значительную перемѣну въ положеніи отдѣльнаго отъ Руси княжества Новгородскаго. Какъ и прежде, Новгородъ признавалъ своимъ княземъ главу династїи Рюрика — великаго князя Киевскаго, принимая отъ него или князя-наместника, или посадника, и безъ сомнѣнїя, по прежнему платилъ слѣдовавшїи ему дани и пошлины. Дружина княжеская также должна была оставаться въ Новгородѣ на прежнемъ основанїи, такъ какъ безъ нея ни князь-наместникъ, ни посадникъ княжескїи не могли обойтись; да и въ лѣтописяхъ она именно упоминается тамъ въ это время, напримѣръ, при Глѣбѣ Святославичѣ (Др. 77), княжившемъ въ Новгородѣ въ то время, когда отецъ его захватилъ престолъ Киевскїй. Посему нельзя полагать, чтобы освященная временемъ выдача изъ Новгородской дани жалованья княжеской дружинѣ прекратилась со смертію Ярослава, когда во всемъ прочемъ отношенїи Новгорода къ своему князю остались безъ перемѣны; но она должна была прерваться вслѣдствіе той важной перемѣны, какая произошла въ отно-

шеніяхъ Новгорода къ Киеву по смерти Мстислава, когда Новгородцы, изгнавъ (1136 г.) сына его Всеволода, отпали отъ князя Киевскаго и начали сами по своей волѣ избирать себѣ князя изъ той или другой линіи дома Ярослава. Съ этого времени безъ князя въ Новгородѣ, разумѣется, не могло быть ужъ и дружины княжеской, ибо каждый вновь призываемый князь приходилъ и уходилъ съ своею дружиною, которую, въ продолженіе своего княженія, долженъ былъ и содержать уже самъ изъ тѣхъ даней и пошлинъ, какія по договору предоставлялъ ему Новгородъ; прежняя же дружина княжеская, вѣроятно, вошла въ составъ гражданъ Новгородскихъ подъ именемъ гридей, принадлежавшихъ, кажется, къ классу привилегированному.

Стало быть, въ исходѣ XI и въ началѣ XII вѣка Новгородъ еще по прежнему выдавалъ жалованье княжеской дружинѣ, и потому Несторъ, писавшій въ то время и знавшій, какъ видно, что эта выдача ведетъ свое начало со временъ Олега, по всей вѣроятности, прибавилъ къ словамъ своего древняго источника замѣтку: „еже и нынѣ даютъ“, — которая уцѣлѣла въ Патріаршей лѣтописи и въ спискѣ *Пошет.* у Шлецера, и уцѣлѣла какъ-то случайно, вопреки обычаю нашихъ писцовъ и компиляторовъ, измѣнявшихъ обыкновенно тѣ выраженія, гдѣ нарѣчіемъ *нынѣ* или *до сего дня* указывалось на что-либо, чего въ ихъ время уже не было. Вотъ почему составитель лѣтописнаго сборника, служившаго родоначальникомъ списковъ Софійской лѣтописи, и замѣнилъ вставку Нестора своею „еже не даютъ“; составитель же другаго, южнаго сборника, отъ котораго произошли наши такъ-называемые, *древніе* списки, а черезъ нихъ и другіе, догадывался, какъ видно, что дань Варягамъ, установленная Олегомъ, означаетъ наемную плату тѣмъ варяжскимъ дружинамъ, которыя нашими первыми князьями нерѣдко были призываемы на помощь изъ-за моря, и о которыхъ послѣ временъ Ярослава ничего уже не слышно, — заключилъ, что выдача этой дани должна была прекратиться со смертію Ярослава, почему и поставилъ, вмѣсто словъ Нестора, свою догадку: „еже до смерти Ярослава даеше Варягомъ“, которая повторилась въ большинствѣ нашихъ списковъ.

Мы видѣли, что Варяги, которымъ Новгородъ, по установленію Олега, давалъ ежегодную дань или жалованье, — не Русь, не главная, владѣтельная дружина, пришедшая вмѣстѣ съ князьями; они составляли особенную, частную дружину князя Новгородскаго, оставленную Олегомъ въ Новгородѣ на службѣ, какъ-бы въ гарнизонѣ. Отсюда

слѣдуетъ, что и Варяги-находники, бывшіе въ Полоцкѣ, Ростовѣ, Муромѣ, также должны быть признаны членами отдѣльныхъ, частныхъ дружинъ, состоявшихъ на службѣ у тѣхъ мужей, которые получили отъ Рюрика эти города и волости во владѣніе и которые должны были содержать въ нихъ, для поддержанія своей власти, свои собственныя воинскіе отряды или гарнизоны изъ людей, вполнѣ имъ преданныхъ. Такую же постоянную, служебную дружину составляли, кажется, и тѣ Варяги, которые собраны были въ Кіевѣ Аскольдомъ и Диромъ. Но Варяги, которыхъ Олегъ повелъ съ собою изъ Новгорода, были, безъ сомнѣнія, наемники или союзники, призванные изъ-за моря только на время похода, и подобно Чуди, Славянамъ и прочимъ „воимъ“, отпущенные обратно, по окончаніи похода. Слѣдовательно, здѣсь въ выраженіи: „поимъ вои многи: Варяги, Чудь, Словены“... и проч.—ими *Варяги*, стоящее рядомъ съ именами племенъ, подвластныхъ Олегу, очевидно, употреблено въ племенномъ смыслѣ. Тотъ же смыслъ имѣетъ оно и въ фразѣ: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“, указывающей, что дружина Русь обитавшая за моремъ, состояла изъ лицъ, принадлежавшихъ по языку и народности къ заморскому племени Варяговъ. Итакъ, уже въ исходѣ IX вѣка современный авторъ употребляетъ имя *Варяги* — *Варяги* въ двоякомъ значеніи, въ племенномъ и служебномъ. Въ которомъ же изъ этихъ значеній употреблено оно въ самомъ началѣ его донесенія, списаннаго Несторомъ, то-есть, въ фразѣ: „имаху дань Варязи, приходящее изъ за-морья“? Изъ этой фразы и слѣдующаго затѣмъ разказа видно только, что эти Варяги жили за моремъ, что они, приходя оттуда, брали дань съ двухъ славянскихъ и трехъ финскихъ племенъ, и что, спустя нѣсколько времени, при повомъ ихъ появленіи изъ-за моря, данники возстали, изгнали ихъ обратно за море, и переставъ платить дань, начали „сами въ собѣ володѣти“, то-есть, сдѣлались самостоятельны. Само собою разумѣется, что взиманію дани долженствовало предшествовать покореніе этихъ племенъ, дотолѣ независимыхъ. Но кѣмъ именно они были покорены,—объ этомъ пашъ авторъ не говоритъ положительно. Впрочемъ, изъ словъ его видно, что онъ признаетъ Варяговъ не простыми сборщиками дани, въ родѣ какихъ-либо чиновниковъ по финансовой части, а дѣйствительными властителями, господами своихъ собственныхъ данниковъ, слѣдовательно, и первыми ихъ покорителями. Откуда же взяли Славяне для покорившихъ ихъ заморскихъ выходцевъ имя „Варязи“, которое по своей формѣ и оконча-

нію совершенно чуждо славянскимъ нарѣчіямъ, и которое, слѣдовательно, не могло быть произведено ни отъ какого славянскаго корня? Одно изъ двухъ: или сами пришельцы при первой встрѣчѣ съ Славянами называли себя такимъ именемъ, которое у послѣднихъ законно обратилось въ *Варязъ*—*Варязи*, или они были называемы подобнымъ именемъ у какого-нибудь другаго народа, отъ котораго это имя узнали Славяне, подобно тому, какъ отъ Славянъ, вѣроятно, узнали его потомъ Арабы въ формѣ *Vaeng*. Но ни одинъ изъ народовъ балтійскаго (варяжскаго) побережья ни въ IX вѣкѣ, ни прежде, ни послѣ не называлъ самъ себя и никакимъ другимъ народомъ (кромя восточныхъ Славянъ и Арабовъ) не былъ называемъ въ племенномъ смыслѣ именемъ подобнымъ славянскому „Варязи“. Византійское Βαράγγοι и соотвѣтствующія ему формы: *Vaeringjar* въ исландскихъ сагахъ, *Varangi*, *Varingi*, *Vaeringae* у западно- и южно-европейскихъ латинскихъ писателей, *Warank* въ армянскихъ и грузинскихъ лѣтописяхъ хотя и означаютъ Скандинавовъ, Норманновъ, но не въ племенномъ смыслѣ, а въ служебномъ, то-есть, подъ этими названіями разумѣются тѣ только Норманны, которые состояли на службѣ у Византійскихъ императоровъ въ дружинѣ тѣлохранителей (*σαματοφάλαξ*) и которые, оставивъ императорскую службу, разумѣется, не имѣли ни права, ни надобности величать себя „Варангами“—именемъ, которое принадлежало имъ только по роду ихъ службы и во время состоянія на службѣ. Притомъ же всѣ эти названія появляются только съ XI вѣка, слѣдовательно, отъ нихъ никакимъ образомъ не могло произойти славянское „Варязи“, известное уже въ IX вѣкѣ. Откуда же это „Варязи“?... Даже и у ближайшихъ сосѣдей сѣверныхъ Славянъ—у Финновъ и Эстовъ, не сохранилось въ языкѣ никакихъ слѣдовъ подобнаго имени; а оно, казалось бы, не могло не быть известно имъ, такъ какъ заморскіе пришельцы, прежде всего, должны были столкнуться съ ними и только чрезъ ихъ жилища могли проникнуть къ Славянамъ, которые, слѣдовательно, еще прежде, чѣмъ сами встрѣтились съ врагами, могли бы узнать имя ихъ отъ своихъ приморскихъ сосѣдей. А отъ нихъ Славяне узнали совсѣмъ другое имя обитателей балтійскаго заморья—*Русь*.

Именемъ *Ruotsi*, *Ruossi*, *Roots* Финны и Эсты называютъ, и безъ сомнѣнія, называли и въ IX вѣкѣ всѣхъ обитателей восточной части Скандинавскаго полуострова, какъ собственно Шведовъ, такъ и Готландцевъ—вообще всѣхъ людей шведскаго говора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Швецію, какъ страну ими обитасмую. Но у нихъ это имя, въ

своего этническаго и географическаго значенія, не имѣеть никакого другаго логическаго смысла, не имѣеть въ языкѣ корня и, слѣдовательно, самими ими никоимъ образомъ не могло быть составлено ¹⁾; а такъ какъ, кромѣ ихъ, никакой другой народъ никогда, сколько извѣстно по исторіи, не называлъ Шведовъ подобнымъ именемъ, то и извнѣ имя это не могло прійти къ Финнамъ и Эстамъ иначе, какъ отъ тѣхъ Шведовъ, которые сами себя такъ называли. А такіе

¹⁾ Г. Геденовъ (*Зап. Имп. Ак. Наукъ.*, т. I, Прилож. № 3, стр. 17), согласно съ толкованіемъ Паррота, говоритъ: «Финны и Эсты назвали Шведовъ Ротсами отъ слова roots—*хребетъ, скала*. Rootsmaa—Швеція, утесистая страна; Rootsmees—шведъ, обитатель утесовъ, горець». Но въдъ г. Геденову «извѣстно (тамъ же, стр. 10), что въ настоящее время Финны и Эсты понимаютъ всѣхъ Шведовъ и всю Швецію подъ именемъ Ruotsi, Roots. Если же въ восточномъ языкѣ существуетъ собственное имя Roots въ значеніи: 1) Шведы (народъ) и 2) Швеція (страна), то конечно, отъ этого первообразнаго имени, чрезъ присоединеніе словъ maa (земля) и mees (мужъ), образовались составныя Rootsmaa, Rootsmees, а никакъ не отъ слова roots, хотя бы оно и означало хребетъ, скалу. Это, безъ сомнѣнія, очень хорошо извѣстно было и Парроту; но ему хотѣлось только къ массѣ разныхъ толковъ о происхожденіи Руси приложить и свою лепту, и потому, полагая, что Шлецеръ проглядѣлъ въ лексиконѣ Гупеля настоящее значеніе Roots, онъ думалъ пополнить этотъ пропускъ; но самъ, какъ видно, спутался и спуталъ другихъ. У Гупеля имя Roots и слово roots поставлены отдѣльно, и ихъ окончанія въ родит. шд., кажется (говорю на память, не имѣя теперь подъ рукой его лексикона), показаны разные. Послѣ перваго слѣдуетъ нѣсколько производныхъ отъ него и составныя съ *maa, mees*, а затѣмъ, на той же страницѣ (значить, Шлецеръ никакъ не могъ проглядѣть!) стоитъ, «roots—Stängel am Blatt», то-есть, стволъ листа; а какъ въ листѣ стволъ или оствовъ соотвѣтствуетъ спинному хребту у животныхъ, то понятно, что roots можетъ означать также и *спину, хребетъ*. Но это слово не имѣеть ничего общаго съ именемъ Roots, кромѣ случайнаго созвучія; да и то — въ такомъ случаѣ, если Гупель вѣрно выразилъ его произношеніе, а въ этомъ позволительно сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что тождественное съ roots по коренному значенію финское *roitso* вовсе не созвучно съ Ruotsi. Слово *roitso* (не знаю, показано ли оно въ финскихъ лексиконахъ, весьма не полныхъ) въ карельскомъ нарѣчій употребляется обыкновенно въ соединеніи съ другими словами, напримѣръ, *witsa* (пруть), *giuku* (жердь), *selkä* (спина), и выражаетъ качество этихъ предметовъ: *witsa-roitso*—длинный, гибкій и вѣтвистый пруть, который бьетъ не больно, а только хлопаетъ; *giuku-roitso*—длинная, слишкомъ гибкая жердь; *selkä-roitso*—длинная, согнутая, а потому не красивая спина у лошади. Слѣдовательно, какъ финскому *roitso*, такъ и восточному roots должно быть присуще понятіе о длинѣ и гибкости, и если послѣднее употребляется отдѣльно въ значеніи спины, то непременно гибкой, состоящей изъ позвонковъ; то-есть, roots—спина или хребетъ животныхъ, а никакъ не *юрный хребетъ*, и тѣмъ менѣе скала, утесъ.

Шведы дѣйствительно существовали въ IX вѣкѣ. Это мы знаемъ изъ Бертинскихъ лѣтописей, гдѣ подъ 839 годомъ говорится о послахъ какого-то сѣвернаго владѣтеля Свасанус (Гаконъ), присланныхъ въ Константинополь къ императору Теофилу и отъ него препровожденныхъ ко двору Людовика въ Ингельгеймъ, послахъ, „которые сказывали, что ихъ, по народности ихъ, называютъ *Росъ*“ (qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant); а по справкѣ, наведенной въ Ингельгеймѣ, императоръ Людовикъ „удостоверился, что они изъ рода Свеоновъ“ (comperit eos gentis esse Sveonum), то-есть, что люди, называвшіеся *Rhos*, принадлежатъ не къ русской народности (*gens*), а къ шведской. Значитъ, особой народности *Росъ* не оказалось, или существованіе ея, по крайней мѣрѣ, не подтвердилось наведенною справкой. И дѣйствительно, мы уже видѣли (Объясн. 5), что пришедшая къ намъ Русь (*Rôds*) не народъ, а дружина, воинскій союзъ, общество пиратовъ, викинговъ. Да и самое имя *Rôds*, *Rôdhs*, по своей грамматической формѣ, не можетъ быть признано за народное имя (nomen gentile), такъ какъ оно между всѣми германо-скандинавскими народными именами не имѣетъ ни одного себѣ подобнаго, и отъ него, какъ отъ нашего собирательнаго *чернь*, не возможны производныя для означенія отдѣльныхъ лицъ мужскаго и женскаго пола, составляющихъ народъ; потому что оно не можетъ имѣть множественнаго числа, ибо выражаетъ, какъ собственное имя только *одной* дружины, единичное понятіе, означать, такъ-сказать, единицу коллективную. И хотя эта *сдмная* дружина и состояла изъ многихъ отдѣльныхъ членовъ, но всѣ они только въ совокупности составляли *Rôds*, *всю Русь*; отдѣльно же каждый изъ нихъ, вѣроятно, назывался только *man*, мужъ, *Rôdsman*, фипск. *Kuotsin mies*, то-есть, мужъ русский.

Какъ и отчего произошло названіе этой дружины—пустъ рѣшить лингвистика; но то несомнѣнно, что имя *Rôds*—германо-скандинавскаго происхожденія, и что къ Финнамъ и Эстамъ оно перешло изъ устъ тѣхъ Шведовъ или Готовъ, которые при первой съ ними встрѣчѣ сами такъ называли себя, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Естественно, что это названіе, вѣроятно, нарицательное, Финны и Эсты припили за племенное, почему ихъ *Kuotsi*, *Roots* и стало означать Шведовъ и Швецію, подобно тому, какъ *Suomi* означаетъ народъ и страну Финновъ, *Wepâhi*—народъ и страну Славянъ (Вепедовъ), и также Русскихъ, какъ ихъ потомковъ. Съ какого времени фипское *Kuotsi* сдѣлалось названіемъ всѣхъ Шведовъ и Швеціи—угадать не возможно, но въ IX вѣкѣ, въ эпоху прибытія къ намъ изъ-за моря князей и Руси, оно непре-

мѣнно должноствовало имѣть уже такое общее этно- и географическое значеніе. Названіемъ одной только дружины Rōds оно въ это время никакъ не могло быть; ибо въ такомъ случаѣ, во первыхъ, подлѣ него у Финновъ должно бы существовать еще и другое имя для тѣхъ заморскихъ пришельцевъ, которые у Славянъ были извѣстны подѣ именемъ Варяговъ, бравшихъ дань съ сѣверныхъ племенъ (въ томъ числѣ и съ финскихъ) еще до прибытія къ нимъ Руси, и восторихъ, послѣ переселенія дружины Rōds (Русь) въ нашу страну, гдѣ она расплылась и исчезла въ массѣ славянскаго населенія, имя Ruotsi, какъ дружины, не могло бы уже сдѣлаться у Финновъ общимъ названіемъ Шведовъ и Швеціи; напротивъ, оно должно было бы, вмѣстѣ съ предметомъ, который имъ обозначался, исчезнуть у нихъ и замѣниться какимъ-нибудь другимъ названіемъ для ихъ западныхъ, заморскихъ сосѣдей. Но, какъ видно, переселеніе къ намъ Руси изъ-за моря не произвело никакой перемѣны въ этнографическихъ и географическихъ понятіяхъ Финновъ и не вызвало въ ихъ языкѣ никакихъ новыхъ именъ, ни для западныхъ, ни для южныхъ ихъ сосѣдей: какъ до этого событія, такъ и послѣ, они знали и знаютъ на западѣ, за моремъ, народъ и страну Ruotsi, а на югѣ — народъ и страну Wenāhi. Итакъ, если Финны и Эсты не знали въ IX вѣкѣ никакихъ другихъ завоевателей, приходившихъ къ нимъ изъ-за моря, кромѣ Ruotsi, Roots; если они подѣ этимъ именемъ разумѣли, безъ различія, и самую дружину Rōds (Русь), и тѣхъ, которые у Славянъ прозвались Варягами, то-есть, всѣхъ вообще обитателей восточной части Скандинавіи, и если притомъ — и это главное — нашъ современный авторъ, одинъ только упоминающій имя Варяговъ въ IX вѣкѣ, ничѣмъ не отличаетъ Варяговъ, приходившихъ изъ-за моря и бравшихъ дань съ сѣверныхъ племенъ, отъ тѣхъ Варяговъ, которые впоследствии являются въ Новгородѣ на службѣ у князя, въ его собственной, отдѣльной дружинѣ, то нѣтъ никакого основанія считать первыхъ Варяговъ, приходившихъ за данью изъ-за моря, какимъ-либо особымъ народомъ-завоевателемъ, дѣйствовавшимъ независимо отъ Руси, и еще прежде нея покорившимъ сѣверныя племена, а потомъ изгнаннымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эти Варяги дѣйствовали подѣ знаменемъ Руси и находились къ ней въ такихъ же подчиненныхъ отношеніяхъ, какъ и тѣ „Варяги находники“, которые упоминаются впоследствии. А что Русь еще до прибытія къ намъ должна была имѣть своихъ служилыхъ людей, свои младшія дружины и войска — это само собою разумѣется; ибо ея устройство, ея дѣй-

ствія и распоряженія за моремъ были, безъ сомнѣнія, тѣ же, какъ и у насъ въ первое время. Собственно такъ-называемая Русь (Rûds), вѣроятно, было общество немногочисленное, состоявшее изъ князя, членовъ его династїи, и можетъ быть, нѣсколькихъ сотъ мужей, товарищей князя, равныхъ ему по значенію и не столько зависѣвшихъ отъ него, сколько онъ отъ нихъ. Но каждый изъ этихъ мужей являлся подѣ общае знамя съ своими людьми, съ дружиной, и на своихъ ладяхъ, съ гребцами изъ рабовъ, военнопленныхъ. Въ случаѣ надобности набирались еще „вой“, — изъ соплеменниковъ Руси по найму и изъ племенъ покоренныхъ, изъ данниковъ, обязанныхъ военною службою. Когда образовалась эта дружина и гдѣ было ея первоначальное мѣстопробываніе—не знаемъ; но знаемъ достоверно, что въ первой половинѣ IX вѣка, когда ея послы явились въ Константинополь, она уже существовала, и по всей вѣроятности, господствовала уже надъ землями, прилежащими къ Финскому заливу—надъ Эстоніей и южною Финляндіей, которая, какъ принадлежавшія Руси по праву завоеванія, назывались уже Русскою землею. Въ этой первоначальной Русской землѣ князь, съ согласія дружины, распоряжался, разумѣется, также, какъ и по прибытіи въ нашу страну, то-есть, раздавалъ мужамъ своимъ волости въ ленное владѣніе съ правомъ сбора дани, часть которой владѣлецъ удерживалъ себѣ, а другую отдавалъ въ общую казну князя и дружины. Каждый изъ такихъ ленныхъ владѣльцевъ, (называвшійся, вѣроятно, Во-јагі, бояринъ) ставилъ въ своей волости острожекъ при устьи рѣки или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ помѣщалъ свой гарнизонъ, для наблюденія за туземцами и для охраненія свободнаго къ нимъ доступа съ моря; самъ же, оставаясь по прежнему при князѣ, являлся въ свою волость только въ известное время, вѣроятно — на зиму, съ своею дружиною для сбора дани, подобно тому, какъ дѣлали впоследствии князья русскіе, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго. Разумѣется, эти владѣльцы, собирая дань, не ограничивались предѣлами своихъ волостей при Финскомъ заливѣ, но проникали съ дружинами все дальше внутрь страны, въ земли племенъ независимыхъ, и покоряя себѣ новыхъ данниковъ, постепенно распространяли владѣнія Руси. Такимъ образомъ, страна Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей первоначально покорена была не Русью собственно, а младшими дружинами, подѣ предводительствомъ отдѣльныхъ мужей Руси, то-есть, ленныхъ владѣльцевъ. Славяне, встрѣтившись съ такими дружинами и не зная, разумѣется, ни народности, ни

отношеній ихъ къ Руси, назвали ихъ Варягами, потому что эти завоеватели сами, по роду службы, называли себя Varingar, или Varingar, въ единств. числѣ Varing, Varang, отъ древне-шведскаго vara, которое, судя по нѣмъ употребительнымъ выраженіямъ: taga vara på något (=наблюдать, примѣчать за чѣмъ-либо), taga pågot till vara (=взять что-либо на сохраненіе, на сбереженіе), должноствовало означать *береженіе, охраненіе, надзоръ, защита*¹⁾. Слѣдовательно, varing = *охранитель, обрѣзатель, стражникъ*. Отъ varing, конечно, могло произойти славянское „Варягъ“ совершенно также, какъ отъ Kolbing — Колбягъ, отъ sterling — стерлягъ, отъ schilling — шьяльгъ, и др.; византійское же Βάργγος произошло не прямо отъ Varing (тогда было бы Βάργγος), а черезъ посредство славянскаго „Варязи“, которое впервые пришло къ Грекамъ изъ Кіева, вѣроятно, въ письменномъ сообщеніи. По свидѣтельству нашей лѣтописи (Др. 33 — 34), это было именно въ 980 году, когда наемники „Варязи“, озаботившіе было Владимира въ Кіевѣ своими притязаніями, отпущены были имъ на службу къ императору, и притомъ съ рекомендаціей, не слишкомъ для нихъ лестною. Эти-то „Варязи“ и были, стало быть, первыми *Варягами* въ Греціи, гдѣ до ихъ появленія имя Βάργγος было совершенно неизвѣстно, что воилицъ доказано уже г. Геденовымъ. Посему о происхожденіи этого имени, вслѣдствіе перевода, какъ доселѣ полагали, отъ латинско-византійскаго foederati (фодератос), исчезнувашаго въ IX вѣкѣ, теперь не можетъ быть уже и рѣчи.

Но хотя славянское „Варязи“ и произошло отъ древне-шведскаго Varingar, какъ назывались, въ смыслѣ *охранителей, стражниковъ* или *защитниковъ*, тѣ служебныя лица, которыя въ земляхъ подвластныхъ князю и мужамъ дружины Русь сидѣли по городкамъ (gardr; отсюда Gardariki — названіе Русской земли въ исландскихъ сагахъ) и наблюдали за покорностію туземцевъ, равно какъ и тѣ, которые были спутниками и тѣлохранителями князей и подчиненныхъ имъ владѣльцевъ, однако, это имя въ его первоначальномъ, коренномъ значеніи встрѣчается только у нашего автора, писавшаго въ исходѣ IX вѣка. Такъ, его „Варязи“, приходившіе изъ-за моря и бравшіе дань съ нашихъ сѣверныхъ племенъ, непременно *русскіе Варяги*, то-есть, дружинники, состоявшіе на службѣ у Руси, и такими же

¹⁾ *Зап. Им. Ак. Н.*, т. II, Прилож. стр. 217—221: Замѣчаніи А. Куника на «Отрывки изъ изслѣдованія о Варяжскомъ вопросѣ».

дружинниками, какъ уже замѣчено, являются у него и Варяги, получавшіе „отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣла“, и Варяги „находниці“ въ другихъ городахъ сѣверныхъ, и „многи Варяги“, собранные въ Кіевѣ Аскольдомъ и Диромъ. Но у того же автора въ выраженіяхъ: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“, — „понимъ (Олегъ) вой многи: Варяги, Чудь, Словѣни“, — „бѣша у него (Олега) Варязи, и Словѣне и прочи“, — имя „Варязи“, очевидно, уже не служебное, а племенное. Такимъ оно и должно было сдѣлаться у Славянъ съ самой первой встрѣчи ихъ съ заморскими завоевателями, имѣ до того совершенно неизвѣстными. А какъ сѣверные Славяне—Новгородцы и Кривичи, не могли быть потревожены въ своихъ жилищахъ никакими другими заморскими выходцами, кромѣ тѣхъ, которые у Финновъ назывались Ruotsi, то и выходитъ, что славянское племенное „Варязи“ первоначально, въ IX вѣкѣ, соответствовало финскому Ruotsi, Ruossi, то-есть, означало Шведовъ, и можетъ быть, также Готландцевъ. Впослѣдствіи же, по мѣрѣ ближайшаго знакомства Славянъ съ обитателями Балтійскаго заморья, объемъ этого имени постепенно расширялся, такъ что для Нестора „Варязи“ было уже обще-племенное имя всѣхъ скандинавскихъ народовъ, обитавшихъ по Варяжскому морю „къ западу до землѣ Агннски и до Волошьски“, то-есть, до Англіи и Нормандіи (Valland) включительно. Напротивъ того, имя Русь, происшедшее, безспорно, отъ финскаго этническаго и географическаго Ruossi (=Шведы и Швеція), не могло получить такого же значенія у Славянъ, такъ какъ они стали называть Шведовъ Варягами еще прежде, чѣмъ узнали ихъ финское имя; почему у нихъ это послѣднее, совершенно законно обратившееся изъ Ruossi въ Русь, какъ Suomi въ Сумь, и осталось названіемъ тѣхъ только Шведовъ, которые составляли главную, господствующую дружину, называвшуюся *собственно* Rōds, Rōs, то-есть, Русь, и пришедшую къ намъ вмѣстѣ съ князьями. Въ такомъ смыслѣ, какъ мы уже видѣли, только и употребляется это имя у нашего автора въ выраженіяхъ: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“, — „попаша по собѣ всю Русь“ — „бѣша у него Варязи, и Словѣне и прочи, и прозвашася Русью“. Особенно изъ этого послѣдняго выраженія до очевидности ясно, что Русь—дружина, и притомъ сборная дружина, въ которую открытъ былъ свободный доступъ всѣмъ храбрымъ и достойнымъ, безъ различія національностей. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ составъ и тѣхъ младшихъ, служебныхъ дружинъ, члены которыхъ на языкѣ пришельцевъ назывались *Варингами* (Varingar), а у нашего

автора именуется Варягами; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія полагать, будто эти дружины состояли наголо изъ однихъ только заморскихъ выходцевъ, изъ Варяговъ. Если князья и подчиненные имъ владѣльцы волостей и предпочитали, особенно въ первое время, своихъ соплеменниковъ, какъ болѣе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и болѣе благонадежныхъ, то они никакъ не могли пренебрегать и туземными дружинниками, которые своимъ знаніемъ языка и мѣстныхъ обычаевъ были для нихъ даже необходимы. Въ охотничьихъ же вступать въ такія дружины, то-есть, переходить изъ подвластныхъ въ сословіе властителей, недостатка, конечно, не было между туземцами. И если мужи, принявшіе во владѣніе Полоцкъ, Ростовъ и другіе города, покоренные оружіемъ, не могли на первыхъ порахъ довѣрять побѣжденнымъ и потому должны были составить свои дружины изъ Варяговъ, то въ Новгородѣ, въ собственной дружинѣ Рюрика—князя, добровольно призваннаго, въ числѣ Варяговъ могли паходиться и Славяно. Въ Кіевѣ же, гдѣ Аскольдъ и Диръ водворились также мирно („остаѣ въ градѣ семъ“) и гдѣ имъ дѣйствительныхъ Варяговъ (=Шведовъ) въ то время собрать было трудно, едва ли не слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „многи Варяги“ исключительно туземцевъ, которые только по роду службъ, какъ дружинники, названы у нашего автора Варягами, то-есть, защитниками земли Полянскіей. Но у туземнаго, славянскаго населенія всѣ эти младшія дружины, сидѣвшія въ разныхъ городахъ славянскихъ и финскихъ, назывались не Варягами, а Русью же, какъ и главная дружина. По крайней мѣрѣ, объ осѣдлыхъ Варягахъ не упоминаютъ въ нашей странѣ ни Лѣтопись, послѣ занятія Олегомъ Кіева, ни Договоры, ни Русская Правда; не знаютъ ихъ у насъ и Византійцы: для нихъ „многи Варяги“ Аскольда и Дира—„безбожныя Русь“ (οἱ ἄθεοι Ρῶς), и Константину Багрянородному въ Русской землѣ извѣстны только Русь и Славяне, властители и подвластные, — у него Русскіе князья и ихъ подручники выходятъ изъ Кіева и отправляются по своимъ волостямъ въ полюдье не съ своими частными дружинами изъ Варяговъ, а со *всєю Русью* (μετὰ παντῶν τῶν Ρῶς), и даже изъ *За-русіи* (ἀπὸ τῆς ἔξω Ρωσίας), изъ Новгорода, гдѣ Олегъ оставилъ только дружину Варяговъ, въ Константинополь приходитъ на ладіихъ Русь, а не Варяги. Такимъ образомъ, вслѣдствіе причисленія къ Руси, утвердившейся съ Олегомъ въ Кіевѣ, всѣхъ младшихъ дружинъ, сидѣвшихъ по другимъ городамъ, имя *Русь* вдругъ оглашаетъ собою огромное пространство земель славянскихъ и финскихъ — отъ

Вѣлоозера въ одну сторону до Изборска и Полоцка, въ другую до Мурома и Кіева. Послѣдующія же завоеванія Олега, въ теченіе того же IX вѣка, распространили это имя црѣ Кіева по всей нынѣшней юго-западной Россіи—до Чернаго моря и низовьевъ Дуная, до Прута, горъ Карпатскихъ и Западнаго Буга, занеся его въ то же время и на дальній юго-востокъ—на берега Киммерійскаго пролива ¹⁾).

Это неизмѣрно быстрое утвержденіе русскаго господства на такомъ неизмѣримомъ пространствѣ земель, надъ безчисленными племенами, рѣшительно не возможное и не мыслимое, какъ дѣло однихъ только заморскихъ пришельцевъ, Варяговъ, которые даже и нашихъ сѣверныхъ племенъ не могли удержать подъ своимъ господствомъ,—объясняется весьма естественно тѣмъ обстоятельствомъ, что пришедшая къ намъ съ князьями заморская дружина Русь, пополняясь безъ различія какъ изъ Варяговъ, такъ и изъ туземцевъ, быстро разрослась въ нашей странѣ въ цѣлое племя завоевателей, или лучше сказать, въ огромную, прочно организованную армію, которая, избравъ своимъ средоточіемъ Кіевъ и рассыпавъ свои отряды во всѣ стороны, не только держала въ повиновеніи племена, уже покоренныя, но и увлекала ихъ за собою, подъ именемъ „воевъ“, на новыя дальнѣйшія завоеванія. Выходить, стало быть, что не иноплеменники, не Варяги и не Русь, положили основаніе Русскому государству, а сами туземцы, Славяне, вступавшіе въ вольную дружину Русь, образовали въ ней ту силу, которая, положивъ конецъ вѣковой разрозненности и усобицамъ родовъ, соединила племена въ одно цѣлое, и воодушевивъ страстію къ завоеваніямъ, пробудила ихъ къ новой жизни. Иноплеменники принесли къ намъ только, такъ-сказать, институтъ дружинный, только форму новаго общества; содержаніе же въ эту форму, уже съ самаго начала, стало вливаться какъ изъ варяжскаго, такъ и изъ славянскаго міра, и даже по преимуществу изъ послѣдняго. Да иначе и быть не могло, если дружина Русь, сборная, разнородная по своему составу, господствовала въ землѣ славянской и состояла въ тѣсной связи и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ подвластными ей племенами. Не славянская по имени, не славянская по своему устройству, по уставамъ и учрежденіямъ воинскимъ, вообще по духу, она, по всей вѣроятности, была уже по языку, по обычаямъ и вѣрованіямъ значительной части своихъ членовъ славян-

¹⁾ См. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, январь 1874: «О Тмутараканской Русси» стр. 77 и слѣд.

скою въ то время, когда утвердилась съ Олегомъ въ Кіевѣ; а здѣсь къ Олеговой Руси, безъ сомнѣнія, примкнула еще, лѣтъ за тридцать раньше туда прибывшая и тамъ пополненная дружинниками (варягами) изъ туземцевъ, слѣдовательно, уже вполне славянскія, Русь Аскольда и Дира ¹⁾.

Итакъ, горсть иноплеменной, варяжской Руси насадила на славянской почвѣ и воспитала подъ своимъ надзоромъ многочисленную

¹⁾ Изъ разсмотрѣнія начальной хронологіи Нестора (во 2-й части нашего Опыта) оказывается, что Аскольдъ и Диръ «съ родомъ своимъ», то-есть, съ дружиною, водворились въ Кіевѣ «въ лѣто 6360, индикта 15», слѣдовательно, уже осенью 851 январскаго года, когда самая дружина Русь, съ своими князьями, сидѣла еще гдѣ-то за моремъ, но когда мужи этой дружины, какъ ленные владѣльцы, съ своими частными дружинами изъ *варяговъ*, уже господствовали на нашемъ сѣверѣ, взявъ дѣль съ Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей, и когда эта сѣверная страна, какъ подвластная Варягамъ-Руси, уже называлась Русскою землею. Что Русь уже дѣйствовала на югѣ раньше 6372 (863) года, къ которому, по хронологіи Нестора, обыкновенно относятъ прибытіе въ Кіевъ Аскольда и Дира,—видно въ особенности изъ «Всвѣдъ» патріарха Фотія (см. архим. *Порфирія Успенскаго* «Четыре бесѣды Фотія», Спб. 1864); именно двѣ первыя его бесѣды *по случаю нашествія Руси* (εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥώσ), представляющія первое по времени собственно византійское свидѣтельство о Руси, будучи сопоставлены съ извѣстіемъ о Руси того же патріарха въ его окружномъ посланіи (867 г.), несомнѣнно подтверждаютъ: 1) что враги, напавшіе подъ именемъ Руси на Константинополь въ 865 году, уже до того времени, лѣтъ за десять по крайней мѣрѣ, если не больше, должныствовали быть извѣстны Фотію и Грекамъ, какъ народъ Скиескій, варварскій, страшный по своимъ грабешамъ и разбоймъ на Черномъ морѣ, и 2) что главную силу этихъ враговъ — большую часть ихъ войска, составляли не Варяги, то-есть, Шведы или вообще Норманны, а Славяне, и именно Поляне. Только послѣднихъ, какъ данниковъ Хазарскихъ, могъ разумѣть ораторъ, восклицая (стр. 10): «О градъ! царь едва не всей вселенной, что за рать, безъ устроенья ратнаго, изъ *работъ набраннахъ*, какъ надъ работъ, надъ тобою ругается!» Конечно, не Норманновъ, грозныхъ въ то время для всей западной Европы, разумѣлъ онъ и подъ слѣдующими выраженіями (стр. 18): «Народъ ничѣмъ себя не заявившій, народъ непочетный, народъ, считаемый *наравнъ съ рабами*; не именитый, но войною съ нами стяжавшій имя себя», и т. д. Въ эти и подобные эпитеты идутъ къ Славянамъ, но никакъ не къ Норманнамъ. Варяги Аскольда и Дира, то-есть, Норманны, разумѣется, были главными виновниками этого набѣга, но они, составляли даже и въ дружинѣ вождей ничтожное меньшинство, совершенно исчезли въ массѣ прочаго войска, и потому Фотію не было надобности упомянуть о нихъ; да и самая цѣль бесѣдъ не дозволила ему указывать на нихъ и объяснить, что этотъ народъ (Поляне), доселѣ *безвѣстный, незначительный, смиренный и бѣдный*, теперь такъ внезапно возвысился, именно вслѣдствіе прибытія къ нему изъ дальняго сѣвера горсти людей другаго закала.

Русь славянскую, съ которою потомъ и сама должна была неизбежно слиться, утративъ свой языкъ и другія племенные особенности. Процессъ этого слиянія, начавшійся съ половины IX вѣка, съ перваго появленія Руси въ Кіевѣ, не могъ быть продолжителенъ и должепъ былъ окончиться уже весьма рано. Если наши договоры съ Греками, или написаны (первый Олеговъ договоръ) прямо по-славянски, или переведены съ греческаго на славянской, и если это сдѣлано было, конечно, не для подмастныхъ Руси Славянъ, а для того „рода Русскаго“, который только себя именуетъ въ нихъ договаривающеюся стороною, не упоминая даже имени Славянъ, то само собою разумѣется, что языкъ славянской былъ уже въ началѣ X вѣка общеупотребительнымъ языкомъ этого „рода Русскаго“, то есть, князя и дружины Русь, и что разные Карлы, Фарлафы, Рулавы и прочіе послы, съ не славянскими именами, заключавшіе, однакоже, трактаты на языкѣ славянскомъ, были уже по языку на столько же, по крайней мѣрѣ, Славяне, какъ и иноплеменники. И это совершенно естественно: обитая въ землѣ Славянской, вдали отъ родины, господствуя надъ племенами славянскими, имѣя женъ и наложницъ большею частію изъ Славянокъ, имѣя Славянъ товарищами въ самой дружинѣ, прислугою въ домахъ своихъ, — словомъ, окруженные безпрестанно и повсюду Славянами, эти немногочисленные пришельцы несомненно должны были усвоить языкъ славянской, безъ котораго имъ не возможно было ступить ни шагу, тогда какъ въ своемъ природномъ языкѣ они вовсе не пуждались, почему, вѣроятно, скоро и позабыли его. Дѣти жъ ихъ, рожденные отъ Славянокъ и на славянской почвѣ, безъ сомнѣнія, уже плохо понимали языкъ отцевъ своихъ, да едва ли даже и понимали его; хотя они также назывались еще Иворами, Вусфастами, Асмундами и другими подобными именами своихъ заморскихъ предковъ, но ихъ роднымъ языкомъ былъ уже языкъ славянской, родиною—Славянская земля, богами—боги славянскіе. Да и отцы ихъ, не только товарищи Аскольда и Дира, но и пришедшіе въ Кіевъ съ Олегомъ, равно какъ и самъ Олегъ, утверждая въ 906 году, послѣ 25-лѣтняго господства въ средоточіи славянскаго міра, договоръ съ Греками, по всей вѣроятности, не для виду только, не притворно, а уже сознательно и по убѣжденію клялись Перуномъ и Волосомъ, какъ своими богами.

Конечно, такое быстрое перерожденіе Варяжской Руси въ Славянскую было бы невозможно и не мыслимо, еслибы къ намъ, подъ именемъ всей Руси, дѣйствительно пришелъ изъ-за моря особый па-

родъ, или хоть часть народа Варяжскаго племени, съ своими уставами и обычаями, со всѣмъ своимъ бытомъ семейнымъ, религіознымъ и общественнымъ. Но никакой подобной колонизаціи Славянскихъ земель иноплемениками, гражданами чуждаго государства, вовсе не было, а пришла къ намъ просто шайка пиратовъ, вольная, самостоятельная дружина удалцевъ, большею частію одинокихъ, безсемейныхъ, отовсюду собранныхъ, разноплеменныхъ, стало быть, и разновѣрныхъ, и вѣроятно, не особенно приверженныхъ къ богамъ своимъ, — дружина, которая, можетъ быть, уже задолго до прибытія къ намъ, развѣзжала съ своими князьями-атаманами или морскими королями по Балтійскому морю и тревожила набѣгами всѣ его побережья, не щадя и самой Швеціи, родины большинства своихъ членовъ, но въ IX вѣкѣ еще слабой, раздѣленной на множество мелкихъ враждебныхъ между собою владѣній¹⁾. Что же подобная дружина могла внести къ намъ своего, самобытнаго, способнаго не только противустоять той новой средѣ, въ которой она явилась, но и вліять на эту среду? Могла ли она быть для Славянъ носителемъ какой либо новой гражданственности, цивилизаціи, новыхъ понятій религіозныхъ? Да за тѣмъ ли она и пришла къ нимъ, чтобы варяжить ихъ, преобразовывать славянскій міръ?... Ея князья пришли, чтобы княжить и владѣть племенами, ихъ призвавшими; а она — дружина, которую не призывали, пришла, чтобы воевать другія племена и пріобрѣтать себѣ и князьямъ новыхъ данниковъ, чтобы продолжать свое ремесло завоевателей на новомъ, обширнѣйшемъ поприщѣ. Цѣль ея — только воевать и покорять, господствовать надъ покоренными, эксплуатировать ихъ матеріально, жить и наживаться ихъ добромъ; ни о чемъ больше она не помышляла и никакихъ плодовъ своей духовной дѣятельности не внесла въ жизнь племенъ покоренныхъ. Своимъ корпоративнымъ духомъ и кипучею воинскою дѣятельностію она, конечно, имѣла на нихъ сильное вліяніе и сдѣлалась виновницею

¹⁾ Значительнѣйшимъ изъ нихъ было королевство Упсальское, которое и называлось собственно Швеціей. Объ этой Швеціи, въ царствованіе короля Эйстена, сага объ Инглингахъ говоритъ: «Въ то время опустошали Швецію разные короли Датскіе и Норвежскіе, равно какъ и многіе морскіе короли (Sækonungr), которые повелѣвали большими военными силами, хотя и не владѣли землями». Одинъ изъ такихъ морскихъ королей, Сельви по имени, даже свергнулъ съ престола короля Эйстена и овладѣлъ его государствомъ. См. *Snorro Sturleson. Heimskringla. cap. XXXIII, XXXIV. ed. Peringskiöld. Stokholmiæ. 1697.*

рѣшительнаго переворота въ ихъ судьбѣ, но ея вліяніе было больше внѣшнее; оно было, можно сказать, только внѣшнимъ, механическимъ толчкомъ, который пробудилъ дремавшія въ патріархальномъ покоѣ силы славянскаго міра, и сообщилъ направленіе ихъ дѣятельности, положилъ начало героическому періоду въ жизни Русскихъ Славянъ.

Первый періодъ нашей исторіи— время, отъ призванія князей до кончины Ярослава,—обыкновенно называютъ *Норманскимъ* или *Варяжскимъ*; но на какомъ основаніи? Развѣ Владимірѣ-Красное Солнышко и Ярославѣ—князья Варяжскіе, князья-воеводы самостоятельной дружины, вмѣстѣ съ ними господствующей надъ покоренною страпою? Нѣтъ, они князья-государи своихъ подданныхъ, всего своего народа, Русскаго, православнаго; они самодержавные, не ограниченные повелители всего Русскаго государства, *Князи* земли Русской, по выраженію „Похвалы“ митрополита Иларіона, которая, очевидно, отличаетъ ихъ этимъ почетнымъ титуломъ отъ ихъ предшественниковъ, князей дружины. Самый характеръ ихъ власти византійско-христіанскій, а не варяжскій; да и дружина ихъ уже не прежняя— не та господствующая военная корпорація, которая признавала князя не государемъ своимъ, а только первымъ между равными, которая вмѣстѣ съ нимъ владѣла, но праву завоевателя, всею покоренною страню, какъ общою собственностію, и которая, предоставляя князю право распорядиться этою собственностію, то-есть, дѣлить получаемые съ нея доходы между всѣми участниками завоеванія и отдавать города и волости въ частное владѣніе—своимъ ли членамъ, или другимъ лицамъ—на правахъ феодальныхъ, требовала отъ него неприкосновенности общихъ интересовъ, строгой во всемъ справедливости и законности дѣйствій, въ случаѣ же самовольныхъ его распоряженій говорила, какъ Игорю: „се далъ еси единому мужу много“, и заставляла отмѣнять ихъ. Такого значенія не имѣетъ уже дружина при Владимірѣ и Ярославѣ; это уже новая дружина, не владѣтельная а подчиненная, княжеская. Члены ея—не товарищи, а слуги князя, исполнители его повелѣній; они также и совѣтники его, когда совѣта ихъ спрашиваютъ, но не участники въ его верховной власти; за свою службу они получаютъ отъ князя опредѣленное жалованье, а не правомѣрную долю изъ общей государственной дани, получаютъ въ награду и поземельные участки, но не феодалы, а помѣстья. Превъжая самодержавная дружина-Русь погибла съ Святославомъ, и съ нею вмѣстѣ исчезли и феодальные владѣльцы; если же нѣкоторые изъ нихъ и остались еще, или оставили по себѣ наслѣдниковъ, то

Владиміру, не имѣвшему уже совладѣтеля въ дружинѣ, не трудно было покончить съ ними, какъ съ княземъ Полоцкимъ, и соединить всѣ завоеванія Руси въ одно цѣлое подъ своею властію. Вотъ почему онъ уже безпрепятственно могъ распорядиться всею Русскою землею, какъ своею личною собственностію, могъ посадить сыновей своихъ, еще малолѣтнихъ, представителями своей верховной власти въ Полоцкѣ, Ростовѣ, Муромѣ, въ Тмутарокани и въ другихъ городахъ русскихъ, которыми не располагалъ отецъ его, отдавшій сыновьямъ своимъ только области Кіевскую, Древлянскую и Новгородскую, какъ непосредственно ему принадлежавшія. Такимъ образомъ, Владимиръ, задушивъ феодальную систему на первыхъ порахъ ея развитія, ввелъ новый, славянской порядоку владѣнія Русскою землею—систему семейнаго господства.

Итакъ, первый періодъ нашей исторіи продолжается собственно только до смерти Святослава, до 972 года. Это — періодъ героической, или феодальной, который, пожалуй, можно назвать и варяжскимъ, но только по духу и характеру верховнаго правительства, то-есть, дружины, которая хотя и была уже со временъ Игоря славянскою по своему составу, но твердо держалась еще заморскихъ установъ и порядоку, занесенныхъ Варягами, и съ княземъ во главѣ, самодержавно господствовала надъ всею покоренною страной, состоявшею во все это время, такъ-сказать, на военномъ положеніи. Видѣть же въ продолженіе не только двухъ вѣковъ, протекшихъ до смерти Ярослава, но даже и одного перваго столѣтія—до 972 г., во всѣхъ дѣйствителяхъ, начиная отъ князя до послѣдняго дружинника, однихъ только иноплеменниковъ, Варяговъ, чистокровныхъ Норманновъ, нѣтъ никакого основанія. Въ первое время, при Рюрикѣ и Олегѣ, пришлые Варяги-Русь, какъ завоеватели, какъ наставники и руководители Славянъ въ военномъ дѣлѣ—воспитатели славянской Руси, конечно, стояли на первомъ планѣ, занимали первыя мѣста и на войнѣ, и въ совѣтѣ; но вѣдь они были не бессмертны: изъ пришедшихъ съ Рюрикомъ едва ли кто пережилъ Олега, мѣста же умершихъ принадлежали по праву ихъ сыновьямъ и внукамъ. Игорь и мужи его—всѣ старшіе члены дружины, были уже представители втораго и третьяго поколѣнія варяжской Руси; всѣ они родились на славянской почвѣ, за весьма немногими исключеніями, отъ славянскихъ матерей, и слѣдовательно, уже съ колыбели должны были ознакомиться съ звуками славянской рѣчи. Почему же они Варяги?... По именамъ? А сколько у насъ теперь на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ корен-

ныхъ Русскихъ, даже православныхъ, которые, ни слова не зная нѣмцевъ, носятъ нѣмецкія фамиліи? Неужели они—не Русскіе, потому что отцы, или дѣды ихъ, можетъ быть, даже прадѣды, дѣйствительно Нѣмцами пришли къ намъ, но у насъ или уже сами обрусѣли, или оставили чисто русскихъ потомковъ, только съ нѣмецкими фамильными прозвищами?... Не имя лица и не кровь, текущая въ его жилахъ, а языкъ—выразитель его духовной жизни, есть отличительный признакъ народности. Игорь и Ольга, не смотря на ихъ чисто варяжское происхожденіе и варяжскія имена, по языку несомнѣнно принадлежали къ славянской народности и даже предпочитали славянское ипоземному, ибо сыну своему дали чисто славянское имя *Святославъ*. Знали ли они по-варяжски, то-есть, по-шведски? Можетъ быть; но безъ всякаго сомнѣнія, они хорошо знали языкъ славянской, который, какъ общій языкъ земли Русской и самой дружины Русь, назывался и русскимъ.

Скажутъ, можетъ быть, что Константинъ Багрянородный подъ русскимъ языкомъ разумѣетъ не славянской; такъ какъ онъ, приводя названія Днѣпровскихъ пороговъ по-русски и по-славянски (*розсті, склавиности*) и толкуя ихъ значеніе, *русскими* называетъ такія имена, которыя звучатъ не по-славянски и которыя могутъ быть объяснены только изъ германо-скандинавскихъ нарѣчій. Но вѣдь онъ говоритъ не о языкѣ, а только объ отдѣльныхъ словахъ, или именахъ. Если же въ первой половинѣ X вѣка въ устахъ Руси и слышались еще многія слова, уцѣлѣвшія отъ ея прежняго языка, слѣдовательно, не славянскія (въ русскомъ языкѣ время Петра Великаго также было не мало словъ не русскихъ), то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобы самый языкъ этой Руси, по его грамматическому строю, былъ не славянской. Кромѣ славянскаго, никакой другой языкъ никогда не назывался и не могъ называться русскимъ; ибо Русь, какъ дружина, а не народъ, не племя, не могла имѣть своего особаго, исключительно ей принадлежавшаго языка; безъ сомнѣнія, ея господствующимъ языкомъ, до прибытія къ намъ, былъ языкъ той скандинавской народности, представители которой составляли большинство ея членовъ, слѣдовательно, языкъ древне-шведскій, съ значительною, можетъ быть, примѣсью словъ разныхъ другихъ нарѣчій. А какъ Шведы въ племенномъ смыслѣ стали извѣстны Славянамъ первоначально подъ именемъ Варяговъ (имя *Сви* явилось позже), то и языкъ шведскій долженъ былъ называться варяжскимъ, а никакъ не русскимъ. Но Константинъ не зналъ въ Русской землѣ Варяговъ, или не отличалъ

ихъ, какъ состоявшихъ на службѣ у Руси, отъ самой Руси; Русь же для него—не особый отъ Славянъ народъ, а только особое поколѣніе славянское, господствующее надъ прочими славянскими народностями. Слѣдовательно, его выраженіе *ρωσική* (по-русски) значить: на томъ славянскомъ нарѣчїи, которымъ говорила Русь, и на которомъ Русская великая княгиня Ольга лично съ нимъ бесѣдовала. Еслибъ Ольга говорила съ нимъ не по-славянски, а по-шведски,—разумѣется черезъ переводчика, который перелагалъ бы ея рѣчи съ шведскаго на греческій,—то императоръ, который, безъ сомнѣнія, могъ, даже и не зная вовсе по-славянски, различать славянскіе звуки отъ звуковъ всякаго другаго языка, непременно обратилъ бы вниманіе на это обстоятельство и пожелалъ бы узнать—на какомъ языкѣ говоритъ Русская княгиня, откуда она родомъ, и почему рѣчь ея звучитъ не по-славянски. Но слыша, что Ольга говоритъ по-славянски, и зная, что она княгиня Славянской Руси, онъ, разумѣется, не могъ и сомнѣваться въ томъ, что она природная Славянка, и слѣдовательно, не имѣлъ никакого повода спрашивать о ея родѣ и племени. Вотъ почему молчаніе Константина Багрянороднаго, равно какъ и другихъ византійскихъ и восточныхъ писателей, о прибытіи къ намъ кнѣзей и Руси изъ-за моря отъ Варяговъ нельзя считать доводомъ (*argumentum a silentio*) опровергающимъ, будто бы, свидѣтельство нашей лѣтописи объ этомъ фактѣ. Не только молчаніе, но даже и положительное свидѣтельство ихъ о Руси X вѣка, какъ народѣ Славянскомъ, еслибъ оно гдѣ-либо оказалось, было бы совершенно естественно; ибо Греки, народы восточные и другіе сосѣди узнали Русь въ то время, когда она жила уже въ Славянской землѣ, господствовала надъ Славянами, имѣла въ своемъ составѣ значительный контингентъ славянской и въ походахъ обыкновенно сопровождалась толпами подвластнаго ей славянскаго населенія, когда она, притомъ, уже и сама говорила по-славянски и могла сноситься съ сосѣдами не иначе, какъ на славянскомъ языкѣ и черезъ славянскихъ переводчиковъ. Понятно, что другіе народы, которымъ приходилось сталкиваться съ этою Русью, не могли не считать ее кореннымъ славянскимъ племенемъ; имъ и ихъ писателямъ не могло, слѣдовательно, и въ голову придти доискиваться, какъ и откуда занесено было къ Славянамъ первоначально то зерно, изъ котораго развилась могущественная Русь славянская. Если уже при первомъ нападеніи на Царьградъ, Русь Аскольда и Дира, вслѣдствіе ея смѣшенія съ Славянами, изображена у Фотія, въ его „бесѣдахъ“, не Норманнами, а народомъ славянскимъ, живущимъ въ Ски-

часть CLXXIV, отд. 2.

оія (какъ выше замѣчено), то у послѣдующихъ Византійцевъ и особенно у восточныхъ писателей, разумѣется, нечего и искать указаній на скандинавское происхожденіе Руси. Точно также и отъ собственныхъ скандинавскихъ памятниковъ, отъ исландскихъ сагъ, которыя, притомъ, весьма рѣдко касаются событій, совершавшихся въ восточной части Скандинавіи, нельзя требовать извѣстій о томъ, что одна какая-то морская дружина, какихъ много было въ IX вѣкѣ на водахъ, окружавшихъ Скандинавію, покинула Балтійское море, и подъ именемъ Руси или Родсовъ, утвердилась на востокѣ, въ землѣ Славянской; ибо это событіе вовсе не касалось самой Скандинавіи и не имѣло на нее никакого вліянія. Еслибъ еще приходшая къ намъ варяжская дружина нѣсколько долѣе, напримѣръ, хотъ до исхода X вѣка, сохранила свой языкъ и свою народность, то можно было бы, пожалуй, спросить, почему свѣдѣнія о ней и о дѣлахъ ея на востокѣ не дошли послѣ до Скандинавовъ, вслѣдствіе ихъ связей и сношеній съ нею. Но такъ какъ она почти тотчасъ по водвореніи въ землѣ Славянской смѣшалась съ туземцами и сама, забывъ свой языкъ, весьма рано сдѣлалась славянскою, то Скандинавы, именно Шведы, приходившіе къ ней на службу, какъ наемники, и у насъ извѣстные подъ именемъ Варяговъ, не только въ Руси Ярославовой, но даже и въ Игорѣ, и въ мужахъ его не узнавали уже своихъ соплеменниковъ, и слѣдовательно, не могли принести съ собою, по возвращеніи на родину, никакихъ сказаній о господствѣ какихъ-то Шведовъ, подъ именемъ Руси, надъ обширнымъ пространствомъ земель славянскихъ.

Итакъ, молчаніе скандинавскихъ, византійскихъ, арабскихъ и другихъ извѣстій о норманнскомъ или варяжскомъ происхожденіи нашей Руси не даетъ никакого права сомнѣваться въ достовѣрности этого факта, который, по своему весьма не громкому началу, легко могъ, и даже долженъ былъ, остаться не замѣченнымъ въ современныхъ иноземныхъ извѣстіяхъ. Чтобы своевременно записать такое явленіе, какъ прибытіе къ намъ, на славяно-финскій сѣверъ, откуда-то съ береговъ Балтійскаго моря, во второй половинѣ IX вѣка, какой-то варяжской морской дружины или шайки пиратовъ, съ ея князьями-атаманами, надобно было непременно предвидѣть тѣ великія, міровыя послѣдствія, какія имѣло это едва замѣтное въ началѣ событіе, совершившееся на безвѣстномъ финскомъ сѣверѣ, вдали отъ театра дѣйствій тогдашнихъ историческихъ народовъ. Когда-жъ эти послѣдствія стали обнаруживаться, когда приходшая къ намъ варяжская дружина, покоривъ племена Славянскія, придвинулась къ странамъ историческимъ

и сдѣлалась грозною для Византійской имперіи и магометанскаго востока, тогда она, стоя во главѣ безчисленныхъ племень славянскихъ, сама была уже славянскою военною корпораціей, и тогда въ этой Руси, по ея составу, уже трудно было признать ея первоначальное варяжское происхожденіе. Только неизвѣстный по имени правитель Херсонской области, говоря о завоеваніяхъ Олега на сѣверномъ Черноморьи въ исходѣ IX вѣка, съ Русью еще варяжскою, могъ, какъ современникъ и очевидецъ, такъ-сказать мимоходомъ, засвидѣтельствовать ея сѣверное, скандинавское происхожденіе, вонервыхъ, намекомъ на соплеменность Готовъ-Тетракситовъ съ побѣдоносными *варварами*, какъ онъ постоянно называетъ Русь Олегову, и восторхъ, сообщеніемъ дошедшаго до него слуха о недавнемъ, добровольномъ призваніи князей этихъ варваровъ нашими сѣверными племенами для возстановленія у нихъ порядка и правды, нарушенныхъ племенными усобицами. Такимъ образомъ, собственноручная записка этого неизвѣстнаго автора, нами уже рассмотрѣнная (въ статьѣ: „О Тмутарканской Руси“, *Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.* 1874, январь), не смотря на неопредѣленность и какую-то таинственность выраженій, устраняетъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительности факта призванія князей и прибытія съ ними дружины Русь изъ за-морья, отъ Варяговъ; а потому нельзя сомнѣваться и въ достовѣрности вписаннаго въ нашу лѣтопись, другаго, болѣе обстоятельнаго сказанія объ этомъ фактѣ и его ближайшихъ послѣдствіяхъ, написаннаго первоначально также современникомъ и очевидцемъ, въ исходѣ IX вѣка.

Обыкновенно полагаютъ, что сказаніе о происхожденіи Руси составлено нашимъ лѣтописцемъ изъ дошедшихъ до него устныхъ преданій, пѣсенъ и сказокъ. Но состоятельно ли это мнѣніе, никѣмъ и ничѣмъ не доказанное? Могли ли, и долго ли могли сохраниться преданія о варяжскомъ происхожденіи Руси въ памяти славянскаго населенія, въ памяти самой Руси, славянской уже въ первой половинѣ X вѣка? Если къ намъ подъ именемъ Руси пришла сборная морская дружина, варяжская или шведская по большинству своихъ членовъ, но чуждая и враждебная Швеціи, какъ и другимъ балтійскимъ побережьямъ, дружина, которой члены, не имѣя ни общей родины, ни общей вѣры, соединялись только общимъ для нихъ ремесломъ пиратовъ и военнымъ товариществомъ; если эта разнородная дружина тотчасъ по водвореніи въ нашей Славянской землѣ должна была усилить себя болѣе или менѣе значительнымъ числомъ новыхъ товарищей изъ туземцевъ, и если, вслѣдствіе такого смѣшенія съ Славянами,

сами первые пришельцы весьма рано усвоили языкъ и обычаи славянскіе, а по вѣрѣ сдѣлались, или христіанами, или поклонниками перуна, то понятно, что ихъ сыновья и внуки, современники Игоря, рожденные въ Славянской землѣ и отъ славянскихъ матерей, ничѣмъ, кромѣ своихъ варяжскихъ именъ, не отличались отъ туземцевъ и не понимали уже языка своихъ предковъ, слѣдовательно, и объ ихъ заморской родинѣ не имѣли никакого понятія. Безъ сомнѣнія, они знали, что они — не природные Славяне, а Варяги въ племенномъ смыслѣ, ибо не могли не помнить, что ихъ отцы и дѣды пришли съ сѣвера отъ какихъ-то заморскихъ Варяговъ; но едва ли они знали, что оттуда же, изъ-за моря, пришло первоначально и самое имя *Русь*, какъ названіе того общества, къ которому принадлежали, вмѣстѣ съ ними, и ихъ товарищи изъ туземцевъ. По крайней мѣрѣ, варяжское происхожденіе этого имени, по мѣрѣ усиленія въ самой дружинѣ славянскаго элемента, неизбежно должно было сдѣлаться спорнымъ и сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что Русскою землею давно называлась подвластная Руси земля Славянская, и что приходившіе изъ-за моря наемники Варяги не называли себя Русью и ничего не знали о существованіи за моремъ какой-либо Руси, или земли Русской. Но если дружина Русь, положимъ, и помнила еще, даже и во времена Святослава, что она, какъ военная корпорація, стоящая во главѣ покоренной страны, есть учрежденіе варяжское, то могли ли помнить это племена Славянскія, особенно въ XI вѣкѣ, когда и самое учрежденіе это уже не существовало? Когда дружина Русь погибла, вмѣстѣ съ Святославомъ, въ его послѣднемъ болгарскомъ походѣ, оставивъ свое имя въ наслѣдіе племенамъ славянскимъ, и когда эти племена вскорѣ потомъ, приведенные къ святому крещенію, сдѣлались христіанскою, православною Русью, то неужели и послѣ этого великаго общественнаго переворота въ ихъ судьбѣ, они — особенно же Поляне, страна которыхъ уже со времени занятія Кіева Олегомъ называлась по преимуществу Русскою землею, — могли еще помнить и такъ отчетливо, съ такою очевидною правдою разказывать о томъ, что прежде, давно когда-то, у нихъ господствовала совсѣмъ другая Русь, не славянская, а иноплеменная, варяжская, пришедшая изъ-за моря, когда, притомъ, эта послѣдняя почти, можно сказать, не существовала у нихъ самобытно, безъ примѣси славянскаго элемента? Итъ, это рѣшительно не возможно и не мыслимо, ибо послѣдующая славянская Русь, замѣнившая и такъ сказать, заслонившая собою свою иноплеменную предшественницу и наставницу, необходимо должна была вытѣснить изъ народной памяти

и самое воспоминаіе о ней. Что имя Руси прежде принадлежало не племенамъ славянскимъ, не Полянмъ, а особому, высшему, преимущественно военному, сословію, которое выдѣлилось изъ состава этихъ племенъ, и съ княземъ во главѣ, господствовало надъ ними,—это, конечно, могли еще помнить, и безъ сомнѣнія, помнили также, что и наемные Варяги, толпами приходившіе изъ-за моря на службу къ князьямъ Руси (что повторялось и при Ярославѣ), перѣдко были принимаемы въ это славянское военное сословіе, то-есть, въ дружину, и усвоивъ языкъ и обычаи славянскіе, дѣлались Русью; но, что первоначальная Русь сама была варяжская дружина, пришедшая изъ-за моря, и что изъ Славянъ только тѣ, которые вступали въ эту дружину, назывались въ первое время Русью,—ничего этого уже не помнили на Руси въ половинѣ XI вѣка. По крайней мѣрѣ, въ нашихъ историческихъ легендахъ, явившихся около этого времени въ письменной редакціи и послѣ внесенныхъ въ лѣтопись, нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобныя воспоминаія. Въ нихъ народныя преданія о дѣлахъ Руси начинаются только съ похода Олега на Грековъ, съ 906 года, когда въ составѣ Руси былъ уже значительный контингентъ чисто славянскій, и когда самъ Олегъ и пришедшіе съ нимъ иноплеменики, послѣ 25-ти лѣтнаго господства на славянскомъ югѣ—въ Приднѣпровьи, безъ сомнѣнія, знали уже языкъ славянскій и мало чѣмъ отличались отъ туземцевъ. О дѣлахъ же Олега съ Русью еще варяжскою, предшествовавшихъ этому походу, о которыхъ, какъ уже замѣчено, говоритъ неизвѣстный авторъ, правитель Греко-Херсонской области, позднѣйшая славянская Русь, какъ видно, не сложила никакихъ легендъ, ни пѣсенъ, ни сказокъ: иначе, нашъ лѣтописецъ, столь тщательно записавшій всѣ другія, дошедшія до него преданія, не преминулъ бы и ихъ также включить въ свою „Повѣсть“, и никакъ не оставилъ бы въ ней такого значительнаго пробѣла, обнимающаго слишкомъ 20 лѣтъ княженія Олега въ Кіевѣ (884—906 г.), ознаменованныхъ обширнѣйшими его завоеваніями. Если жъ объ этихъ завоеваніяхъ (сѣвернаго Черноморья, между Днѣпромъ и Дунаемъ, и земель при Киммерійскомъ проливѣ), достовѣрность которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, не дошло до лѣтописца никакихъ народныхъ преданій и сказокъ, то ихъ, разумѣется, не могло быть и о событіяхъ предшествующей эпохи.

Но если современники Ярослава ничего не знали о варяжской Руси, значить, они также не знали и о варяжскомъ происхожденіи княжеской династіи и не помнили уже ея родоначальника Рюрика,

прапрадѣда Ярославова. Если знали и помнили Игоря, то не странно ли, что не знали отца его? А между тѣмъ, кромѣ внесеннаго въ нашу лѣтопись древняго, современнаго сказанія, имя Рюрика нигдѣ больше не упоминается; слова Олега въ этомъ сказаніи, обращенныя къ Аскольду и Дира, когда вынесли Игоря: „а се есть сынъ Рюриковъ“—представляютъ послѣдній поминъ о Рюрикѣ. Почему же въ послѣдующихъ легендахъ ни Игорьъ нигдѣ не названъ сыномъ Рюрика, ни Святославъ его внукомъ, ни Владиміръ правнукомъ? Почему имя Рюрика, еслибъ оно жило въ народной памяти, не явилось, напримѣръ, хоть въ слѣдующемъ мѣстѣ сказанія о убійствѣ Игоря (Др. 23): „И погребенъ бысть Игорьъ, и есть могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дпс?“ Развѣ здѣсь нельзя было, или послѣ „Игорь“ прибавить: *сынъ Рюриковъ*, или послѣ „и есть могила его“—*сыни Рюрикова*? Даже, кажется, необходимо было почтить память убитаго князя такою замѣткою для указанія, что онъ не только былъ князь, но и сынъ извѣстнаго князя. Вотъ еще другое мѣсто, подъ 970 годомъ, гдѣ мы поставимъ отъ себя въ скобкахъ слова, которыхъ въ немъ какъ будто не достааетъ (Др. 29): „И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ (+ на столъ прадыда его Рюрика), и иде Володимеръ“... и проч. Кромѣ лѣтописныхъ сказаній, имя Рюрика не встрѣчается и въ другихъ извѣстныхъ доселѣ, весьма немногихъ, памятникахъ XI вѣка, и притомъ въ такихъ, въ которыхъ оно еслибы было извѣстно, никакъ не могло бы остаться не упомянутымъ; таковы именно слѣдующія два сочиненія: 1) „Похвала Кагану нашему Владимиру“ митрополита Пларіона, написанная имъ до 1050 года, когда онъ былъ еще пресвитеромъ въ селѣ Берестовѣ, и 2) „Похвала князю русскому Владимиру“ Іакова Мниха, представляющая отчасти подражаніе предыдущему, и слѣдовательно, написанная во второй половинѣ XI вѣка, но раньше „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, авторъ которой, въ числѣ прочихъ источниковъ, какъ видно, пользовался и этою „Похвалою“. Эти панегиристы, упоминая объ отцѣ и дѣдѣ Владиміра, имѣли прямой поводъ и даже непременно обязаны были упомянуть и прадыда его Рюрика, какъ отца Игорева и родоначальника княжеской династіи, тѣмъ болѣе, что первою задачей ихъ, по самому ихъ плану сочиненій, было возвеличить Владиміра указаніемъ на извѣстность и знаменитость его предковъ. Такъ, первый, сказавъ, что всѣ другія страны чтутъ и славятъ своихъ просвѣтителей, продолжаетъ: „Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами—великаа и дивнаа сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашаа земли,

Владимера, внука старшаго Игоря, сына же слазнаго Овяслава, иже, въ своа лѣта владычествующа, мужствомъ же и храбрѣствомъ прослуша въ странахъ многахъ, и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словутъ“¹⁾. Такъ, и Іаковъ Мнихъ ведетъ родословію Владиміра только съ Игоря и Ольги, не упоминая отца Игорева²⁾. Почему-жь они молчатъ о Рюрикѣ?—Конечно потому, что не знаютъ его; никакой другой причины умолчать о немъ, родоначальникѣ династїи, въ родословной его правнука не возможно себѣ и представить. Если-жь эти писатели не знали Рюрика, то разумѣется, ни о немъ, ни о пришедшей съ нимъ изъ-за моря варяжской Руси никакихъ легендъ и преданій не существовало уже въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ. Но неужели и самъ Ярославъ не зналъ имени своего прапрадѣда, отца Игорева? Надо полагать, что не зналъ; потому что, еслибъ оно было ему извѣстно, то не могло бы, кажется, остаться неизвѣстнымъ и Іларіону, который, какъ священникъ въ селѣ Берестовѣ, любимомъ загородномъ мѣстопребываніи Ярослава, и притомъ „мужъ благъ, книженъ и ностникъ“—по выраженію лѣтописца, безъ сомнѣнія, пользовался особеннымъ благорасположеніемъ набожнаго князя и нерѣдко имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ въ то время, когда писалъ свое похвальное слово отцу его, просвѣтителю земли Русской. Или этотъ ученый пресвитеръ, и послѣ митрополитъ, былъ такъ нелюбопытенъ, что, бесѣдуя съ княземъ, не догадался спросить, кто былъ и какъ назывался отецъ Игоревъ, почему и допустилъ въ своей „Похвалѣ“ явный пробѣлъ, представивъ Игоря княземъ безроднымъ, безъ отчества, какъ-бы родоначальникомъ династїи; или что вѣроятнѣе, самъ Ярославъ, какъ и всѣ его современники, ничего не зналъ уже о своемъ прапрадѣдѣ Рюрикѣ.

Если-жь Ярославъ, княжившій при жизни отца довольно долго въ Новгородѣ, и послѣ, во время борьбы съ братьями, неоднократно находившій тамъ убѣжище и помощь, не зналъ Рюрика, то едва ли помнили его и въ самомъ Новгородѣ. Хотя нѣкоторыя извѣстія о Рюрикѣ въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, равно какъ и названія: *Рюриково городище*, подлѣ Новгорода, и *Рюриковъ домъ*, мѣсто котораго указываютъ въ Ладогѣ, и могутъ казаться какъ-бы слѣдами древнихъ сѣверныхъ преданій о первомъ князѣ Новгородскомъ, но вѣроятнѣе, что это—или вымыслы позднѣйшихъ книжниковъ, или только

¹⁾ Прибавл. къ теор. св. отцовъ, II, стр. 239.

²⁾ Христ. Чтеніе 1849 г., II, стр. 317 и 327.

гадательныя воспоминанія, вызванныя въ послѣдствіи появленіемъ „По-вѣсти“ Нестора, подобно тому, какъ и Кіевское преданіе объ отдѣльныхъ могилахъ Аскольда и Дира (см. выше Объясн. 13). По крайней мѣрѣ, трудно предполагать, чтобы прибытіе князей и Руси — не народа, а дружины — изъ-за моря отъ Варяговъ, могло долго сохраниться въ памяти нашихъ сѣверныхъ племенъ, для которыхъ оно было явленіемъ мимолетнымъ, какъ-бы метеоромъ, промелькнувшимъ только передъ ихъ глазами и пронесшимся далѣе на югъ, въ Приднѣпровье, гдѣ и раскрылись потомъ его великія послѣдствія. Еслибы послѣ Рюрика потомки его продолжали княжить въ Новгородѣ, то они уже однимъ своимъ присутствіемъ необходимо напоминали бы народу о своемъ предкѣ, да и сами не могли бы забыть его, оставаясь на мѣстѣ его княженія, подлѣ его могилы; по сыну Рюриковъ, младенцемъ увезенный въ Кіевъ, не помнилъ своего отца; о томъ же, что отецъ его, до призванія на престолъ Новгородскій, былъ атаманомъ шайки варяжскихъ пиратовъ, Игорь, можетъ быть, и въ послѣдствіи никогда не слыхивалъ, ибо для него, князя славянской Руси, властителя обширнаго государства славянскаго, такое воспоминаніе было слишкомъ не лестно. Вѣроятно, онъ мало заботился и о своей Новгородской отчинѣ, которою управляли его намѣстники или посадники. Такъ было и при Святославѣ, который еще въ колыбели получилъ отъ отца это наслѣдіе, но какъ видно, не дорожилъ имъ. Передъ своимъ послѣднимъ походомъ въ Болгарію, онъ, по просьбѣ Новгородцевъ, отпустилъ къ нимъ на княженіе малолѣтняго сына своего Владиміра, который и былъ, вѣроятно, первый изъ Рюриковичей, дѣйствительно сидѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на Новгородскомъ престолѣ (970—978 гг.). Но до начала его княженія отъ смерти Рюрика (879 г.) прошло безъ малаго столѣтіе, и если въ это время въ Новгородѣ и помнили еще Рюрика, то о родствѣ съ нимъ новаго князя, призваннаго изъ Кіева отъ славянской Руси, вѣроятно, имѣли уже смутное представленіе; о братьяхъ же Рюрика, умершихъ тотчасъ послѣ прибытія изъ-за моря, безъ сомнѣнія, ничего уже не помнили, равно какъ и о варяжской Руси, ушедшей съ Олегомъ, и уже съ того времени, какъ бы пропавшей безъ вѣсти для сѣвера; ибо происхожденіе изъ этой горсти пришельцевъ многочисленной Руси славянской, какъ явленіе, незамѣтно и быстро совершившееся, не могло быть доступно понятіямъ народа. Слѣдовательно, и на сѣверѣ, въ Новгородѣ, даже и въ исходѣ X вѣка, при началѣ христіанства и грамотности, едва ли помнили еще о прибытіи первыхъ князей и

Руси отъ заморскихъ Варяговъ. Если-жь и существовали еще какія-либо темныя и смутныя преданія объ этомъ фактѣ и обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, то изъ подобныхъ преданій лѣтописцу, даже въ исходѣ X или въ началѣ XI вѣка, ни коимъ образомъ не возможно было сложить такое правдивое, безпристрастное, и притомъ, логически-стройное, ясно и систематически изложенное сказаніе о цѣломъ рядѣ фактовъ, какое, по исключеніи всѣхъ позднѣйшихъ наростовъ, оказывается въ возстановленномъ текстѣ нашей лѣтописи,—сказаніе, въ которомъ нѣтъ ничего баснословнаго, ничего такого, что указывало бы на его позднѣйшее происхождение изъ народныхъ, устныхъ преданій, изъ легендъ, пѣсенъ или сказокъ, а есть, напротивъ, ясныя и несомнѣнные признаки того, что оно принадлежитъ перу современника и очевидца Кіевской катастрофы 881 года и представляетъ вполне обстоятельную историческую реляцію объ этомъ событіи, написанную для византійскаго правительства въ исходѣ IX вѣка, вѣроятно, въ 884 году, то-есть, при самомъ началѣ войны Олега съ Ульцами и Тивьрьцами.

Мы уже неоднократно встрѣчались въ этомъ сказаніи съ такими выраженіями, которыя въ авторѣ его обличаютъ современника, коротко знакомаго съ ходомъ описываемыхъ имъ событій. А что этотъ авторъ-современникъ не лѣтописецъ, что онъ описываетъ событія не для того, чтобы только сообщить о нихъ современникамъ и потомству, а имѣетъ въ виду свою особую цѣль,—видно по самому содержанию его повѣствованія, и впервыхъ, по его началу. Но это начало, не понятое Несторомъ и потому пострадавшее въ его передачѣ, необходимо сперва возстановить, доказавъ логическую необходимость и законность воссоединенія фразы подъ 6360 годомъ съ разказомъ о Варягахъ подъ 6367 годомъ, какъ частей, неразрывно соединенныхъ между собою въ первоначальномъ сказаніи, но оторванныхъ другъ отъ друга при внесеніи этого сказанія въ лѣтопись.

Свое хронологическое повѣствованіе о Руси, или собственно такъ-называемую „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ Несторъ начинаетъ такъ: „Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, и нача ся прозывати Руская земля“. Здѣсь годъ и индиктъ принадлежатъ, разумѣется, самому Нестору, который съ этого года — съ его „перваго лѣта Михаила“, — какъ онъ самъ ниже говоритъ, начинаетъ ставить числа „по ряду“. Но ему ли принадлежитъ, то-есть, имъ ли самымъ впервые написана фраза, стоящая подъ этимъ годомъ? Хотя онъ въ слѣдующемъ затѣмъ, несомнѣнно ему принадлежащемъ, объ-

ясненіи, какъ-бы самъ присвоиваетъ себѣ эту фразу, говоря: „О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ“; но это объясненіе ровно ничего не объясняетъ: изъ того, что лѣтописецъ греческій, продолжатель Георгія Амартола, при описаніи царствованія Михаила, повѣствуетъ о первомъ нашествіи Руси на Царьградъ, не опредѣляя времени этого событія и вовсе не упоминая даже названія *Русская земля*, Нестору никоимъ образомъ не возможно было не только *увѣдать*, по даже и догадаться, что это названіе началось именно въ 6360 году, индикта 15, когда Михаилъ, будто бы, началъ царствовать. Если онъ даже допустилъ, положимъ, вѣроятную догадку, что эти Русь, приходившіе на Царьградъ, то-есть, Аскольдъ и Диръ, которые, по его собственному показанію, „придоша въ 14-е лѣто Михаила царя“, выступили въ походъ изъ страны, имъ принадлежавшей и называвшейся уже по ихъ имени Русью или Русскою землею (чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не было), то и въ такомъ случаѣ онъ могъ заключить только, что при Михаилѣ, и притомъ до его 14-го лѣта, названіе *Русская земля* уже существовало; а что оно началось ровно за 14 лѣтъ до этого похода Руси, то-есть, въ томъ самомъ году, когда Михаилъ началъ царствовать,—этого онъ по собственному умозаключенію ни откуда не могъ вывести. Къ тому же, и самая фраза: „паченію Михаилу царствовати, и пача ся прозывати Руская земля“, въ той обстановкѣ, въ какой она стоитъ въ „Повѣсти“ Нестора, явно неудовлетворительна въ логическомъ отношеніи, ибо невольно вызываетъ въ читателѣ слѣдующій вопросъ: какая именно земля и отчего, по какому поводу, или вслѣдствіе какого событія стала прозываться Русскою землею съ того времени, какъ Михаилъ началъ царствовать? Какую же страну подъ именемъ Русской земли разумѣлъ, по крайней мѣрѣ, Несторъ въ этой фразѣ, очевидно, не ему принадлежащей, а списанной откуда-то? Судя по его смыслу на сказаніе лѣтописца греческаго о первомъ походѣ Руси на Царьградъ, надо полагать, что онъ разумѣлъ именно ту страну, откуда этотъ походъ былъ предпринятъ, то-есть, землю Полянскую. Несторъ, повидимому, имѣлъ основаніе полагать, что Полянская земля, которая впослѣдствіи всегда называлась по преимуществу Русскою землею, получила это новое имя уже съ 6360 года. Во-первыхъ, онъ зналъ изъ замѣтки въ древней пасхальной таблицѣ, несомнѣнно принадлежавшей къ числу его источниковъ, что въ этомъ году въ Кіевѣ впервые появились Русь, то-есть, Аскольдъ

и Диръ „съ родомъ своимъ“; далѣе, въ древней официальной реляціи онъ нашель, что эти первые представители Руси, оставшись въ Кіевѣ, „начаста владѣти Полянскою землею“, и въ томъ же источникѣ нашель еще другое показаніе, что Олегъ, идя на Кіевъ, „увѣда, яко Аскольдъ и Диръ княжита“. На основаніи этихъ данныхъ, Несторъ естественно долженъ былъ заключить, что Аскольдъ и Диръ уже съ самаго начала сдѣлались князьями Кіевскими, самостоятельными владѣтелями земли Полянскоѣ, какъ своего государства, которое, слѣдовательно, и называлось уже Русскою землею. Тѣмъ не менѣе, это заключеніе ошибочное. Аскольдъ и Диръ, съ своею малою дружиною, никакъ не могли быть завоевателями Кіева, не могли силою отнять Кіевъ и Полянскую землю отъ Хазаръ, въ то время еще могущественныхъ; да и въ самомъ разказѣ современнаго автора объ ихъ водвореніи въ Кіевѣ нѣтъ даже и намёка на завоеваніе, на какія-либо враждебныя дѣйствія ихъ противъ Хазаръ или ихъ данниковъ. Они проѣздомъ остановились подъ Кіевомъ, и узнавъ, что жители его платятъ дань Хазарамъ, „остаа въ градѣ семъ“, — *остались*, конечно, потому, что ихъ оставили, то-есть, упростили остаться на службѣ у туземнаго князя и защищать его землю отъ враждебныхъ сосѣдей. Усиливъ свою дружину, они начали владѣти Полянскою землею, но владѣти не своимъ именемъ, а именемъ князя, какъ его воеводы или намѣстники. Если-жъ они во время похода Олега и княжили въ Кіевѣ, то вѣдь это было уже тридцать лѣтъ спустя послѣ ихъ прибытія, и такъ какъ Олегъ только на пути узналъ о томъ, что они княжатъ, то ясно, что они не задолго предъ тѣмъ только и сдѣлались князьями, а прежде не княжили. Слѣдовательно, отъ ихъ, очевидно, мирнаго водворенія въ Кіевѣ земля Полянская никакъ не могла прозваться Русскою землею; это названіе она получила только вслѣдствіе занятія Кіева Олегомъ, съ 881 года.

Но если не Полянская земля и не отъ прибытія въ Кіевъ Аскольда и Дира, то какая же другая земля и отчего стала прозываться Русскою землею въ началѣ Михайлова царствованія? Безъ сомнѣній, та, о которой ниже, вслѣдъ за извѣстіемъ о водвореніи пришедшихъ изъ-за моря князей въ Ладогѣ, Бѣлоозерѣ и Изборскѣ, говорится повторительно: „и отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Руская земля“. Этою фразой авторъ древней реляціи оканчиваетъ свой разказъ о Варягахъ, которые, приходя изъ заморья (отъ того *находники*), брали дань съ Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей, которые по томъ были изгнаны возставшими данниками, и отъ которыхъ, назо

пецъ, чрезъ отправленное къ нимъ— „къ Варягомъ къ Руси“ — посольство, призваны были ихъ бывшими данниками на княженіе три брата, приведшіе съ собою „всю Русь“, или всѣхъ Варяговъ, называвшихся Русью. „И вотъ отъ тѣхъ-то Варяговъ находниковъ“, заключаетъ авторъ, „земля ихъ финскихъ и славянскихъ данниковъ, какъ принадлежавшая имъ — Варягамъ-Руси, по праву завоеванія, *прозвася Руская земля*“. Очевидно, стало быть, что къ этому же разказу о Варягахъ, какъ его совершенно естественное, логическое начало, должна была принадлежать первоначально и фраза: „наченшю Михаилу царствовати, и нача ся прозывати Руская земля“, — фраза, которая въ связи съ этимъ разказомъ ясно указываетъ, что земля пяти сѣверныхъ племенъ стала прозываться Русскою землею не со времени прибытія князей и не отъ того, что теперь съ князьями пришли Варяги-Русь, а раньше, именно въ началѣ царствованія Михаила, и оттого именно, что уже въ то время Варяги-Русь, приходя изъ заморья, брали дань съ ея обитателей, какъ съ своихъ подданныхъ. Итакъ, мы имѣемъ законное право возстановить между этою фразой и разказомъ о Варягахъ-находникахъ ту логическую связь, въ которой они должны были стоять первоначально, и право это оказывается тѣмъ болѣе законнымъ, что слова разказа: „Имаху дань Варязи, приходяще изъ заморья на Чуди“ и проч. вовсе не идутъ ни къ стоящему передъ ними 6367-му, ни къ другому какому-либо году; ибо они не могутъ быть приняты въ томъ смыслѣ, будто въ этомъ году Варяги впервые пришли изъ-за моря, и покоривъ названныя племена, *начали* взимать съ нихъ дань: гл. *имаху* вида не совершеннаго, прошедш. вр. *взимали, брали, собирали*, выражаетъ дѣйствіе не однажды совершившееся, а обыкновенно совершавшееся, повторяясь чрезъ извѣстные промежутки, то-есть, дѣйствіе учащающееся, точно также и причаст. *приходяще*. Если Варяги въ 6367 году приходили и брали дань съ Чуди, Славянъ и проч., то вѣдь они дѣлали то же самое и прежде, и послѣ этого года, до ихъ изгнанія; къ чему же было упоминать объ этомъ обычномъ, неоднократно повторявшемся дѣйствіи только подъ однимъ означеннымъ годомъ? Очевидно, что этотъ годъ поставленъ не кстатѣ, что здѣсь первоначально должна была стоять какая-то общая фраза, указывавшая время или эпоху, съ которой началось господство Варяговъ-Руси на славяно-финскомъ сѣверѣ, а слѣдовательно, и названіе этой страны Русскою землей. А нужно ли еще искать и отгадывать, какая именно фраза долженствовала стоять здѣсь, когда нѣсколько выше въ „По-

вѣсти“ Нестора находится фраза, очевидно ему не принадлежащая и имъ непонятая, и потому не кстати поставленная подъ 6360 годомъ, и столько же не кстати снабженная явно не идущею къ дѣлу и ничего не объясняющею ссылкой на лѣтописца греческаго,—фраза, которая сама, такъ-сказать, просится вопъ изъ данной обстановки, чтобы встать передъ разказомъ о Варягахъ-находникахъ, вполне удовлетворительно ее объясняющимъ и ею взаимно объясняемымъ?

Итакъ, очевидно и несомнѣнно, что древній намятникъ, служившій источникомъ лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси, начинался именно такъ: „Наченію Михаилу царствовати и нача сѣ прозывати Руская земля; *въ се бо время* имаху дань Варизи, приходяще изъ заморья, на Чуди“ и проч. Значить, Несторъ разорвалъ это начало на части, то-есть, первую фразу, уничтоживъ ея связь съ поясняющимъ ее разказомъ, поставилъ подъ 6360 годомъ, а разказъ отнесъ къ 6367-му и къ слѣдующимъ годамъ. Почему же, спрашивается, онъ такъ распорядился съ своимъ источникомъ? Потому, что со времени написанія этого источника до внесенія его въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ миновали два вѣка слишкомъ, въ продолженіе которыхъ, какъ говорится, „много воды утекло“, многое или изчезло, или совершенно измѣнилось; измѣнились и понятія, и воззрѣнія историческія; самыя слова и выраженія, имена земель и народовъ припали другое значеніе. Выраженіе „наченію Михаилу царствовати“, имена „Русская земля“ и „Варязи“ имѣли въ историческомъ отношеніи уже совсѣмъ другой смыслъ для Нестора, чѣмъ для автора его источника. Последній, какъ современникъ, зналъ заповидно, когда началъ царствовать Михаилъ, и долго ли онъ царствовалъ, зналъ также, что обширная территория пяти сѣверныхъ племенъ не за-разъ, не въ одинъ годъ, была покорена Варягами (Varingar), состоявшими на службѣ у Руси, и слѣдовательно, не въ одинъ годъ утвердилось за нею и названіе *Руская земля*. Посему, говоря: „наченію Михаилу царствовати“, онъ никакъ не могъ разумѣть одинъ только годъ вступленія на престолъ Михаила, а разумѣлъ вообще начальныя годы его почти 26-ти лѣтняго царствованія, къ каковымъ легко могъ отчислить первые семь или восемь лѣтъ изъ 26-ти, то-есть, періодъ времени съ 842 до 850 годовъ, и къ этому-то времени онъ, по всей вѣроятности, и относилъ покореніе Варягами-Руси пяти сѣверныхъ племенъ и распространеніе на ихъ страну имени Руская земля. Между тѣмъ, Несторъ, принявъ по ошибочнымъ хронологическимъ даннымъ за начало царствованія Михаила исходъ 6360-го мартовскаго года отъ С. М.

(начало январьскаго 852 года отъ Р. Х.), приставилъ къ этому году начальную фразу автора своего источника, и такимъ образомъ, придалъ ей уже совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. Главное же, въ чемъ онъ не могъ не разойтись въ понятіяхъ съ современнымъ авторомъ, — это значеніе имени: *Русская земля, Варяги и Русь*.

Мы уже видѣли, что Несторъ подъ именемъ Руси или Варяговъ-Руси, обитавшихъ за моремъ и оттуда пришедшихъ къ намъ вмѣстѣ съ вязыми, разумѣлъ особый народъ варяжскаго или скандинавскаго племени, и что имя *Варяги* въ его время было обще-племеннымъ названіемъ всѣхъ скандинавскихъ народностей, цѣлаго отдѣльнаго колѣна Іафетова; между тѣмъ какъ въ его древнемъ источникѣ „Варяги“ употребляется или какъ *служебное* имя, въ его первоначальномъ, коренномъ значеніи отъ *Varingar*—защитники, охранители, стражники, или какъ *племенное* названіе у Славянъ, равное финскому *Ruossi*, то-есть, означающее не всѣхъ Скандинавовъ, а только Шведовъ, обитателей восточной части Скандинавскаго полуострова; имя же Русь, по смыслу древняго памятника, очевидно, означаетъ не народъ, не племя, а сборную дружину, которую—„всю Русь“—князья привели съ собою изъ-за моря, и которая, утвердившись съ Олегомъ въ Кіевѣ, быстро разрослась въ многочисленную и сильную военную корпорацію, господствовавшую, съ княземъ во главѣ, надъ всею покоренною странюю.—Мы видѣли также, что древній авторъ подъ именемъ Русской земли разумѣлъ страну Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей, какъ покоренную оружіемъ Варяговъ-Руси, или *Varing'ovъ* — дружинниковъ, состоявшихъ на службѣ у Руси. Но это названіе могло принадлежать странѣ пяти сѣверныхъ племенъ только до тѣхъ поръ, пока въ ней, именемъ Руси, хозяйничали заморскіе Варяги; когда же названныя племена изгнали своихъ властителей и сдѣлались независимыми, то и земля ихъ, какъ племя, неподвластныхъ Руси, не могла уже болѣе называться Русскою землею. И хотя вскорѣ потомъ эти племена, вслѣдствіе возникшихъ между ними раздоровъ и междоусобій, и принуждены были обратиться опять къ тѣмъ же Варягамъ-Руси и призвать отъ нихъ князей для установленія порядка, но они призвали не прежнихъ своихъ властителей, не тѣхъ вассаловъ Руси, которые были изгнаны, а ихъ верховныхъ господъ, *сюзереновъ*, то-есть, самихъ князей Руси, и призвали, притомъ, по своей волѣ, на основаніи договора, какъ племена свободныя. Слѣдовательно, этимъ актомъ, обоюднo-добровольнымъ, прежнія права Руси, основанныя на завоеваніи, не возобновлялись и призванные князья, три

брата, не имѣли ни права, ни повода считать землю племенъ, ихъ призвавшихъ, своею собственностію и назвать Русскою землею; напротивъ, они сами были князьями этихъ племенъ по договору, и въ первое время, вѣроятно, назывались по городамъ въ которыхъ сидѣли, то-есть, одинъ былъ князь Ладожскій, другой — Бѣлоозерскій, а третій — Изборскій. Когда же Рюрикъ, по смерти младшихъ братьевъ, остался единовластителемъ и утвердилъ свой столъ въ Новгородѣ, то онъ былъ уже князь *Новгородскій*, государь Новгородскаго княжества, съ властію, вѣроятно, ограничеиною, но наслѣдственною для его династіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и князь *Русскій*, какъ военачальникъ дружины Русь, пришедшей къ намъ съ князьями изъ заморья. Пребывая въ мирное время при князѣ въ Новгородѣ, эта дружина продолжала владѣть своими прежними завоеваніями по Балтійскому морю и уже отъ насъ ходила за данью за море — въ Финляндію, въ Эстонию и въ другія страны, и въ то же время, оружіемъ пріобрѣтала себѣ и князю новыхъ данниковъ: покорила Полотскъ, Ростовъ и Муромъ, которые Рюрикъ, съ согласія дружины, и роздалъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ. Если же въ числѣ такихъ ровданнихъ городовъ упомянуто и Бѣлоозеро, которое, какъ средоточіе Веси, участвовавшей въ призваніи князей и признавшей своимъ княземъ Синеуса, должно было бы, по смерти этого князя, принадлежать не къ Русскимъ владѣніямъ, а къ княжеству Новгородскому, то надо полагать, что этотъ городъ оказался въ распоряженіи дружины Русь и вождя ея вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, намъ неизвѣстныхъ. Можетъ быть, Бѣлоозерцы, недовольные зависимостію отъ отдаленнаго князя Новгородскаго, возмутились противъ его посадника, и вмѣстѣ съ ближайшими къ нимъ восточными поколѣніями Веси, отложились отъ Новгорода; по скорѣ, какъ нарушители договора, заключеннаго съ призванною династіей, были покорены Рюрикомъ и Русью, почему страпа ихъ и вошла, по праву завоеванія, въ составъ земли Русской, и осталась навсегда подъ русскою властію. Городами же и волостями своего Новгородскаго княжества Рюрикъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ права распорядиться по своей волѣ, не могъ раздавать ихъ во владѣніе мужамъ своимъ, ибо эти волости не были завоеваны Русью, а потому и не назывались собственно Русскою землею, ни при Рюрикѣ, ни при его преемникахъ, хотя и составляли всегда отчину князей Русскихъ, наслѣдственное владѣніе Рюриковой династіи. Несторъ называетъ ихъ Новгородскою землею, а Русскою — всѣ прочія владѣнія дома Ярославова, и по пре-

имуществу область Кіевскую. Такъ, въ сказаніи о путешествіи Ольги въ Новгородъ онъ именно различаетъ Русскую землю отъ Новгородской, говоря: „и ловища ея (Ольги) суть и до сего дне по всей земли *Русьстѣй* и *Новгородстѣй*, знаменья же и мѣста и погосты“¹⁾. То же различіе Русской земли отъ Новгородской видимъ и у Константина Багрянороднаго; говоря (de adm. imp. ed. Вонп. р. 74), что „ладіи Руссовъ, приходящія въ Константинополь *изъ за-Русіи* (ἀπὸ τῆς ἔξω Ρωσίας), выходятъ изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ Святославъ, сынъ Игоря Русскаго князя“, онъ помѣщаетъ Новгородъ, очевидно, не въ Русской землѣ, а внѣ ея, въ другомъ владѣніи, гдѣ, впрочемъ, княжилъ сынъ Русскаго князя, и гдѣ жили, по его понятію, тѣ же Русь, то-есть, Варяги, которыхъ онъ, какъ уже замѣчено, не отличалъ отъ Руси. Наконецъ, и по первому договору Олега съ Греками (906 г.), Новгородъ — не русскій городъ, ибо онъ не упомянутъ въ перечнѣ тѣхъ *русскихъ городовъ*, въ которыхъ „сѣдлаху князи величїи подѣ Ольгомъ суще“, и на которые Олегъ потому и вытребовалъ отъ Грековъ *уклады*; а онъ долженъ бы стоять въ этомъ перечнѣ, по старшинству послѣ Кіева, еслибы считался русскимъ городомъ. Стало быть, Русская земля при Рюрикѣ состояла изъ окружавшихъ его Новгородское княжество варяго-русскихъ завоеваній, изъ земель чисто-финскихъ, кромѣ Полотской области, и это *Финно-Русское* государство, до занятія Олегомъ Кіева, не имѣло даже своего собственнаго государственнаго средоточія. Такимъ средоточіемъ, первою столицею Руси, государства *Славяно-Русскаю*, явился только Кіевъ, мать городовъ русскихъ, почему и настоящимъ основателемъ этого государства слѣдуетъ признать Олега, а временемъ его основанія — лѣто 881 года, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, сказалъ: „се буди мати градомъ русьскимъ“ (значить, и тысячелѣтіе Россіи еще впереди). Рюрикъ же, утвердивъ свой столъ въ Новгородѣ и доставивъ тѣмъ преобладаніе Славянамъ надъ прочими племенами, участвовавшими въ призваніи князей, особенно же надъ Чудью, игравшею въ этомъ дѣлѣ, какъ видно, первую роль, положилъ основаніе собственно только Новгородскому княжеству—государству, хотя и подвластному русскимъ князьямъ, но не Русскому, а Финно-Славянскому.

¹⁾ Первоначальный текстъ этого сказанія, испорченный во всѣхъ спискахъ лѣтописей, восстановленъ изъ разночтеній въ 1-й части нашего Опыта (см. «Отчетъ о 14-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова», стр. 98), при чемъ чтеніе списковъ Патриаршей лѣтописи, по логическимъ соображеніямъ, оказалось наиболѣе близкимъ къ утраченному подлиннику Нестора.

Итакъ, если Несторъ подъ именемъ Русской земли разумѣлъ, какъ уже сказано, землю Поляпскую съ Кіевомъ, а имя „Варязи“, не зная его первоначальнаго значенія, какъ имени служебнаго, принималъ за общее, племенное названіе всѣхъ Скандинавовъ, то естественно, что истинный смыслъ и связь двухъ первыхъ логическихъ предложеній древняго памятника должны были казаться ему непонятными и невозможными. Не смотря на настоятельную необходимость и неизбѣжность между ними связи винсловной, выраженной фразою: *въ се бо время*, какъ единственно возможною, онъ никакъ не могъ допустить такой связи; частица *бо* въ этой фразѣ, какъ ясно ни была бы она написана, должна была показаться ему опискою вмѣсто *же*, такъ какъ онъ, согласно съ своими понятіями, кромѣ связи современности, никакой другой не могъ мыслить между этими предложеніями, почему и призпалъ возможнымъ отдѣлить ихъ другъ отъ друга и поставить подъ особыми годами; тѣмъ болѣе, что это было даже необходимо для него, по самому плану и цѣли его сочиненія. Поставивъ себѣ задачей написать „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, то-есть, хронологическую лѣтопись, съ непрерывнымъ рядомъ годовъ отъ начала Русской земли до своего времени и съ описаніемъ подъ каждымъ годомъ того, что въ немъ случилось, Несторъ никакъ не могъ включить въ свою „Повѣсть“ цѣликомъ всю реляцію о Кіевской катастрофѣ, обнимающую, по его собственной хронологіи, періодъ времени въ 33 года и написанную не въ лѣтописной формѣ. Ему необходимо было разбить ее на отдѣльные сегменты и поставить между ними годы отъ С. М., ибо иначе онъ не могъ бы отъ своего „Перваго лѣта Михайлова“ пачать ставить числа, то-есть, годы „по ряду“, и не могъ бы помѣстить ни своей хронологической таблицы „отъ Адама“, ни извѣстій, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ, о нѣкоторыхъ событіяхъ болгарскихъ и византійскихъ, современныхъ съ извѣстіями о Руси. И если онъ, какъ мы уже видѣли (Объясн. 9), раздѣлялъ два предложенія своего источника, въ которыхъ говорится о рожденіи Игоря и смерти Рюрика, и которыя, по самому ихъ содержанію, должны слѣдовать одно за другимъ непосредственно; если онъ не затруднился вставить между этими предложеніями цѣлый рядъ годовъ, съ разными извѣстіями изъ византійской хроники и паскальной таблицы, и совершенно уничтожить, такимъ образомъ, связь между ними, которая, по самому выраженію объ Игорѣ при кончинѣ Рюрика: „бѣ бо дѣтескъ велми“, не могла не быть очевидна для него, — то тѣмъ менѣе могъ онъ затрудниться

оторвать начало своего источника отъ его продолженія, такъ какъ здѣсь и логическая связь, имъ очевидно не понятая, не могла служить помѣхою.

Итакъ, ужъ это начало, первая фраза древняго памятника, несомнѣнно свидѣтельствуешь, что авторъ его писалъ хотя и по-славянски или по-русски, но не для Русскихъ, а для Грековъ, для греческаго правительства. Ибо только Грекамъ въ царствованіе Василя Македонянина, пресмника Михаилова, выраженіе: „наченши Михаилу царствовати“—было вполне достаточнымъ и яснымъ указаніемъ времени, когда началось названіе *Русская земля*; для русскихъ же читателей оно явно неудовлетворительно, и авторъ, имѣя въ виду послѣднихъ, не могъ бы предположить, что они знаютъ, кто этотъ Михаилъ, когда и гдѣ онъ царствовалъ. Даже и сподвижники Аскольда и Дира могли развѣ только догадываться по этому выраженію, что упоминаемый въ псмѣ Михаилъ долженъ быть тотъ царь, при которомъ они ходили на Царьградъ и потомъ приняли крещеніе; полагать же, что они знаютъ, когда этотъ Михаилъ началъ царствовать, — авторъ не имѣлъ права. Слѣдовательно, пиша для Русскихъ, онъ непременно долженъ былъ бы употребить болѣе понятное для нихъ указаніе времени ¹⁾. Кромѣ того, для русскихъ читателей онъ

¹⁾ Вотъ почему и Песторъ, понимая, что удержанная имъ начальная фраза его источника не представляетъ достаточно яснаго указанія времени для его читателей, призналъ необходимымъ опредѣлить начало царствованія Михаила годомъ и индиктомъ. И не его вина, конечно, что показанный имъ годъ исторически не вѣренъ. Полагаясь на непогрѣшимость своего источника, онъ съ полною увѣренностію принялъ 6360 годъ за истинное начало Михаилова царствованія, и для доказательства, что этотъ годъ совершенно вѣренъ, привелъ и самыя числовыя показанія, изъ которыхъ онъ выведенъ, то-есть, хронологическую таблицу «отъ Адама» по главнымъ эпохамъ или періодамъ «до Михаила сего». Общая сумма всѣхъ 9-ти чиселъ этой таблицы, по подлинной рукописи Пестора, непременно должна была составлять 6360 лѣтъ, что, конечно, не выходитъ теперь, по нашимъ спискамъ, въ которыхъ многія числа испорчены. Эту таблицу Песторъ, вѣроятно, не самъ составилъ, а нашелъ уже готовую въ такъ-называемомъ «Лѣтописцѣ въскорѣ» (*Χρονογραφία σύντομος, Chronographia compendiaria*), приписываемомъ патриарху Никиѳору II († 829 г.). Хотя въ двухъ дошедшихъ до насъ славянскихъ редакціяхъ этого «Лѣтописца въскорѣ» (одна въ «Прилож.» къ 1-му т. Полн. собр. лѣт., стр. 248—252, другая передъ «Патріархскою лѣтописцею», въ Полн. собр. лѣт. т. IX, стр. XVI—XXII) нѣтъ краткой таблицы, подобной таблицѣ Пестора, но во многихъ греческихъ спискахъ хронографіи Никиѳора, и между прочими въ Іенскомъ спискѣ (*Cod. Jenensis*), подлинномъ *Κρονογραφία* (*Nicephori Chronographia brevis. Partic. I et II. Gissae.*

не могъ бы начать разказа прямо, ex abrupto, извѣстіемъ о взаимнѣи дани Варягами—съ сѣверныхъ и Хазарами—съ южныхъ племенъ, не объяснивъ, кто были эти заморскіе Варяги, когда и откуда именно они впервые явились и какъ покорили обширную страну своихъ дан-

1832—1838, in 4°), равно какъ и въ латинскомъ переводѣ ся у Анастасія Библиотекаря, вслѣдъ за подробною хронологіей, помѣщена еще, извлеченная изъ нея, краткая хронологическая таблица, въ которой время отъ Адама до Θεοφιλου подраздѣлено по тѣмъ же главнымъ эпохамъ и на тѣ же періоды, какъ и въ таблицѣ Нестора. Сходство краткой таблицы Никифора—греческой по Креднеру и латинской по Анастасію, съ таблицею Нестора указано отчасти, посредствомъ сопоставленія изъ нихъ нѣкоторыхъ чиселъ, въ «Замѣчаніяхъ» А. А. Куника къ статьѣ М. II. Поюдина: «Г. Гедеоновъ и его система» (Прилож. къ VI т. Зап. Имп. Ак. Наукъ, стр. 67). По втому сходству можно съ вѣроятностію заключить, что у Нестора былъ славянскій переводъ Никифорова «Лѣтописца въскорѣ», съ такою же точно краткою таблицею, которую онъ и внесъ почти буквально въ свою «Повѣсть». Это подтверждается еще и тѣмъ въ особенности, что тѣ же самыя ошибки, послѣдствіе которыхъ Несторъ долженъ былъ принять 6360 годъ за начало царствованія Михаила, оказываются и въ таблицѣ Никифора, и именно въ послѣднемъ ея періодѣ, то-есть, по Креднеру: 'Από δὲ Κωνσταντίνου ἕως Θεοφίλου, ἰνδίκτ-ε', ἔτη φλ'. 'Ομοῦ ἔτη στν', а по Анастасію: A b. Constantino usque ad Theophilum indict. 5, anni 530. Summa anni 6348.—Здѣсь «ἕως Θεοφίλου—usque ad Theophilum» выраженіе не точно, подъ которымъ непременно должно разумѣть: *до Теофила исключительно*, или до смерти Θεοφιλου; именно потому, что предыдущая подробная таблица оканчивается Θεοφιломъ, съ указаніемъ числа лѣтъ его царствованія, то-есть, смертію его, а въ другихъ спискахъ продолжена еще дальше; значитъ, и изъ краткой таблицы не было причины выключать годы царствованія Θεοφιλου, тѣмъ болѣе, что вступленіе его на престолъ ни въ какомъ смыслѣ не составляло эпохи, которою можно было бы окончить періодъ; между тѣмъ, какъ смерть втого послѣдняго императора-иконоборца дѣйствительно была эпохою, весьма важною въ исторіи какъ восточной церкви, такъ и самой имперіи. Притомъ же и виднѣтъ 5-й, и годъ отъ С. М. 6350 ясно указываютъ, что авторъ краткой таблицы, кто бы онъ ни былъ—только, конечно, не патриархъ Никифоръ—окончилъ ее смертію Θεοφιλου. Слѣдовательно, у него «ἕως Θεοφίλου» собственно не ошибки, а только неточность выраженія, подавшая поводъ къ недоразумѣнію. Дѣйствительная же ошибка оказывается въ числѣ лѣтъ φλ' = 530, гдѣ пропущена числовая буква ρ' = 2, и пропускъ этотъ, какъ видно, появился уже въ древнѣйшихъ греческихъ спискахъ; по крайней мѣрѣ, онъ былъ уже въ томъ спискѣ, съ котораго Хронографіи Никифора около 872 года была переведена на латинскій языкъ, ибо, очевидно, затрудняя переводчика, который, вмѣсто того, чтобы къ числу лѣтъ послѣдняго періода—530 прибавить 2, уменьшилъ 2-мя общую сумму лѣтъ отъ Адама до Θεοφιλου, то-есть, поставилъ «Summa anni 6348», вмѣсто 6350. Если же ни переводчикъ Анастасій, ни ученые издатели Хронографіи Никифора, ни Кругъ, ни другіе ученые, разсуждавшіе о первомъ хронологическомъ показаніи нашей

никовъ. Полагать же, что явленія, предшествовавшія вниманію дани, были неизвѣстны ему, невозможно; ибо, читая этотъ сжатый, но ясный, и очевидно, правдивый разказъ о сѣверныхъ событіяхъ, какъ-то певольно чувствуешь, что авторъ его, или тотъ, со словъ котораго онъ записалъ, знаетъ гораздо больше, чѣмъ говоритъ, что онъ о всѣхъ этихъ событіяхъ, до послѣднихъ годовъ Рюрикава княженія, съ намѣреніемъ упоминаетъ только въ краткомъ очеркѣ, какъ-бы въ прологѣ, необходимомъ для уразумѣнія той драмы, которая въ 881

лѣтописи, не могли открыть, гдѣ именно скрывается источникъ ошибки (хотя, какъ видно, «ларчикъ просто открывался»), то можно ли требовать, чтобы Несторъ, имѣя подъ рукою, вѣроятно, одинъ только списокъ «Лѣтописца въскоря», могъ догадаться, что въ немъ выраженіе «до Θεοφιλῶ» значитъ *до смерти Θεοφίλου*, и что, вмѣсто числа 530, должно быть 532? Естественно, что онъ, полагаясь на показаніе патріарха Никифора, что отъ Константина *до Θεοφίλου* лѣтъ 530, прибавилъ къ этому числу еще 12 лѣтъ царствованія Θεοφίλου, и въ послѣднемъ періодѣ своей таблицы написалъ: «отъ Константина же до Михаила сего лѣтъ 542». Сложивъ же числа лѣтъ: отъ Адама до Р. X., отъ Р. X. до Константина и отъ Константина до Михаила, то-есть 5500 + 318 + 542, онъ долженъ былъ съ полною увѣренностію принять сумму ихъ—6360 лѣтъ отъ Адама за годъ вступленія на престолъ Михаила.

Еслибы Несторъ, усомнившись почему-либо въ непогрѣшимости показанія патріарха Никифора, пожелалъ провѣрить его другимъ путемъ, съ помощію другихъ доступныхъ ему источниковъ, то такая повѣрка не только не могла бы вынести его на прямой путь, а напротивъ, вслѣдствіе случайнаго совпаденія погрѣшностей, должна была бы послужить для него только новымъ, сильнѣйшимъ подтвержденіемъ того ошибочнаго понятія, будто царствованіе Михаила действительно началось въ концѣ 6360 мартовскаго года отъ С. М.—Для такой повѣрки онъ могъ обратиться только къ хроникѣ Георгія Амартола, съ ея продолженіемъ, которая, въ болгарскомъ переводѣ, была для него какъ-бы настольною книгою, чтѣ подтверждается многочисленными изъ нея выписками въ его «Полюсти» (см. «О древн. Русск. лѣтописи» М. И. Сухомлинова, стр. 85—106). По свидѣтельству же г. Муральта, издавшаго греческій подлинникъ Амартола съ примѣтами по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ (печатаемъ въ Уч. Зап. 2-ю Отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. VI), болгарскій переводъ этой хроники, особенно съ 842 года, согласенъ съ греческимъ ея текстомъ по Ватиканскому списку (Papat. Proleg. XXXVI); а въ этомъ списокѣ о годахъ Михайлова царствованія сказано: «царствовалъ вмѣстѣ съ матерью 4 года (ἔτη δ', *описки вмѣсто ἔτη ιδ'*), одинъ—10 лѣтъ и 4 мѣсяца, и съ Василиемъ—годъ и 4 мѣсяца» (Papat., p. 717, nota 13). Если это ошибочное показаніе Ватиканскаго списка (то-есть, 4 в. 14) повторилось и въ болгарскомъ переводѣ, то для Нестора царствованіе Михаила продолжалось всего только 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; а когда оно кончилось—это ему достоверно было извѣстно: ибо въ числѣ его домашнихъ, письменныхъ источниковъ, какъ видно изъ весьма многихъ его хронологическихъ показаній, несомнѣнно была и древняя пасхальная таблица, съ историческими замѣтками,

году разыгралась въ Кіевѣ, и изложеніе которой и составляетъ главную цѣль его сочиненія. Притомъ же, онъ знаетъ даже и то, чего никто, кромѣ Варяговъ или Варяговъ-Руси, не могъ знать, и чего даже и сами Варяги, вѣроятно, не помнили уже въ началѣ X вѣка, — знаетъ, что Русскою землею первоначально называлась страна пяти сѣверныхъ племенъ, и именно въ то время, когда въ ней господствовали находники Варяги, состоявшіе на службѣ у Руси, и когда сама дружина Русь, съ своими князьями, сидѣла еще гдѣ-то за моремъ. Этому названія, разумѣется, не знали и не признавали за своею зем-

изъ которой онъ, между прочимъ, внесъ въ свою «Повѣсть» и показаніе, что «въ лѣто 6376 нача царствовати Василій», то-есть, одинъ, по убіеніи Михаила. Кромѣ того, если въ болгарскомъ Амартолѣ о убіеніи Михаила сказано такъ же, какъ и въ Ватиканскомъ спискѣ, то Несторъ могъ знать не только мѣсяць и число, но и день недѣльный, въ который погибъ Михаилъ; ибо въ Ватиканскомъ спискѣ, какъ и у Семеона Лаговста, говорится, что «это случилось въ 3-й день недѣли, въ 3-мъ часу ночи, наканунѣ св. Феоды первоученицы» (Harmat., p. 752, nota 1), то-есть, 23-го сентября, во вторникъ, въ 9-мъ часу вечера (ср. *Krug. Chronolog. d. Byzant.*, p. 2). Слѣдовательно, Несторъ могъ просто по пальцамъ разсчитать, что царствованіе Михаила, продолжавшееся, будто бы, 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, и кончившееся въ 6376 году 23-го сентября, должно было начаться около 23-го января 6360 мартовскаго года. Итакъ, кто же виноватъ въ ошибочности перваго хронологическаго показанія Нестора? Не онъ, конечно.

Нельзя не замѣтить еще, что патріархъ Никіторъ, или авторъ «Лѣтописца вѣскорѣ», кто бы онъ ни былъ, въ самомъ разграниченіи періодовъ времени по Рождествѣ Христовѣ явно путается въ двухъ разныхъ лѣтосчисленіяхъ: Рождество Христово полагаетъ онъ по Александрійской эрѣ въ 5500 году отъ С. М. и отъ этого года до Константина считаетъ 318 лѣтъ. Какое же событіе Константинова царствованія принимаетъ онъ за эпоху, за предѣлъ этого періода? Изъ его подробной таблицы видно, что событіе это — первый вселенскій соборъ въ Никее, который онъ относитъ къ 20-му (а Амартолѣ къ 12-му) году царствованія Константина и къ 318-му отъ Р. Х.; но это выходитъ уже не по Александрійской эрѣ, какъ слѣдовало бы, а по Константинопольской, которой 318-й годъ, считаеый отъ Р. Х. въ 5508 году, соответствуетъ 325-му Александрійской эры. А по какой эрѣ считаетъ, или считалъ онъ отъ Константина до смерти Феодора (ὁὐς Θεοφίλου) 532 года? По своей собственной! Ибо по Константинопольской отъ 318 г. до 842 будетъ 524 года, а по Александрійской отъ 325 г. до 850—525 лѣтъ. Эта разность въ одномъ годѣ происходитъ, кажется, отъ того, что одна эра ведетъ счетъ по сентябрьскимъ, другая — по мартовскимъ годамъ. У Георгія Амартола такая же путаница, и такая же, вѣроятно, и у другихъ византійскихъ писателей. Вообще, византійская хронологія, хотя надъ нею уже много и многіе трудились, нуждается еще въ тщательной критической разработкѣ.

лею сами племсна, платившія дань Варягамъ; да и Варяги, послѣ ихъ изгнанія, не могли больше называть Русскою землею страну, ими утраченную, которая не составляла уже ихъ собственности, не была русскою по праву завоеванія. По прибытіи же князей и дружины Русь, имя Русской земли перенесено было уже на новыя ихъ завоеванія и окончательно утвердилось при Олегѣ за покоренною имъ странною Приднѣпровскою, къ которой причислялись также и области Полотская, Ростовская, Бѣлозерская и Муромская, покоренныя Русью при Рюрикѣ и розданныя имъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ. Стало быть, уже въ то время, когда Рюрикъ утвердилъ свой столъ въ Новгородѣ, Русскою землею называлась не та страна, которая въ царствованіе Михаила „нача ся прозывати Руская земля“, — та составляла теперь уже послѣдственное владѣніе Рюрика, княжество Новгородское, которое и впоследствии, кажется до самаго паденія его самостоятельности при Юаннѣ III, никогда не называлось Русскою землею, хотя и составляло всегда часть Руси, Русскаго государства ¹⁾.

¹⁾ Только по милости негѣной вставки (см. выше Объясн. 6) все мы доселѣ, вслѣдъ за Шлецеромъ, полагали, что Песторъ подъ именемъ первоначальной Русской земли разумѣлъ сѣверную страну, область Новгородскую, получившую, будто бы, это новое названіе со времени прибытія туда князей и Руси. Это мнѣніе нашло себя, послѣ Шлецера, еще новую, по видимому, надежному опору въ авторитетѣ древнѣйшаго изъ нашихъ списковъ—Даврентьевскаго, въ которомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о прибытіи князей и Руси и о водвореніи Рюрика не въ Ладогѣ сначала, а прямо въ Новгородѣ, читаемъ: «отъ тѣхъ [стало быть, отъ князей и Руси] прозваса Руская земля Новгородьци». Но еслибы таково было первоначальное, правильное чтеніе, то впоследствии никакою логическою комбинаціей не могла бы быть вызвана, послѣ «отъ тѣхъ», вставка словъ: *Вирязь находникъ*, изъ которыхъ первое находится рѣшительно во всѣхъ спискахъ, кромѣ *Лавр.*, а второе, пропущенное въ древнихъ спискахъ, окажется во всѣхъ позднѣйшихъ, частью въ той же формѣ, частью съ измѣненнымъ окончаніемъ, то-есть, *находницъхъ*, *находниковъхъ*. Притомъ же слова: *Вирязь находникъ* и потому уже не могутъ быть позднѣйшею вставкою, а должны быть признаны принадлежащими къ древнему, подлинному тексту, что они, какъ уже доказано выше, по отношенію ко всему предыдущему разказу, логически необходимы въ второй заключительной фразѣ. Слѣдательно, пропускъ ихъ, встречающійся въ одномъ только *Лавр.* спискѣ, очевидно, вызванъ соображеніями самаго мниха Даврентія, которому казалось невозможнымъ, чтобы названіе *Русская земля* произошло отъ какихъ-то Варяговъ находниковъ, а не отъ Руси, пришедшей вѣстѣ съ князьями; ибо они не знали, да и Песторъ не зналъ, не знали и мы доселѣ, что эти Варяги, состоявшіе, какъ ротники, на службѣ у Руси, собственно та же Русь.

Если же это показаніе о первоначальной Русской землѣ на сѣверѣ, получившей свое названіе отъ Варяговъ находниковъ въ началѣ Михаила царствованія, было уже при началѣ княженія Олега въ Кіевѣ предаіемъ, памятнымъ только для самихъ Варяговъ-Руси и долженствовавшимъ даже и между ними весьма рано прійти въ забвеніе, особенно въ виду существованія новой Русской земли на югѣ, то могло ли бы такое показаніе, совершенно уже непонятное для Нестора, попасть въ его лѣтопись, еслибъ оно не было записано въ исходѣ IX вѣка, какъ свѣжее еще воспоминавіе? Рѣшительно не возможно себѣ представить, чтобы впоследствии, напримѣръ, хоть въ половинѣ X вѣка (о позднѣйшемъ времени и гадать печего), когда изъ Варяговъ, господствовавшихъ на сѣверѣ до призванія князей, никого уже не было въ живыхъ, когда и пришедшіе съ Рюрикомъ Варяги-Русь сопли уже въ могилу съ Олегомъ, и когда при Игорѣ размножилась и стала дѣйствовать уже новая Русь славянская, — не возможно, говорю, чтобы въ это время кто-нибудь могъ еще помнить, что въ началѣ царствованія Михаила страна Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей стала прозываться Русскою землею отъ того, что заморскіе находники Варяги брали дань съ ея обитателей. Слѣдовательно, это показаніе, совершенно ясно выраженное въ началѣ возстановленнаго нами текста, представляетъ неопровержимое доказательство того, что Несторъ буквально списалъ свое сказаніе о происхожденіи Руси изъ древняго официальнаго памятника, написаннаго современникомъ и очевидцемъ въ исходѣ IX вѣка. Не не возможно также, что авторъ памятника самъ былъ Варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, вмѣстѣ съ ними, еще юношею, пришедшій изъ сѣверной Русской земли въ Кіевъ, въ 851 году, и спустя 15 лѣтъ принявшій святое крещеніе. Ставъ ревностнымъ христіаниномъ и желая почерпнуть знаніе истинъ повой вѣры въ самомъ ихъ источникѣ, онъ могъ изучить славянскую грамоту, и занимался въ теченіе многихъ лѣтъ чтеніемъ и перепискою богослужебныхъ книгъ, могъ пріобрѣсти навыкъ излагать и свои собственныя мысли письменю на языкѣ славянскомъ, особенно о такихъ дѣлахъ, которыя ему, какъ очевидцу и дѣйствователю, были хорошо извѣстны и понятны.

Что это логически полное и стройное сочиненіе, отдѣльными сегментами уцѣлѣвшее въ нашихъ спискахъ, могло быть написано только въ исходѣ IX вѣка, современникомъ и очевидцемъ событій, въ немъ изложенныхъ, — это, послѣ всего вышесказаннаго, не можетъ подлежать уже никакому сомнѣнію. Съ какою же цѣлію и для кого оно

было написано? По самому его началу, по первымъ тремъ словамъ— „наченшю Михаилу царствовати“, мы заключили уже, что оно должно было быть написано для византійскаго правительства, и вѣрность такого заключенія вполне подтверждается и самимъ содержаниемъ и изложеніемъ этого сочиненія, представляющаго обстоятельную историческую реляцію о переворотѣ, совершившемся въ Кіевѣ въ 881 году, и о его ближайшихъ послѣдствіяхъ,—реляцію, вѣроятно, вызванную запросомъ византійскаго правительства, и слѣдовательно, написанную какъ-бы на заданную тему. Во первыхъ, въ подробныхъ свѣдѣніяхъ о происхожденіи Варяговъ и Руси и объ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ на сѣверѣ, равно какъ и объ обстоятельствахъ призванія князей и о княженіи Рюрика, византійское правительство не нуждалось, а потому обо всемъ этомъ нашъ авторъ и сообщаетъ только сжатый очеркъ, необходимый для уразумѣнія событій послѣдующихъ. Затѣмъ, перейдя къ Аскольду и Диру, онъ разсказываетъ о водвореніи ихъ въ Кіевѣ и упоминаетъ о войнѣ ихъ съ Дресьянами и Угличами; при чемъ, можетъ быть, встали припоминать, какъ выше замѣчено (Объясн. 8), и о походѣ ихъ на Царьградъ. По этому походу, главнаго ихъ подвига, онъ, очевидно, не описалъ и ни слова не сказалъ о его чрезвычайно важныхъ послѣдствіяхъ— о крещеніи Аскольдовой Руси, о первомъ русскомъ епископѣ и началѣ христіанства въ Кіевѣ, умолчавъ также и о дѣлахъ владѣтелей Кіева послѣ ихъ похода. Почему же? Чѣмъ объяснить такое умолчаніе о главныхъ, важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни Аскольда и Дира? Въ лѣтониси, въ сочищеніи, назначенномъ для русскихъ читателей, оно было бы рѣшительно не возможно, не мыслимо и ничѣмъ не объяснимо; но въ реляціи, написанной для византійскаго правительства, оно не только возможно и естественно, но даже необходимо; авторъ уклонился бы отъ своей цѣли, погрѣшилъ бы излишествомъ, напрасно болтовнею, еслибы вздумалъ повторять и пересказывать то, что Грекамъ давно и хорошо было уже извѣстно. Главная его задача состояла въ томъ, чтобы разсказать не о минувшемъ, а о настоящемъ, чтобы сообщить точныя и вѣрныя свѣдѣнія о новыхъ завоевателяхъ, явившихся въ Кіевѣ, и объ ихъ отношеніяхъ къ прежней Руси Аскольда и Дира, вообще—дать понятіе о современномъ положеніи дѣлъ въ Кіевѣ и въ Русской землѣ. Вотъ почему онъ, доведи въ своемъ разказѣ Аскольда и Дира только до Кіева и не распространяясь объ ихъ дальнѣйшихъ подвигахъ, спѣшитъ вывести на сцену главнаго героя драмы—Олега, за которымъ и слѣдитъ уже,

такъ сказать, шагъ за шагомъ: описываетъ, не касаясь, впрочемъ, мелочныхъ подробностей, его побѣдоносный походъ изъ Новгорода къ Кіеву, обстоятельно разказываетъ о той хитрости, съ помощію которой онъ погубилъ Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ, и кончаетъ перечисленіемъ его первыхъ завоеваній въ Приднѣпровьи. И такъ, по плану и содержанию, это сочиненіе необходимо должно быть признано официальнымъ памятникомъ, дописаніемъ, или, вѣрнѣе, историческою запискою о Кіевской катастрофѣ, приложенною къ дописанію, посланному отъ пребывавшей въ Кіевѣ византійской миссіи своему правительству.

15.

Это распредѣленіе походовъ Олега по годамъ, на каждый годъ по походу, должно быть придумано или самимъ лѣтописцемъ, или—что едва ли не вѣроятнѣе—его компиляторомъ; автору же древней реляціи оно уже потому не можетъ принадлежать, что у него выше нигдѣ нѣтъ точныхъ хронологическихъ указаній, значить—и здѣсь ихъ также не могло быть; тѣмъ болѣе, что византійскому правительству не было никакой надобности знать, въ которомъ именно году то или другое племя было покорено Олегомъ. По всей вѣроятности, эти сегменты, раздѣленные въ нашихъ спискахъ годами, были въ древней официальной реляціи соединены и между собою, и съ предыдущимъ разказомъ посредствомъ союза *и*, то-есть, послѣ словъ „гривень 300 на лѣто, мира дѣла“ слѣдовало всплошъ: „И поча Олегъ воевати Деревляны“..... „И иде на Сѣверяны“..... „И посла къ Радимичемъ“.... и проч. Если же принять въ соображеніе, что въ последнемъ сегментѣ союзъ *и*, хотя и лишній послѣ „въ лѣто 6393“, уцѣлѣлъ, однако, въ *Рдз.* спискѣ; что имени „Олеговъ“, необходимаго при раздѣленіи разказа по годамъ, нѣтъ въ этомъ сегментѣ послѣ „посла“ въ четырехъ древнихъ спискахъ, а послѣ „иде“ въ предыдущемъ сегментѣ нѣтъ въ двухъ спискахъ (*Лавр.* и *Три.* сгорѣвшемъ), и что, наконецъ, самое размѣщеніе текста подъ этими годами во всѣхъ нашихъ спискахъ весьма разнообразно, а въ сгорѣвшемъ *Троиц.* спискѣ, въ которомъ годы 6391 и 6392 пропущены, годъ же 6393 поставленъ ниже вмѣстѣ съ 6394, текстъ представлялъ даже одно цѣлое, безъ годовъ, то можно съ вѣроятностію заключить, что и въ подлинной рукописи Нестора повѣствованіе о дѣлахъ Олега также составляло одно сплошное цѣлое, безъ годовъ, буквально списанное съ древняго памятника, и что годы 6391, 6392 и 6393 по-

прапрадѣда Ярославова. Если знали и помнили Игоря, то не странно ли, что не знали отца его? А между тѣмъ, кромѣ внесеннаго въ нашу лѣтопись древняго, современнаго сказанія, имя Рюрика нигдѣ больше не упоминается; слова Олега въ этомъ сказаніи, обращенныя къ Аскольду и Дира, когда вынесли Игоря: „а се есть сынъ Рюриковъ“—представляютъ послѣдній поминъ о Рюрикѣ. Почему же въ послѣдующихъ легендахъ ни Игорь нигдѣ не названъ сыномъ Рюрика, ни Святославъ его внукомъ, ни Владиміръ правнукомъ? Почему имя Рюрика, еслибъ оно жило въ народной памяти, не явилось, напримѣръ, хоть въ слѣдующемъ мѣстѣ сказанія о убійствѣ Игоря (Др. 23): „И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣна града въ Деревѣхъ и до сего дпс?“ Развѣ здѣсь нельзя было, или послѣ „Игорь“ прибавить: *сынъ Рюриковъ*, или послѣ „и есть могила его“—*сыни Рюрикова*? Даже, кажется, необходимо было почтить память убитаго князя такою замѣткою для указанія, что онъ не только былъ князь, но и сынъ извѣстнаго князя. Вотъ еще другое мѣсто, подъ 970 годомъ, гдѣ мы поставимъ отъ себя въ скобкахъ слова, которыхъ въ немъ какъ будто не достаетъ (Др. 29): „И пояша Ноугородьци Володимера въ собѣ (+ *на столъ прадыда его Рюрика*), и иде Володимеръ“... и проч. Кромѣ лѣтописныхъ сказаній, имя Рюрика не встрѣчается и въ другихъ извѣстныхъ доселѣ, весьма немногихъ, памятникахъ XI вѣка, и притомъ въ такихъ, въ которыхъ оно еслибы было извѣстно, никакъ не могло бы остаться не упомянутымъ; таковы именно слѣдующія два сочиненія: 1) „Похвала Кагану нашему Владимиру“ митрополита Иларіона, написанная имъ до 1050 года, когда онъ былъ еще пресвитеромъ въ селѣ Берестовѣ, и 2) „Похвала князю русскому Володимеру“ Іакова Мниха, представляющая отчасти подражаніе предыдущему, и слѣдовательно, написанная во второй половинѣ XI вѣка, но раньше „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, авторъ которой, въ числѣ прочихъ источниковъ, какъ видно, пользовался и этою „Похвалою“. Эти панегиристы, упоминая объ отцѣ и дѣдѣ Владиміра, имѣли прямой поводъ и даже непремѣнно обязаны были упомянуть и прадыда его Рюрика, какъ отца Игорева и родоначальника княжеской династіи, тѣмъ болѣе, что первою задачей ихъ, по самому ихъ плану сочиненій, было возвеличить Владиміра указаніемъ на извѣстность и знаменитость его предковъ. Такъ, первый, сказавъ, что всѣ другія страны чтутъ и славятъ своихъ просвѣтителей, продолжаетъ: „Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами—великаа и дивнаа сѣтворшаго нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашеа земли,

Владимера, внука старшаго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже, въ своа лѣта владычествующа, мужствомъ же и храбрѣствомъ прослуша въ странахъ многихъ, и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словутъ“¹⁾. Такъ, и Іаковъ Мнихъ ведетъ родословную Владиміра только съ Игоря и Ольги, не упоминая отца Игорева²⁾. Почему-жь они молчатъ о Рюрикѣ?—Конечно потому, что не знаютъ его; никакой другой причины умолчать о немъ, родопачальникѣ династіи, въ родословной его правнука не возможно себѣ и представить. Если-жь эти писатели не знали Рюрика, то разумѣется, ни о немъ, ни о пришедшей съ нимъ изъ-за моря варяжской Руси никакихъ легендъ и преданій не существовало уже въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ. Но неужели и самъ Ярославъ не зналъ имени своего прапрадѣда, отца Игорева? Надо полагать, что не зналъ; потому что, еслибъ оно было ему извѣстно, то не могло бы, кажется, остаться неизвѣстнымъ и Иларіону, который, какъ священникъ въ селѣ Берестовѣ, любимомъ загородномъ мѣстопребываніи Ярослава, и притомъ „мужъ благъ, книжець и постникъ“—по выраженію лѣтописца, безъ сомнѣнія, пользовался особеннымъ благорасположеніемъ набожнаго князя и перѣдко имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ въ то время, когда писалъ свое похвальное слово отцу его, просвѣтителю земли Русской. Или этотъ ученый пресвитеръ, и послѣ митрополитъ, былъ такъ нелюбопытенъ, что, бесѣдуя съ княземъ, не догадался спросить, кто былъ и какъ назывался отецъ Игоревъ, почему и допустилъ въ своей „Похвалѣ“ явный пробѣлъ, представивъ Игоря княземъ безроднымъ, безъ отчества, какъ-бы родопачальникомъ династіи; или что вѣроятнѣе, самъ Ярославъ, какъ и всѣ его современники, ничего не зналъ уже о своемъ прапрадѣдѣ Рюрикѣ.

Если-жь Ярославъ, княжившій при жизни отца довольно долго въ Новгородѣ, и послѣ, во время борьбы съ братьями, неоднократно находившій тамъ убѣжище и помощь, не зналъ Рюрика, то едва ли помнили его и въ самомъ Новгородѣ. Хотя нѣкоторые извѣстія о Рюрикѣ въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, равно какъ и названія: *Рюриково юрочище*, подлѣ Новгорода, и *Рюриковъ домъ*, мѣсто котораго указываютъ въ Ладогѣ, и могутъ казаться какъ-бы слѣдами древнихъ сѣверныхъ преданій о первомъ князѣ Новгородскомъ, но вѣроятнѣе, что это—или вымыслы позднѣйшихъ книжниковъ, или только

¹⁾ *Прибавл. къ твор. св. отцевъ*, II, стр. 239.

²⁾ *Христ. Чтеніе* 1849 г., II, стр. 317 и 327.

гадательныя воспоминанія, вызванныя послѣдствіемъ появленіемъ „Повѣсти“ Нестора, подобно тому, какъ и Киевское преданіе объ отдѣльныхъ могилахъ Аскольда и Дира (см. выше Объясн. 13). По крайней мѣрѣ, трудно предполагать, чтобы прибытіе князей и Руси — не народа, а дружины — изъ-за моря отъ Варяговъ, могло долго сохраниться въ памяти нашихъ сѣверныхъ племенъ, для которыхъ оно было явленіемъ мимолетнымъ, какъ-бы метеоромъ, промелькнувшимъ только передъ ихъ глазами и пронесшимся далѣе на югъ, въ Придѣпровье, гдѣ и раскрылись потомъ его великія послѣдствія. Еслибы послѣ Рюрика потомки его продолжали княжить въ Новгородѣ, то они уже однимъ своимъ присутствіемъ необходимо напоминали бы народу о своемъ предкѣ, да и сами не могли бы забыть его, оставаясь на мѣстѣ его княженія, подлѣ его могилы; но сынъ Рюриковъ, младенцемъ увезенный въ Киевъ, не помнилъ своего отца; о томъ же, что отецъ его, до призванія на престолъ Новгородскій, былъ атаманомъ шайки варяжскихъ пиратовъ, Игорь, можетъ быть, и послѣдствіемъ никогда не слыхивалъ, ибо для него, князя славянской Руси, властителя обширнаго государства славянскаго, такое воспоминаніе было слишкомъ не лестно. Вѣроятно, онъ мало заботился и о своей Новгородской отчинѣ, которою управляли его намѣстники или посадники. Такъ было и при Святославѣ, который еще въ колыбели получилъ отъ отца это наслѣдіе, но какъ видно, не дорожилъ имъ. Передъ своимъ послѣднимъ походомъ въ Болгарію, онъ, по просьбѣ Новгородцевъ, отпустилъ къ нимъ на княженіе малолѣтняго сына своего Владиміра, который и былъ, вѣроятно, первый изъ Рюриковичей, дѣйствительно сидѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на Новгородскомъ престолѣ (970—978 гг.). Но до начала его княженія отъ смерти Рюрика (879 г.) прошло безъ малаго столѣтіе, и если въ это время въ Новгородѣ и помнили еще Рюрика, то о родствѣ съ нимъ новаго князя, призваннаго изъ Кіева отъ славянской Руси, вѣроятно, имѣли уже смутное представленіе; о братьяхъ же Рюрика, умершихъ тотчасъ послѣ прибытія изъ-за моря, безъ сомнѣнія, ничего уже не помнили, равно какъ и о варяжской Руси, ушедшей съ Олегомъ, и уже съ того времени, какъ бы пропавшей безъ вѣсти для сѣвера; ибо происхожденіе изъ этой горсти пришельцевъ многочисленной Руси славянской, какъ явленіе, незамѣтно и быстро совершившееся, не могло быть доступно понятіямъ народа. Слѣдовательно, и на сѣверѣ, въ Новгородѣ, даже и въ исходѣ X вѣка, при началѣ христіанства и грамотности, едва ли помнили еще о прибытіи первыхъ князей и

Руси отъ заморскихъ Варяговъ. Если-жь и существовали еще какія-либо темныя и смутныя преданія объ этомъ фактѣ и обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, то изъ подобныхъ преданій лѣтописцу, даже въ исходѣ X или въ началѣ XI вѣка, при какомъ образомъ не возможно было сложить такое правдивое, безпристрастное, и притомъ, логически-стройное, ясно и систематически изложенное сказаніе о цѣломъ рядѣ фактовъ, какое, по исключеніи всѣхъ позднѣйшихъ наростовъ, оказывается въ восстановленномъ текстѣ нашей лѣтописи,—сказаніе, въ которомъ нѣтъ ничего баснословнаго, ничего такого, что указывало бы на его позднѣйшее происхожденіе изъ народныхъ, устныхъ преданій, изъ легендъ, пѣсенъ или сказокъ, а есть, напротивъ, ясныя и несомнѣнныя признаки того, что оно принадлежитъ перу современника и очевидца Кіевской катастрофы 881 года и представляетъ вполне обстоятельную историческую реляцію объ этомъ событіи, написанную для византійскаго правительства въ исходѣ IX вѣка, вѣроятно, въ 884 году, то-есть, при самомъ началѣ войны Олега съ Ульцами и Тивьрьцами.

Мы уже неоднократно встрѣчались въ этомъ сказаніи съ такими выраженіями, которыя въ авторѣ его обличаютъ современника, коротко знакомаго съ ходомъ описываемыхъ имъ событій. А что этотъ авторъ-современникъ не лѣтописецъ, что онъ описываетъ событія не для того, чтобы только сообщить о нихъ современникамъ и потомству, а имѣетъ въ виду свою особую цѣль,—видно по самому содержанию его повѣствованія, и въ первыхъ, по его началу. Но это начало, не понятое Несторомъ и потому пострадавшее въ его передачѣ, необходимо сперва восстановить, доказавъ логическую необходимость и законность возсоединенія фразы подъ 6360 годомъ съ разказомъ о Варягахъ подъ 6367 годомъ, какъ частей, неразрывно соединенныхъ между собою въ первоначальномъ сказаніи, но оторванныхъ другъ отъ друга при внесеніи этого сказанія въ лѣтопись.

Свое хронологическое повѣствованіе о Руси, или собственно такъ называемую „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ Несторъ начинаетъ такъ: „Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, и нача ся прозывати Руская земля“. Здѣсь годъ и индиктъ принадлежатъ, разумѣется, самому Нестору, который съ этого года — съ его „перваго лѣта Михайлова“, — какъ онъ самъ ниже говоритъ, начинаетъ ставить числа „по ряду“. Но ему ли принадлежитъ, то-есть, имъ ли самимъ впервые написана фраза, стоящая подъ этимъ годомъ? Хотя онъ въ слѣдующемъ затѣмъ, несомнѣнно ему принадлежащемъ, объ-

ясненіи, какъ-бы самъ присвоиваетъ себѣ эту фразу, говоря: „О семь бо увѣдохомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ“; но это объясненіе ровно ничего не объясняетъ: изъ того, что лѣтописецъ греческій, продолжатель Георгія Амартола, при описаніи царствованія Михаила, повѣствуетъ о первомъ нашествіи Руси на Царьградъ, не опредѣляя времени этого событія и вовсе не упоминая даже названія *Русская земля*, Нестору никоимъ образомъ не возможно было не только *увѣдать*, но даже и догадаться, что это названіе началось именно въ 6360 году, индикта 15, когда Михаилъ, будто бы, началъ царствовать. Если онъ даже допустилъ, положимъ, вѣроятную догадку, что эти Русь, приходившіе на Царьградъ, то-есть, Аскольдъ и Диръ, которые, по его собственному повѣзанію, „придоша въ 14-е лѣто Михаила царя“, выступили въ походъ изъ страны, имъ принадлежавшей и называвшейся уже по ихъ имени Русью или Русскою землею (чего, какъ извѣстно, въ дѣйствительности не было), то и въ такомъ случаѣ онъ могъ заключить только, что при Михаилѣ, и притомъ до его 14-го лѣта, названіе *Русская земля* уже существовало; а что оно началось ровно за 14 лѣтъ до этого похода Руси, то-есть, въ томъ самомъ году, когда Михаилъ началъ царствовать,—этого онъ по собственному умозаключенію ни откуда не могъ вывести. Къ тому же, и самая фраза: „пачешию Михаилу царствовати, и пача ся прозввати Руская земля“, въ той обстановкѣ, въ какой она стоитъ въ „Поѣсти“ Нестора, явно псевдонимителна въ логическомъ отношеніи, ибо неволью вызываетъ въ читателѣ слѣдующій вопросъ: какая именно земля и отчего, по какому поводу, или вслѣдствіе какого событія стала прозваться Русскою землею съ того времени, какъ Михаилъ началъ царствовать? Какую же страну подъ именемъ Русской земли разумѣлъ, по крайней мѣрѣ, Несторъ въ этой фразѣ, очевидно, не ему принадлежащей, а списанной откуда-то? Судя по его ссылкѣ на сказаніе лѣтописца греческаго о первомъ походѣ Руси на Царьградъ, надо полагать, что онъ разумѣлъ именно ту страну, откуда этотъ походъ былъ предпринятъ, то-есть, землю Полянскую. Несторъ, повидимому, имѣлъ основаніе полагать, что Полянская земля, которая впоследствии всегда называлась по преимуществу Русскою землею, получила это новое имя уже съ 6360 года. Во-первыхъ, онъ зналъ изъ замѣтки въ древней пасхальной таблицѣ, несомнѣнно принадлежавшей къ числу его источниковъ, что въ этомъ году въ Кіевѣ впервые появились Русь, то-есть, Аскольдъ

и Диръ „съ родомъ своимъ“; далѣе, въ древней официальной реляціи онъ нашель, что эти первые представители Руси, оставшись въ Кіевѣ, „начаста владѣти Полянскою землею“, и въ томъ же источникѣ нашель еще другое показаніе, что Олегъ, идя на Кіевъ, „увѣда, яко Аскольдъ и Диръ княжита“. На основаніи этихъ данныхъ, Несторъ естественно долженъ былъ заключить, что Аскольдъ и Диръ уже съ самаго начала сдѣлались князьями Кіевскими, самостоятельными владѣтелями земли Полянскою, какъ своего государства, которое, слѣдовательно, и называлось уже Русскою землею. Тѣмъ не менѣе, это заключеніе ошибочное. Аскольдъ и Диръ, съ своею малою дружиною, никакъ не могли быть завоевателями Кіева, не могли силою отнять Кіевъ и Полянскую землю отъ Хазаръ, въ то время еще могущественныхъ; да и въ самомъ разказѣ современнаго автора объ ихъ водвореніи въ Кіевѣ нѣтъ даже и намека на завоеваніе, на какія-либо враждебныя дѣйствія ихъ противъ Хазаръ или ихъ данниковъ. Они проѣздомъ остановились подъ Кіевомъ, и узнать, что жители его платятъ дань Хазарамъ, „остава въ градѣ семъ“, — *остались*, конечно, потому, что ихъ оставили, то-есть, упростили остаться на службѣ у туземнаго князя и защищать его землю отъ враждебныхъ сосѣдей. Усиливъ свою дружину, они начали владѣть Полянскою землею, но владѣть не своимъ именемъ, а именемъ князя, какъ его воеводы или намѣстники. Если-жъ они во время похода Олега и княжили въ Кіевѣ, то вѣдь это было уже тридцать лѣтъ спустя послѣ ихъ прибытія, и такъ какъ Олегъ только на пути узналъ о томъ, что они княжатъ, то ясно, что они не задолго предъ тѣмъ только и сдѣлались князьями, а прежде не княжили. Слѣдовательно, отъ ихъ, очевидно, мирнаго водворенія въ Кіевѣ земля Полянская никакъ не могла прозваться Русскою землею; это названіе она получила только вслѣдствіе занятія Кіева Олегомъ, съ 881 года.

Но если не Полянская земля и не отъ прибытія въ Кіевъ Аскольда и Дира, то какаю же другая земля и отчего стала прозываться Русскою землею въ началѣ Михайлова царствованія? Безъ сомнѣнія, та, о которой ниже, вслѣдъ за извѣстіемъ о водвореніи пришедшихъ изъ-за моря князей въ Ладогѣ, Бѣлозерѣ и Изборскѣ, говорится повторительно: „и отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Руская земля“. Этою фразой авторъ древней реляціи оканчиваетъ свой разказъ о Варягахъ, которые, приходя изъ заморья (отъ того *находники*), брали дань съ Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей, которые по томъ были изгнаны возставшими данниками, и отъ которыхъ, наю

ставлены были въ одной группѣ съ 6394 годомъ въ концѣ повѣствованія, какъ пустые годы, безъ описанія. Слѣдовательно, распределение походовъ Олега по годамъ, различное въ разныхъ спискахъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ послѣдующимъ компиляторамъ Нестора, составителямъ нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ.

16.

Если по началу и по содержанию этой замѣчательной статьи, оказавшейся въ нашихъ спискахъ, нельзя не заключить, что она обязана своимъ происхожденіемъ современной официальной реляціи о Кіевской катастрофѣ 881 года, почти буквально, хотя и отдѣльными сегментами, вписанной въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, то къ тому же неизбѣжному заключенію ведетъ и ея окончаніе. Разказавъ о первыхъ завоеваніяхъ Олега, авторъ подводитъ здѣсь, такъ-сказать, итогъ его пріобрѣтеніямъ, плодамъ его подвиговъ, указывая, чѣмъ онъ теперь владѣетъ и что дѣлаетъ. Разумѣется, что древній авторъ, говоря какъ современникъ о современномъ положеніи дѣлъ, долженъ былъ выразиться въ настоящемъ времени: „и обладасть Олегъ“ такими-то племенами, а съ такими-то „имать рать“; но Несторъ, вписавшій его реляцію, слишкомъ два вѣка спустя, въ свою „Повѣсть“, замѣнилъ настоящее время глаголомъ прошедшимъ. И только! Ни слова больше! Не сказалъ даже, чѣмъ кончилась война Олега съ Ульцами и Тивьрцами. Ясно, стало быть, что словами „имать рать“ источникъ его свѣдѣній о дѣлахъ Олега пресѣкъся. Каковъ же это былъ источникъ? Конечно, не устное преданіе, которое никакъ не могло бы прерваться внезапно, на полсловѣ, такъ-сказать; ибо преданія слагаются послѣ совершившихся фактовъ, онѣ вырастаютъ на могилѣ историческаго дѣятеля и всегда, какъ бы баспословна ни была ихъ оболочка, передаютъ факты законченные. Притомъ же, мы уже видѣли, что въ XI вѣкѣ никакихъ преданій о варяжской Руси уже не существовало, что самое даже имя Рюрика было уже забыто его потомками.... А раньше? Въ X вѣкѣ, при Игорѣ?... Тогда, конечно, особенно въ началѣ княженія Игоря, фактъ прибытія князей и Руси изъ-за моря, со всѣми его послѣдствіями, былъ еще въ свѣжей памяти и могъ быть описанъ также отчетливо и правдиво, какъ и въ исходѣ IX вѣка, — но уже не для сообщенія византійскому правительству, которое, для своихъ политическихъ соображеній, нуждалось въ свѣдѣніяхъ не о минувшихъ, а о современныхъ,

ближайшихъ дѣлахъ Руси, и которое по смерти Олега не имѣло уже никакой надобности въ свѣдѣніяхъ о первыхъ его завоеваніяхъ.

Но скажутъ, можетъ быть, что статья эта могла быть написана въ половинѣ X вѣка для русскихъ читателей, что лѣтописецъ кратко коснулся сѣверныхъ событій потому, что имѣлъ въ виду описать только въ отдѣльной повѣсти Кіевскую катастрофу 881 года, и что онъ зналъ только одного Михаила царя, при которомъ Русь впервые ходила на Царьградъ, и потому, начавъ свою повѣсть фразою „наченшю Михаилу царствовать“, полагалъ, что такое начало, выолнѣ понятное и опредѣлительное для него самого, будетъ и для его читателей также достаточно яснымъ опредѣленіемъ времени. Что же касается похода Аскольда и Дира на Грековъ и его важныхъ послѣдствій, то все это, скажутъ намъ, вѣроятно, было подробно и обстоятельно описано въ его повѣсти, но описаніе этихъ событій утратилось; повѣсть лѣтописца X вѣка не дошла въ цѣлости до Нестора. Это, конечно, могло случиться, хотя и нельзя не признать страпнымъ, что утратились именно только тѣ свѣдѣнія, которыхъ не нужно было сообщать византійскому правительству!... Но и при всемъ томъ нельзя признать эту статью повѣстью, написанною для русскихъ читателей въ X вѣкѣ, или когда бы то ни было. Этого не допускаетъ уже господствующій въ ней тонъ разказа, холодный, безстрастный, совершенно чуждый сочувствія къ такимъ лицамъ и событіямъ, которыя, конечно, и въ то время, не могли не быть близки русскому сердцу. Разумѣется, что авторъ предполагаемой повѣсти—былъ ли онъ лицо духовное, или свѣтское—непремѣнно былъ христіанинъ; ибо въ то-гдашнемъ Славянинѣ-язычникѣ нельзя предполагать знакомства съ славянскою грамотою, съ этимъ могущественнымъ орудіемъ новой вѣры, чуждой и ненавистой поклонникамъ Перуна. А этотъ авторъ-христіанинъ, писавшій, разумѣется, для христіанъ же, и притомъ, для людей Русскихъ, вотъ какъ разказываетъ имъ о смерти первыхъ христіанскихъ князей Кіева: „и убиша Аскольда и Дира, и песоша на гору, и погребоша ѣ на горѣ“! И только!... Холоднѣе и безстрастнѣе, кажется, нельзя было выразиться. И то же равнодушіе къ излагаемымъ событіямъ, то же отсутствіе сердечной теплоты господствуютъ во всемъ его сочиненіи: никого онъ не хвалитъ и не осуждаетъ, ничему не радуется и ни о чемъ не скорбитъ, души нигдѣ не видно,—вездѣ одинъ холодный, спокойный умъ, да и тотъ, можно сказать, только демонстрируетъ историческія событія и лица, но самъ не прикасается къ нимъ, не объясняетъ ихъ и не вдается ни въ

какія разсужденія. Вообще, авторъ самъ нигдѣ не является въ своемъ сочиненіи, ни одною чертою, даже случайно, не выдаетъ своей личности. Онъ говоритъ о Варягахъ, о Руси, о разныхъ племенахъ славянскихъ и финскихъ, разказываетъ о Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, Ологѣ, Игорѣ, но никому изъ нихъ не отдастъ предпочтенія передъ прочими, никому не сочувствуетъ; для него всѣ равны, всѣ равно чужіе, и по его разказу не возможно угадать, кто онъ самъ — Варягъ или Славянинъ, христіанинъ или язычникъ. По одному только выраженію: „и присла ко Асколду и Диру“ (см. Объясн. 12) можно съ нѣкоторою вѣроятностію догадываться, что онъ жилъ и писалъ въ Кіевѣ и былъ, какъ будто, ближе къ Асколду и Диру, чѣмъ къ Олегу. Но то несомнѣнно, что онъ былъ не лѣтописецъ русскій, ибо никакой лѣтописецъ не могъ бы съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ разказывать русскимъ людямъ о событіяхъ, и для нихъ, и для него равно близкихъ. А какой же русскій лѣтописецъ, современникъ Игоря, могъ окончить свой расказъ о дѣлахъ Олега словами: „а съ Ульци и Тивьрьци имяше рать“? Почему онъ не описалъ этой рати? Почему не сказалъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ она кончилась? Пиша при Игорѣ, онъ долженъ былъ бы довести свой расказъ, или до своего времени, или до смерти Олега; тогда онъ имѣлъ бы право въ заключеніи перечислить общимъ итогомъ всѣ плоды его подвиговъ. Послѣ же первыхъ завоеваній, только что разказанныхъ, упоминать о нихъ снова въ такомъ итогѣ, съ добавленіемъ замѣтки, что Олегъ воевалъ еще съ такими-то, было бы для писавшаго по смерти Олега явно не кстати. Только современникъ, писавшій въ то самое время, когда Олегъ, покоривъ уже Славянъ приднѣпровскихъ, воевалъ съ Ульцами и Тивьрьцами, могъ совершенно законно указать въ заключеніи своей статьи, какими странами Олегъ теперь владѣетъ и что онъ дѣлаетъ.

Накопецъ, еслибъ эта статья была написана для русскихъ читателей, то какъ могла бы она остаться совершенно неизвѣстною русскимъ грамотнымъ людямъ XI вѣка, предшественникамъ Нестора? Или можно утверждать, что она уже до Нестора была общезвѣстна? Но вѣдь въ такомъ случаѣ, въ виду записаннаго въ ней показанія, что Хазары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Витичей мѣхами — „по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма“, никакъ не могла бы впоследствии наполниться въ редакціи XI вѣка нелѣпная сказка, будто Поляне согласились давать Хазарамъ „отъ дыма мечь“! Да и на другихъ легендахъ, также не ранѣе и не позже XI вѣка явившихся въ письменной

редакціи, не могли бы не отразиться правдивыя свѣдѣнія о варяжскомъ происхожденіи Руси и княжеской династіи, еслибы они были извѣстны; не возможно, чтобы разказчики ихъ или писатели, зналъ, что въ нихъ рѣчь идетъ о дѣлахъ Рюриковичей, нигдѣ не вспомнили и ни разу не записали имени Рюрика. Изъ того, что въ двухъ извѣстныхъ „Похвалахъ“ Владиміру, въ числѣ его предковъ не упомянуть Рюрикъ, мы выше заключили, что о Рюрикѣ и его происхожденіи отъ заморскихъ Варяговъ въ XI вѣкѣ не было уже никакихъ преданій. На это можно, пожалуй, не безъ основанія возразить, что преданія могли быть, но слишкомъ баснословныя, темныя и смутныя, которымъ люди благоразумнѣе не вѣрили, считал ихъ вымыслами хвастливыхъ Варяговъ, гордившихся тѣмъ, что они, будто бы, дали Русской землѣ владителей, и что именно вслѣдствіе недоумія къ такимъ преданіямъ Иларионъ и Іаковъ мнихъ и не рѣшились въ своихъ „Похвалахъ“ породнить Владиміра съ варяжскимъ сказочнымъ Рюрикомъ. Но еслибы эти писатели знали и читали въ подлинникѣ, или въ спискахъ ту сплошную статью о Руси, которая вскорѣ послѣ нихъ, разбитая на части, появилась въ „Новѣсти“ Нестора, и въ которой ясно и стройно изложено было цѣлый рядъ послѣдовательныхъ событій—отъ перваго помина о Русской землѣ на нашемъ сѣверѣ до столкновенія варяжской Руси на югѣ съ черноморскими Славянами,—то всѣ ихъ сомнѣнія касательно существованія варяжскаго Рюрика, дѣйствительно пришедшаго изъ-за моря, княжившаго въ Новгородѣ и оставившаго по себѣ сына Игоря должны были бы исчезнуть въ виду этого несомнѣнно древняго и вполне достовѣрнаго свидѣтельства, и тогда они никакъ не могли бы начать родословную Владиміра не съ дѣйствительнаго родоначальника его династіи, не съ Рюрика, а только съ Игоря, неизвѣстнаго имъ даже по отчеству¹⁾. Итакъ, для Русскихъ людей XI вѣка Рюрикъ вовсе не

¹⁾ Но намъ могутъ замѣтить, что если въ одномъ изъ немногихъ, извѣстныхъ доселѣ, письменныхъ памятниковъ XI вѣка, именно въ „Житіи блаженнаго Володимера“ (Христ. Чтен. 1849 г., ч. 2, стр. 328), Владиміръ названъ правнукомъ Рюрика, то надо полагать, что въ то время Рюрикъ еще не былъ совершенно забытъ всѣми, что его еще знали и помнили какъ родоначальника княжеской династіи. Дѣйствительно, это „Житіе“ начинается словами: «Сиде убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея руския земля Володимеру, вѣнуку же Иольжину, а правнуку Рюрикову».... Но здѣсь послѣднія слова явно не кстати вставлены переписчикомъ, который зналъ Рюрика уже изъ «Новѣсти» Нестора; они вовсе не вѣжутся съ мысленіемъ автора, кото-

имуществу область Кіевскую. Такъ, въ сказаніи о путешествіи Ольги въ Новгородъ онъ именно различаетъ Русскую землю отъ Новгородской, говоря: „и ловища ся (Ольги) суть и до сего дне по всей земли *Русьстѣи* и *Новгородстѣи*, знаменья же и мѣста и погосты“¹⁾. То же различіе Русской земли отъ Новгородской видимъ и у Константина Багрянороднаго; говоря (de adm. imp. ed. Вонп. р. 74), что „ладіи Русовъ, приходящія въ Константинополь *изъ за-Русіи* (ἀπὸ τῆς ἔξω Ρωσίας), выходятъ изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ Святославъ, сынъ Игоря Русскаго князя“, онъ помѣщаетъ Новгородъ, очевидно, не въ Русской землѣ, а вѣ ея, въ другомъ ладѣи, гдѣ, впрочемъ, княжилъ сынъ Русскаго князя, и гдѣ жили, по его понятію, тѣ же Русь, то-есть, Варяги, которыхъ онъ, какъ уже замѣчено, не отличалъ отъ Руси. Наконецъ, и по первому договору Олега съ Греками (906 г.), Новгородъ — не русскій городъ, ибо онъ не упоминаетъ въ перечнѣ тѣхъ *русскихъ городовъ*, въ которыхъ „сѣдяху князи величїи подѣ Ольгомъ суще“, и на которые Олегъ потому и вытребовалъ отъ Грековъ *уклады*; а онъ долженъ бы стоять въ этомъ перечнѣ, по старшинству послѣ Кіева, еслибы считался русскимъ городомъ. Стало быть, Русская земля при Рюрикѣ состояла изъ окружавшихъ его Новгородское княжество варяго-русскихъ завоеваній, изъ земель чисто-финскихъ, кромѣ Полотской области, и это *Финно-Русское* государство, до занятія Олегомъ Кіева, не имѣло даже своего собственнаго государственнаго средоточія. Такимъ средоточіемъ, первую столицю Руси, государства *Славяно-Русскаю*, явился только Кіевъ, мать городовъ русскихъ, почему и настоящимъ основателемъ этого государства слѣдуетъ признать Олега, а временемъ его основанія — лѣто 881 года, когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, сказалъ: „се буди мати градомъ русскимъ“ (значить, и тысячелѣтіе Россіи еще впереди). Рюрикъ же, утвердивъ свой столъ въ Новгородѣ и доставивъ тѣмъ преобладаніе Славянамъ надъ прочими племенами, участвовавшими въ призваніи князей, особенно же надъ Чудью, игравшею въ этомъ дѣлѣ, какъ видно, первую роль, положилъ основаніе собственно только Новгородскому княжеству—государству, хотя и подвластному русскимъ князьямъ, по не Русскому, а Финно-Славянскому.

¹⁾ Первоначальный текстъ этого сказанія, испорченный во всѣхъ спискахъ лѣтописей, возстановленъ изъ разночтеній въ 1-й части нашего Опыта (см. «Отчетъ о 14-мъ присужденіи награды гр. Уварова», стр. 98), при чемъ чтеніе списковъ Патріаршей лѣтописи, по логическимъ соображеніямъ, оказалось наиболѣе близкимъ къ утраченному подлиннику Нестора.

и его варяжскомъ происхожденіи въ памятникахъ XI вѣка наши антинорманнисты не обратили доселѣ вниманія и не воспользовались этимъ надежнымъ оружіемъ для нанесенія своимъ противникамъ удара, который, можетъ быть, заставилъ бы ихъ призадуматься. Опираясь на этотъ *argumentum a silentio*, гораздо болѣе вѣскай, чѣмъ молчаніе иноземныхъ писателей о скандинавскомъ происхожденіи Руси:

тѣмъ Іаковъ мнихъ, авторъ «Похвалы», по видимому, самъ присвоиваетъ себѣ и «Житіе», и «Сказаніе страстей». Онъ говоритъ (стр. 316): «Тако же и азъ, худый мнихъ Іаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрномъ князѣ Володимери всея Русскыя земля, о сыну Святославѣ, и мало събравъ отъ многихъ и (чит. «отъ многихъ»), то-есть, изъ многого слышаннаго), добродѣтели его написахъ и о сыну ею, *реку же святую и славою мученика Бориса и Гльба: како просвѣти благодать Божіа*.... и т. д. Но если отсюда выбросить подчеркнутую фразу, которая явно разрываетъ логическую связь и затемняетъ толкъ: смыслъ рѣчи, безъ нея совершенно ясный, то окажется, что не Іаковъ мнихъ присвоилъ себѣ, а какой-то книжный читатель разсудилъ приписать ему эти три сочиненія. Не сообразивъ, что Іаковъ мнихъ въ своемъ предисловіи къ «Похвалѣ» говоритъ о ней же, о «Похвалѣ», какъ о сочиненіи уже готовомъ, въ прошедшемъ времени: «добродѣтели его написахъ», и полагая, что онъ указываетъ на какое-то другое имъ уже прежде написанное сочиненіе, читатель смекнулъ, что сочиненіе это должно быть «Житіе», такъ какъ описаніе добродѣтельного житія Владиміра — то же, что описаніе его добродѣтелей. Далѣе, читая, вѣроятно, въ той же рукописи третью статью, неизвѣстный авторъ которой обѣщается «идѣи» разказать добродѣтели Владиміра, смѣтливый читатель заключилъ, что это обѣщаніе написать «Житіе» или добродѣтели Владиміра, дастъ тотъ же «худой мнихъ Іаковъ», который, стало быть, сперва написалъ «Сказаніе страстей Бориса и Гльба», потомъ «Житіе Володимера», и наконецъ, «Похвалу» ему. Вслѣдствіе такого умозаключенія, онъ и приписалъ въ «Похвалѣ», на полѣ рукописи, къ словамъ «добродѣтели его написахъ» свое дополненіе: «и о сыну ею».... и т. д., которое послѣдующій переписчикъ включилъ въ текстъ сочиненія. Итакъ, Іаковъ мнихъ — авторъ только одной «Похвалы», а «Житіе» и «Сказаніе» никакъ не могутъ принадлежать ему. Вѣроятно, они написаны однимъ лицомъ, имя котораго не извѣстно. Но то несомнѣнно, что эти три сочиненія написаны все въ XI вѣкѣ, раньше «Повѣсти временныхъ лѣтъ», ибо все они, очевидно, были извѣстны Нестору, который пользовался ими, какъ источниками. Еслибъ они были написаны послѣ Нестора, въ исходѣ XII вѣка, какъ нѣкоторые полагаютъ, то въ нихъ мѣстами былъ бы другой колоритъ, просвѣчивали бы другіе оттѣнки; по крайней мѣрѣ, писатель, знакомый съ «Повѣстью» Нестора, никакъ не могъ бы, перечисляя предковъ Владиміра, не оставить во главѣ ихъ Рюрика. Слѣдательно, отсутствіе въ этихъ памятникахъ имени Рюрика служить ясною примѣтою, что они принадлежатъ къ той эпохѣ, когда о Рюрикѣ ничего не знали и не помнили, когда Игоря считали родоначальникомъ княжеской династіи, сыномъ неизвѣстнаго отца, какии-то безроднымъ княземъ.

они могли бы утверждать и доказывать, что Рюрикъ—миръ, что онъ никогда не существовалъ, что ни призванія князей изъ-за моря, ни прибытія съ ними парижской Руси вовсе не было, что все это выдуманно или самимъ Несторомъ, или кѣмъ-либо послѣ него, и вставлено при началѣ его хронологическихъ извѣстій. И тѣмъ легче и естественнѣе было бы доказывать позднѣйшее происхожденіе и вставочность этого сказапія о Руси, что разбросанные по разнымъ спискамъ, изуродованные клочки его казались не имѣющими никакой связи между собою. Но теперь, когда эти клочки, собранные вмѣстѣ и очищенные отъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій, сами собою, безъ всякой натяжки, совершенно естественно сложились въ одно стройное логическое цѣлое, въ составѣ котораго извѣстія о Варягахъ, о призваніи князей и прибытіи Руси изъ-за моря оказываются необходимымъ вступленіемъ, неразрывно слезаннымъ съ разказомъ о главномъ фактѣ,—теперь прійдется имѣть дѣло уже съ этимъ цѣлымъ, съ этою сплошною статью — прійдется отвергнуть ее всю, отъ перваго слова до послѣдняго, доказавъ, разумѣется, положительно, что она въ дѣйствительности никогда не существовала, что соединенныя нами чтеніи списковъ никогда не составляли одного цѣлага, а всегда были разрозненными отдѣльными извѣстіями, что мы связали ихъ насильственно, произвольно, въ противность логическимъ законамъ, словомъ—сами выдумали предлагаемую статью. Если-жъ этого доказать не возможно, если нельзя спорить противъ очевидности, то прійдется по неволѣ признать эту статью древнимъ официальнымъ памятникомъ, реляціей о Киевской катастрофѣ 881 года, написанною для византійскаго правительства, при его религіозно-политической миссіи въ Киевѣ. Итакъ, это *первое и главное наше положеніе* должно быть признано вполне доказаннымъ.

Другое положеніе, что реляція была написана Варягомъ-христіаниномъ, сподвижникомъ Аскольда и Дира, лично участвовавшимъ въ описываемыхъ событіяхъ, также можно признать, по крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ предположеній, наиболѣе вѣроятнымъ. Ибо, во первыхъ, авторъ обнаруживаетъ въ сжатомъ очеркѣ сѣверныхъ событій такой ясный и вѣрный взглядъ на современное положеніе дѣлъ на сѣверѣ, какого не могъ бы выразить писавшій по слуху, по чужимъ разказамъ; во вторыхъ, онъ помнитъ и указываетъ первоначальную Русскую землю на сѣверѣ, о которой въ исходѣ IX вѣка могло сохраниться воспоминаніе только между Варягами, и третьихъ, употребляетъ имя *Варяги* въ двойномъ смыслѣ: *отъ коренномъ* (отъ Varingar),

извѣстномъ только самимъ Варягамъ, какъ служебное названіе дружиниковъ или ротниковъ Руси, и съ переносомъ, какой оно получило у Славянъ, принявшихъ служебное названіе заморскихъ пришельцевъ за ихъ племенное, или народное имя. По этимъ признакамъ нельзя не заключить, что въ составленіи реляціи весьма дѣятельное участіе принималъ Варягъ, очевидецъ событій, который въ то время, когда письменно или устно излагалъ свои воспоминанія, могъ быть лицомъ духовнымъ, членомъ миссіи въ Кіевѣ—дѣвателемъ, тѣмъ болѣе полезнымъ для миссіи, что онъ, зная туземное славянское нарѣчіе (на которомъ съ примѣсю языка церковно-славянскаго, вѣроятно, и написана была реляція), звалъ и свой природный языкъ — варяжскій или шведскій, и слѣдовательно, могъ знакомить съ евангельскимъ ученіемъ и новоприходившихъ изъ-за моря своихъ соплеменниковъ, не знакомыхъ еще съ языкомъ славянскимъ. Но, спросить насъ, почему же этотъ Варягъ-христіанинъ, членъ духовной миссіи, бывший сподвижникъ Аскольда и Дира, ничего не говоритъ о состояніи самой миссіи и много стада Христора въ Кіевѣ, о томъ положеніи, въ какое они поставлены, были совершившимся переворотомъ? И почему онъ такъ холодно отзывается о убіеніи первыхъ христіанскихъ князей Кіевскихъ? Потому, что эта реляція могла быть написана никакъ не ранѣе 883 года то-есть, послѣ катастрофы, спустя два года, въ продолженіе которыхъ епископъ и миссія не могли не имѣть сношеній съ своимъ вачальствомъ. Безъ сомнѣнія, епископъ въ томъ же 881 году, тогда же по убіеніи Аскольда и Дира, сообщилъ въ своемъ донесеніи патріарху о ихъ мученической смерти и христіанскомъ погребеніи, почтительно память ихъ слезою сочувствія, и не преминулъ также разказать о томъ, какъ завоеватели распорядились съ дружиной убитыхъ князей и какъ отнеслись они къ миссіи и къ христіанамъ въ Кіевѣ. Но тогда онъ или самъ еще не зналъ, или не догадался сообщить о прошломъ новыхъ завоевателей и объ ихъ отношеніяхъ къ Руси Аскольда и Дира. Посему, когда Олегъ въ какіе-нибудь два года покорилъ все Приднѣпровье и грознымъ завоевателемъ явился на Черномъ морѣ, византійское правительство, встревоженное появленіемъ новаго опаснаго врага въ своемъ сосѣдствѣ, пожелало имѣть о немъ болѣе точныя свѣдѣнія и обратилось съ запросомъ къ своей миссіи въ Кіевѣ. Отвѣтомъ на этотъ запросъ и была реляція нашего автора, который, слѣдовательно, обязанъ былъ только дополнить и пояснить свѣдѣнія, уже прежде сообщенныя, а не повторять, не пересказывать ихъ снова. Вотъ почему онъ и излагаетъ въ послѣдовательномъ по-

никовъ. Полагать же, что явленія, предшествовавшія вниманію дани, были неизвѣстны ему, невозможно; ибо, читая этотъ сжатый, но ясный, и очевидно, правдивый разказъ о сѣверныхъ событіяхъ, какъ-то невольно чувствуешь, что авторъ его, или тотъ, со словъ котораго онъ записалъ, знаетъ гораздо больше, чѣмъ говорить, что онъ о всѣхъ этихъ событіяхъ, до послѣднихъ годовъ Рюрикова княженія, съ намѣреніемъ упоминаетъ только въ краткомъ очеркѣ, какъ-бы въ прологѣ, необходимомъ для уразумѣнія той драмы, которая въ 881

лѣтописи, не могли открыты, гдѣ именно скрывается источникъ ошибки (хотя, какъ видно, «ларчикъ просто открывался»), то можно ли требовать, чтобы Несторъ, имѣя подъ рукою, вѣроятно, одинъ только списокъ «Лѣтописца въскоря», могъ догадаться, что въ немъ выраженіе «до Θεοφύλα» значитъ *до смерти Θεοφύλα*, и что, вмѣсто числа 530, должно быть 532? Естественно, что онъ, полагаясь на показаніе патріарха Никѳора, что отъ Константина *до Θεοφύλα* лѣтъ 530, прибавилъ къ этому числу еще 12 лѣтъ царствованія Θεοφύла, и въ послѣднемъ періодѣ своей таблицы написалъ: «отъ Константина же до Михаила сего лѣтъ 542». Сложивъ же числа лѣтъ: отъ Адама до Р. Х., отъ Р. Х. до Константина и отъ Константина до Михаила, то-есть $5500 + 318 + 542$, онъ долженъ былъ съ полною увѣренностію принять сумму ихъ—6360 лѣтъ отъ Адама за годъ вступленія на престолъ Михаила.

Еслибы Несторъ, усомнившись почему-либо въ непогрѣшимости показанія патріарха Никѳора, пожелалъ провѣрить его другимъ путемъ, съ помощію другихъ доступныхъ ему источниковъ, то такая повѣрка не только не могла бы вывести его на прямой путь, а напротивъ, вслѣдствіе случайнаго совпаденія погрѣшностей, должна была бы послужить для него только новымъ, сильнѣйшимъ подтвержденіемъ того ошибочнаго понятія, будто царствованіе Михаила дѣйствительно началось въ концѣ 6360 мартовскаго года отъ С. М.—Для такой повѣрки онъ могъ обратиться только къ хроникѣ Георгія Амартола, съ ея продолженіемъ, которая, въ болгарскомъ переводѣ, была для него какъ-бы настольною книгою, что подтверждается многочисленными изъ нея выписками въ его «Поиски» (см. «О древн. Русск. лѣтописи» М. И. Сухомлинова, стр. 85—106). По свидѣтельству же г. Муральте, изданнаго греческій подлинникъ Амартола съ примѣтами по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ (напечатанъ въ Уч. Зап. 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ, кн. VI), болгарскій переводъ этой хроники, особенно съ 842 года, согласенъ съ греческимъ ея текстомъ по Ватиканскому списку (Pamart. Proleg. XXXVI); а въ этомъ списокѣ о годахъ Михайлова царствованія сказано: «царствовалъ вѣсть съ матерью 4 года (ἔτη δ', *описка вмѣсто ἔτη ἰδ'*), одианъ—10 лѣтъ и 4 мѣсяца, и съ Василиемъ — годъ и 4 мѣсяца» (Pamart., p. 717, nota 13). Если это ошибочное показаніе Ватиканскаго списка (то-есть, 4 в. 14) повторилось и въ болгарскомъ переводѣ, то для Нестора царствованіе Михаила продолжалось всего только 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; а когда оно кончилось—это ему достоверно было извѣстно: ибо въ числѣ его домашнихъ, письменныхъ источниковъ, какъ видно изъ весьма многихъ его хронологическихъ показаній, несомнѣнно была и древняя пасхальная таблица, съ историческими замѣтками,

году разыгралась въ Кіевѣ, и изложеніе которой и составляетъ главную цѣль его сочиненія. Притомъ же, опъ знаетъ даже и то, чего никто, кромѣ Варяговъ или Варяговъ-Руси, не могъ знать, и чего даже и сами Варяги, вѣроятно, не помнили уже въ началѣ X вѣка,— знаетъ, что Русскою землею первоначально называлась страна пяти сѣверныхъ племенъ, и именно въ то время, когда въ ней господствовали находники Варяги, состоявшіе на службѣ у Руси, и когда сама дружина Русь, съ своими князьями, сидѣла еще гдѣ-то за моремъ. Этого названія, разумѣется, не знали и не признавали за своею зем-

изъ которой онъ, между прочимъ, внесъ въ свою «Повѣсть» и показаніе, что «въ лѣто 6376 нача царствовати Висилій», то-есть, одинъ, по убіеніи Михаила. Кромѣ того, если въ болгарскомъ Амартолѣ о убіеніи Михаила сказано такъ же, какъ и въ Ватиканскомъ спискѣ, то Несторъ могъ знать не только мѣсяць и число, но и день недѣльный, въ который погибъ Михаилъ; ибо въ Ватиканскомъ спискѣ, какъ и у Семеона Лаговета, говорится, что «это случилось въ 3-й день недѣли, въ 3-мъ часу ночи, наканунѣ св. Фекалы первомученицы» (Напат., р. 752, nota 1), то-есть, 23-го сентября, во вторникъ, въ 9-мъ часу вечера (ср. *Книг. Chronolog. d. Byzant.*, р. 2). Слѣдовательно, Несторъ могъ просто по пальцамъ разсчитать, что царствованіе Михаила, продолжавшееся, будто бы, 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, и кончившееся въ 6376 году 23-го сентября, должно было начаться около 23-го января 6360 мартовскаго года. Итакъ, кто же виновать въ ошибочности перваго хронологическаго показанія Нестора? Не онъ, конечно.

Нельзя не замѣтить еще, что патріархъ Никифоръ, или авторъ «Лѣтописца вѣскорѣ», кто бы онъ ни былъ, въ самомъ разграниченіи періодовъ времени по Рождеству Христову явно путается въ двухъ разныхъ лѣтосчисленіяхъ: Рождество Христово полагаетъ онъ по Александрійской эрѣ въ 5500 году отъ С. М. и отъ этого года до Константина считаетъ 318 лѣтъ. Какое же событіе Константинова царствованія принимаетъ онъ за эпоху, за предѣлъ этого періода? Изъ его подробной таблицы видно, что событіе это — первый вселенскій соборъ въ Никее, который онъ относитъ къ 20-му (а Амартолѣ къ 12-му) году царствованія Константина и къ 318-му отъ Р. Х.; но это выходитъ уже не по Александрійской эрѣ, какъ слѣдовало бы, а по Константинопольской, которой 318-й годъ, считаемый отъ Р. Х. въ 5508 году, соответствуетъ 325-му Александрійской эрѣ. А по какой эрѣ считаетъ, или считалъ онъ отъ Константина до смерти Θεοφιλα (θεός Θεοφίλου) 532 года? По своей собственной! Ибо по Константинопольской отъ 318 г. до 842 будетъ 524 года, а по Александрійской отъ 325 г. до 850—525 лѣтъ. Эта разность въ одномъ годѣ происходитъ, кажется, отъ того, что одна эра ведетъ счетъ по сентябрьскимъ, другая — по мартовскимъ годамъ. У Георгія Амартола такая же путаница, и такая же, вѣроятно, и у другихъ византійскихъ писателей. Вообще, византійская хронологія, хотя надъ нею уже много и многіе трудились, нуждается еще въ тщательной критической разработкѣ.

лею сами племена, платившія дань Варягамъ; да и Варяги, послѣ ихъ изгнапія, не могли больше называть Русскою землею страну, ими утраченную, которая не составляла уже ихъ собственности, но была русскою по праву завоеванія. По прибытіи же князей и дружины Русь, имя Русской земли перенесено было уже на новыя ихъ завоеванія и окончательно утвердилось при Олегѣ за покоренною имъ страню Приднѣпровскою, къ которой причислялись также и области Полотская, Ростовская, Бѣлозерская и Муромская, покоренныя Русью при Рюрикѣ и розданныя имъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ. Стало быть, уже въ то время, когда Рюрикъ утвердилъ свой столъ въ Новгородѣ, Русскою землею называлась не та страна, которая въ царствованіе Михаила „начя ся прозываети Руская земля“, — та составляла теперь уже наследственное владѣніе Рюрика, княжество Новгородское, которое и впоследствии, кажется до самаго паденія ея самостоятельности при Иоаннѣ III, никогда не называлось Русскою землею, хотя и составляло всегда часть Руси, Русскаго государства ¹⁾.

¹⁾ Только по милости нехѣливой вставки (см. выше Объясн. 6) всё мы доселѣ, вслѣдъ за Шлецеромъ, полагали, что Песторъ подъ именемъ первоначальной Русской земли разумѣлъ сѣверную страну, область Новгородскую, получившую, будто бы, это новое названіе со времени прибытія туда князей и Руси. Это мнѣніе нашло себѣ, послѣ Шлецера, еще новую, по видимому, надежную опору въ авторитетѣ древнѣйшаго изъ нашихъ списковъ—Даврентьевскаго, въ которомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о прибытіи князей и Руси и о водвореніи Рюрика не въ Ладогѣ сначала, а прямо въ Новгородѣ, читаемъ: «отъ тѣхъ [стало быть, отъ князей и Руси] прозвася Руская земля Новгородьци». Но еслибы таково было первоначальное, правильное чтеніе, то впоследствии никакю логическою комбинаціей не могла бы быть вызвана, послѣ «отъ тѣхъ», вставка словъ: *Варяги находники*, изъ которыхъ первое находится рѣшительно во всѣхъ спискахъ, кромѣ *Лавр.*, а второе, пропущенное въ древнихъ спискахъ, оказывается по всѣмъ позднѣйшимъ, частію въ той же формѣ, частію съ измѣненнымъ окончаніемъ, то-есть, *находникиль*, *находниковъ*. Притомъ же слова: *Варяги находники* и потому уже не могутъ быть позднѣйшею вставкою, а должны быть признаны принадлежащими къ древнему, подлинному тексту, что они, какъ уже доказано выше, по отношенію ко всему предыдущему разказу, логически необходимы въ этой заключительной фразѣ. Слѣдательно, пропускъ ихъ, встрѣчающійся въ одномъ только *Лавр.* спискѣ, очевидно, вызванъ соображеніями самаго мнѣхъ Даврентія, которому казалось невозможнымъ, чтобы названіе *Русская земля* произошло отъ какихъ-то Варяговъ находниковъ, а не отъ Руси, пришедшей вѣстѣ съ князьями; ибо онъ не зналъ, да и Песторъ не зналъ, не знали и мы доселѣ, что эти Варяги, состоявшіе, какъ ротники, на службѣ у Руси, собственно та же Русь.

Если же это показаніе о первоначальной Русской землѣ на сѣверѣ, получившей свое названіе отъ Варяговъ находниковъ въ началѣ Михаила царствованія, было уже при началѣ княженія Олега въ Кіевѣ переданіемъ, намятнымъ только для самихъ Варяговъ-Руси и долженствовавшимъ даже и между ними весьма рано прійти въ забвеніе, особенно въ виду существованія новой Русской земли на югѣ, то могло ли бы такое показаніе, совершенно уже непонятное для Нестора, попасть въ его лѣтопись, еслибъ оно не было записано въ исходѣ IX вѣка, какъ свѣдѣніе еще воспоминавіе? Рѣшительно не возможно себѣ представить, чтобы впоследствии, напримѣръ, хоть въ половинѣ X вѣка (о позднѣйшемъ времени и гадать нечего), когда изъ Варяговъ, господствовавшихъ на сѣверѣ до призванія князей, никого уже не было въ живыхъ, когда и пришедшіе съ Рюрикомъ Варяги-Русь сопли уже въ могилу съ Олегомъ, и когда при Игорѣ размножилась и стала дѣйствовать уже новая Русь славянская, — не возможно, говорю, чтобы въ это время кто-нибудь могъ еще помнить, что въ началѣ царствованія Михаила страна Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей стала прозыватья Русскою землею отъ того, что заморскіе находники Варяги брали дань съ ея обитателей. Слѣдовательно, это показаніе, совершенно ясно выраженное въ началѣ возстановленнаго нами текста, представляетъ неопровержимое доказательство того, что Несторъ буквально списалъ свое сказаніе о происхожденіи Руси изъ древняго officialнаго памятника, написаннаго современникомъ и очевидцемъ въ исходѣ IX вѣка. Не не возможно также, что авторъ памятника самъ былъ Варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, вмѣстѣ съ ними, еще юношею, пришедшій изъ сѣверной Русской земли въ Кіевъ, въ 851 году, и спустя 15 лѣтъ принявшій святое крещеніе. Ставъ ревностнымъ христіаниномъ и желая почерпнуть знаніе истинъ новой вѣры въ самомъ ихъ источникѣ, онъ могъ изучить славянскую грамоту, и занимался въ теченіе многихъ лѣтъ чтеніемъ и перепискою богослужебныхъ книгъ, могъ пріобрѣсти навыкъ излагать и свои собственныя мысли письменно на языкѣ славянскомъ, особенно о такихъ дѣлахъ, которыя ему, какъ очевидцу и дѣйствователю, были хорошо извѣстны и понятны.

Что это логически полное и стройное сочиненіе, отдѣльными сегментами уцѣлѣвшее въ нашихъ спискахъ, могло быть написано только въ исходѣ IX вѣка, современникомъ и очевидцемъ событій, въ немъ изложенныхъ, — это, послѣ всего вышесказаннаго, не можетъ подлежать уже никакому сомнѣнію. Съ какою же цѣлію и для кого оно

рядкѣ одни только голые факты, и останавливаясь преимущественно на дѣлахъ Олега, изображаетъ его сильнымъ и неутомимымъ завоевателемъ, располагающимъ многочисленнымъ, приведеннымъ съ сѣвера, войскомъ и умѣющимъ быстро достигать своихъ цѣлей, дѣйствуя и силою, и хитростію. Вотъ почему онъ пишетъ спокойно и безстрастно, не давая воли ни чувству, ни воображенію,—пишетъ, какъ чиновникъ докладную записку или извлеченіе изъ дѣла, пишетъ только то, что нужно для его цѣли, и такъ, какъ нужно, и какъ не могъ бы писать русскій лѣтописецъ для русскихъ читателей.

Написанная при началѣ войны Олега съ Ульцами и Тивьрьцами, въ 883-мъ или въ слѣдующемъ году, эта реляція или историческая записка была, разумѣется, тотчасъ отправена по назначенію, при донесеніи епископа; но черновая, или копія, безъ сомнѣнія, осталась въ Кіевѣ, при дѣлахъ миссіи, по упраздненіи которой, въ исходѣ X вѣка, заброшенная, вѣроятно, въ бывшемъ архивѣ между старыми, ненужными дѣлами, она пролежала еще столѣтіе, никому не известная и никѣмъ не тревожимая до временъ Нестора. Такимъ образомъ, этотъ древній, чрезвычайно важный и любопытный памятникъ, случайно уцѣлѣвшій въ теченіе двухъ вѣковъ, только въ Несторѣ нашелъ своего Колумба, и только въ его ватѣйливой, но дословновѣрной передачѣ, съ его толкованіями, въ хронологической рамкѣ его „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ впервые сдѣлался известенъ русскимъ читателямъ. А это было въ исходѣ XI, или въ началѣ XII вѣка, въ то время, когда варяжское происхождение Руси никому даже и во снѣ не грезилось, когда въ русскомъ обществѣ выработался ужъ опредѣленный взглядъ на его прошлое — сложилось убѣжденіе, что Русью искони называлось какое-то славянское племя или первенствующій родъ славянскій, соединившій подъ своею властію всѣ прочія племена въ одно государство Русское; когда имена *русскій* и *православный* сдѣлались почти синонимами — названіями, какъ-бы обще-племенными всѣхъ Славянъ, населявшихъ русскую государственную территорію и сознававшихъ себя одною русскою, православною націей. И въ это то время вдругъ раздается голосъ, утверждающій что Русь по своему первоначальному происхожденію вовсе не Славяне, а Варяги, народъ Варяжскаго племени, пришедшій изъ-за моря, вмѣстѣ съ родоначальникомъ православныхъ князей Русскихъ! Можно себѣ представить, съ какимъ изумленіемъ должны были встрѣтить это открытіе современники Нестора, твердо убѣжденные въ томъ, что ихъ отцы, дѣды, прадѣды — всѣ предки искони вѣковъ были Славяне,

называвшіеся Русью!.. Но конечно, не всѣ современники Нестора отнесли къ его сказанію съ такимъ предубѣжденіемъ: были и такіе, которые могли видѣть и читать въ Печерскомъ монастырѣ самый источникъ этого сказанія, и слѣдовательно, не имѣли повода сомнѣваться въ его древности и достовѣрности. Да и тѣ, которые съ рѣшительнымъ предубѣжденіемъ встрѣтили это сказаніе, не могли вполне и совершенно отвергнуть его; ибо въ немъ оказалось много такого, что не только не противорѣчило тогдашнимъ легендарнымъ свѣдѣніямъ о минувшемъ, но напротивъ, пояснило и пополнило ихъ. Такъ, изъ легенды о хазарской дани знали, что Поляне когда-то, при потомкахъ Кія, сдѣлались данниками Хазаръ, откуда нельзя было не заключить, что и сосѣди ихъ, Сѣверяне и Радимичи, обитавшіе на восточномъ берегу Днѣпра, должны были подпасть той же участи: а въ слѣдующей затѣмъ легендѣ о походѣ Олега на Грековъ Поляне, Сѣверяне и Радимичи, даже и Витичи, стоятъ уже подъ знаменемъ Олега, Русскаго князя. Но когда и какъ Хазарское господство надъ этими племенами смѣнилось русскимъ,—въ легендахъ нѣтъ отвѣта; ибо между легендарною исторіей Полянъ, подъ управленіемъ потомковъ Кія, и легендами о Руси, господствовавшей въ Кіевѣ, оказывается явный пробѣлъ, пустота, которую не чѣмъ наполнить, отвергнувъ сказаніе Нестора. Да и самъ легендарный Олегъ, безъ этого сказанія, не имѣетъ начала; онъ является внезапно, какъ *deus ex machina*,—вѣщій по прозванію, безвѣстный по происхожденію. Точно также и Игорь. Знали, что онъ княжилъ въ Кіевѣ послѣ Олега, подобно ему ходилъ на Царьградъ и былъ убитъ Древлянами; но откуда онъ, кто былъ отецъ его, какъ приходился онъ Олегу,—ничего этого не знали до Нестора. Далѣе, древняя могила на горѣ Угорской, называвшаяся *Аскольдовой*, смутно напоминала современникамъ Нестора, что былъ какой-то древній князь или могучій богатырь Аскольдъ (Дира, вѣроятно, вспомнили они только по „Повѣсти“ Нестора); но кто онъ былъ по происхожденію—потомокъ ли баснословнаго Кія, или пришелецъ какой, и чѣмъ прославился—этого также не знали, не помнили и не могли помнить по прошествіи двухъ вѣковъ. А всѣ эти вопросы, которые невольно вызывались общеизвѣстными до Нестора легендами и преданіями, но не разрѣшались ими, совершенно ясно и удовлетворительно рѣшаются сказаніемъ Нестора о Руси.

И вотъ почему не возможно было вполне отвергнуть это сказаніе; пришлось по неволѣ допустить, что Рюрикъ съ братьями дѣйствительно былъ призванъ изъ-за моря отъ Варяговъ, что онъ княжилъ

въ Новгородѣ и оставилъ по себѣ сына, младенца Игоря, и сродника Олега, которому передалъ княжесіе, и что мужи его Аскольдъ и Диръ утвердились въ Кіевѣ, гдѣ потомъ были убиты Олегомъ, который освободилъ Полянъ и ихъ восточныхъ сосѣдей отъ хазарскаго владычества, покорилъ многія другія племена и положилъ основаніе Русскому государству. Все это, при тогдашнихъ смутныхъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о дѣлахъ давно минувшихъ, было настоятельно необходимо, и потому, не могло не быть признано истиною. Но происхожденіе самой Руси отъ заморскихъ Варяговъ, не совсѣмъ ясное уже для самого Нестора, всегда казалось русскому челоуѣку посягательствомъ на его славянскую національность, чуть не ересью, и потому противъ этого факта и начались протесты,—и продолжаются до нашихъ дней; а все оттого, что самый фактъ понимали и понимаютъ превратно; не могли и не могутъ понять, что къ намъ изъ-за моря отъ Варяговъ пришли только князья и дружина, и принесли съ собою только свои воинскіе порядки, да имя *Руси*, сдѣлавшееся названіемъ основаннаго ими чисто-славянскаго государства, а также и его обитателей, но не въ племенномъ, а въ государственномъ смыслѣ.

Первоначально эти протесты выражались передѣлками текста сказанія, съ тою цѣлю, чтобъ отдѣлить Русь отъ Варяговъ и признать принеслицами только послѣднихъ, а первую — туземнымъ племенемъ, народомъ Славянскимъ, не пришедшимъ съ кплзьями, а участвовавшимъ въ ихъ призваніи. Древнѣйшій такого рода протестъ, дошедшій до насъ, высказанъ въ Софійскомъ харатейномъ Номоканонѣ, въ списокѣ исхода XIII вѣка: „При сего (Михаила) царствѣ придоша *Русь*, Чюдь, Словенѣ, Кривичи къ *Варягомъ*, рѣша:“ и т. д. (Полн. собр. лѣт. I, Прилож., стр. 251). Но, вѣроятно, это не первый протестъ. Можетъ быть, чтенія, встрѣчающіяся въ нашихъ спискахъ: „Идоша къ *Варягомъ изъ Руси* (вм. „къ Руси“) за море“. — „Рѣша *Русь* (вм. „Руси“), Чюдь, Словѣни и Кривичи:“ — „рѣша Чюдь, Словѣне, Кривичи *Варягомъ*:“ — „пояша съ собою *дружину мноу* (вм. „всю Русь“)“, и другія подобныя передѣлки ведутъ свое начало съ первыхъ, древнѣйшихъ списковъ, святыхъ съ рукописи Нестора. Но замѣчательно, что у насъ нѣтъ — да вѣроятно, и прежде никогда не было — ни одного списка, въ которомъ были бы переиначены всѣ фразы (ихъ всего четыре), указывающія на заморскую Русь и на ея прибытіе къ намъ съ князьями, и нѣтъ также списка, въ которомъ хоть одна кака-либо изъ этихъ фразъ не была бы переиначена; даже наиболѣе исправные списки (Рдз. и Трц.) имѣютъ: „пояша *собѣ* (вм. „по собѣ“)“

всю Русь", что, впрочемъ, могло произойти и безъ умысла, вслѣдствіе случайнаго описанія переписчика.

Изъ этого видно, что даже и сказаніе о варяжскомъ происхожденіи Руси, явно непріятное переписчикамъ и компиляторамъ, и потому пострадавшее въ ихъ передачѣ болѣе или менѣе во всѣхъ спискахъ, не подвергалось, однако же, общему систематическому гоненію, не вызвало едиподушнаго протеста всѣхъ людей грамотныхъ (до безграмотной массы это вовсе не касалось). Да и трудно было явиться такому протесту противъ яснаго и правдиваго сказанія, котораго нечѣмъ было замѣнить—не только болѣе достовѣрнымъ, но даже и равно вѣроятнымъ; ибо исконное существованіе славянской Руси было только убѣжденіе, хотя и общее, но безотчетное, бессознательное, которое не имѣло опоры даже въ народныхъ преданіяхъ, и потому не могло вытѣснить сказанія Нестора, списаннаго съ древняго официальнаго памятника. Напрасно думаютъ, будто уже при Несторѣ, и даже раньше, „народъ производилъ имя Руси отъ рѣки Росъ, отъ Русса сына Лехова, отъ разсѣянія“ (Отрывки о варяжскомъ вопросѣ, стр. 45). Еслибы въ то время дѣйствительно ходили подобныя толки, хоть и не въ самомъ народѣ, а въ средѣ людей книжныхъ, въ тогдашней интеллигенціи, то Несторъ не могъ бы оставить ихъ безъ возраженія; послѣ словъ: „И отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Руская земля“, или послѣ другой подобной фразы, неоднократно имъ повторяемой, онъ, вѣроятно, сказалъ бы: „се же не свѣдуща право глаголютъ, яко“... и приведа существовавшіе толки, опровергъ бы ихъ, сославшись, можетъ быть, на свой древній источникъ. А еслибы онъ этого не сдѣлалъ, то его продолжатели или переписчики и послѣдующіе компиляторы вставили бы въ его „Повѣсть“ эти толки, протестуя ими противъ варяжскаго происхожденія Руси, или даже первые его читатели могли бы приписать ихъ на полѣ древнѣйшихъ списковъ или подлинной его рукописи, откуда они были бы включены въ текстъ послѣдующими переписчиками; слѣдовательно, мы нашли бы эти толки или преданія уже въ нашихъ древнихъ спискахъ XIV и XV столѣтій. Если-жъ они появились только въ компиляціи XVII вѣка, въ Густинской лѣтописи, составитель которой даже прямо объявляетъ ихъ учеными толками, измышленіями польскихъ лѣтописцевъ (самыя имена которыхъ, съ указаніемъ на книги и страницы ихъ сочиненій, выставлены на полѣ противъ этихъ мнимыхъ преданій, въ Полн. собр. лѣт., II, стр. 236), то какія же это народныя преданія, современныя Нестору? Это такія же преданія, какъ и басни о князьяхъ

Словенѣ и Русѣ, сыновьяхъ Скиава, правнука Іафетова, родившаяся въ головѣ сказочника того же XVII вѣка (см. *Карамзинъ*, I, прим. 70 и 91), или такія же, какъ мнимое преданіе о языческомъ идолѣ Рось и Росопоклонникахъ, порожденное фантазіей современнаго намъ ученаго, сильно предубѣжденнаго противъ Нестора. Выдавать такія нелѣпыя выдумки позднѣйшихъ сказочниковъ и даже свои собственные ученые домыслы за древнія преданія, за голосъ народа, будто бы протестующій противъ варяжскаго происхожденія Руси, и опираться на эти мнимые протесты, отвергать правдивое сказаніе Нестора — болѣе, чѣмъ странно!.. Впрочемъ, подобныя протесты, которые стали появляться у насъ только съ XVI вѣка подъ влияніемъ западно-русской учености, заразившейся отъ польскихъ сказочниковъ страстію къ баснословію, нисколько не повредили сказанію Нестора, хотя и прилѣплялись къ нему въ лѣтописныхъ сборникахъ XVI и XVII столѣтій. Гораздо опаснѣе были протесты, направленные противъ самаго текста сказанія, съ цѣлію извратить его смыслъ: отъ нихъ это сказаніе дѣйствительно сильно пострадало. Къ счастью еще, что переписчики и компиляторы не могли сговориться между собою и не могли, притомъ, возстать противъ всего сказанія Нестора, въ цѣломъ его составѣ. Принужденные же по необходимости признать фактъ призванія князей отъ Варяговъ-Руси, они не могли не допустить и его слѣдствія, то-есть, что и дружина, пришедшая съ русскими князьями, называлась также Русью; а потому и гоненіе ихъ, направленное только противъ отдѣльныхъ фразъ сказанія, и притомъ не единодушное, не достигало своей цѣли.

Такимъ образомъ, это сказаніе Нестора, списанное съ официальнаго памятника, хотя и пострадало въ теченіе вѣковъ отъ всевозможныхъ описокъ и искаженій, вставокъ и пропусковъ, однако уцѣлѣло въ дошедшихъ до насъ спискахъ на столько, по крайней мѣрѣ, что критика можетъ еще, собравъ и сопоставивъ показанія всѣхъ списковъ, возстановить его подлинный текстъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ кажется безнадежно испорченнымъ, и что особенно важно, можетъ отличить въ этомъ текстѣ тѣ пластинки, которыя вставлены въ него изъ древняго памятника, и къ удивленію, сохранились еще въ такой цѣлости, что, будучи освобождены отъ хронологической рамки и отъ прочей ихъ обстановки, сливаются опять между собою и представляютъ одно стройное цѣлое — ту официальную реляцію, изъ коей онъ выкроены. Если-жъ наиболѣе испорченное въ нашихъ спискахъ, оказалась возможность возстановить это

сказаніе въ его первоначальномъ видѣ, то конечно, можно — разумѣется, и необходимо — реставрировать такимъ же образомъ и всю „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ — эту единственную въ своемъ родѣ мозаику, искусно слѣвленную изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, которые художникъ сумѣлъ, разрѣзавъ на пластинки, передать въ цѣлости. По крайней мѣрѣ, до исхода X вѣка въ этой „Повѣсти“ нѣтъ ни одного факта, описаннаго самимъ Несторомъ по устнымъ разказамъ (легенды и преданія дошли до него уже въ сборникѣ, составленномъ, кажется, при Ярославѣ). Ему принадлежать только нѣкоторыя дополнительныя толкованія и поясненія фактовъ, и можетъ быть, немногія благочестивыя размышленія; все же прочее изложено подлинными словами его источниковъ.

То, что возможно сдѣлать, и что, притомъ, необходимо сдѣлать — раньше или позже, конечно, и будетъ сдѣлано: „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ будетъ восстановлена, и тогда мы, Русскіе, указывая на это наше народное сокровище, съ гордостію скажемъ, что наша исторія, съ первой страницы, вполне достоверна.

И. Ламбинъ.